

ВЕСТНИК

РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ВСЕРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ЮСТИЦИИ (РПА МИНЮСТА РОССИИ)

№ 3 / 2018

Учредитель издания:

Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный
университет юстиции
(РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой ака-
демии, 2018

Журнал зарегистрирован в Министерстве
РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
№ 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Журнал включен в перечень веду-
щих рецензируемых научных жур-
налов Высшей аттестационной ко-
миссии (ВАК), публикация в которых
обязательна при защите докторских
и кандидатских диссертаций. Группа
научных специальностей, по кото-
рым присуждаются ученые степени,
12.00.00 Юриспруденция.

Адрес редакции:

121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11

Тел.: 8-499-963-01-01 доб. 6025.

E-mail: journal@rpa-mjust.ru

Сайт: journal.rpa-mu.ru

Над номером работали:

Е. А. Козырева, А. Х. Маляревская,
И. Е. Яковлева

Дизайн обложки:

Ю. С. Соколова, А. А. Нехай

Верстка: Ю. С. Соколова

Номер подготовлен при информационной
поддержке справочной правовой системы
«КонсультантПлюс».

Формат 60x90 1/8. Печ. л. 10,5.

Подписано к печати 23.10.2018.

Тираж 1000 экз.

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А. И. Бастрыкин, Председатель Следственного комитета РФ,
доктор юридических наук, профессор

Члены редакционного совета:

В. А. Виноградов, заведующий кафедрой конституционного
и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор
юридических наук, профессор (г. Москва);

А. Герлох, профессор Карлова университета в Праге (Чехия);

Л. Гоцян, профессор Китайского университета политических наук
и права (Китай);

В. А. Гуреев, заведующий кафедрой гражданского процесса
и организации службы судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России),
доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Н. Г. Иванов, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии
ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор юридических наук, профессор
(г. Москва);

М. Н. Илюшина, заведующая кафедрой гражданского
и предпринимательского права ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор
юридических наук, доцент (г. Москва);

Л. Казертано, профессор частного права Университета INSUBRIA (Италия);

А. Г. Кибальник, заведующий кафедрой уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических
наук, профессор (г. Ставрополь);

И. М. Колосова, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права
и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических
наук, доцент (г. Москва);

А. А. Лебедева, заведующая кафедрой иностранных языков ВГУЮ (РПА
Минюста России), доктор филологических наук, профессор (г. Москва);

А. В. Морозов, заведующий кафедрой информационного права,
информатики и математики ВГУЮ (РПА Минюста России), доктор
юридических наук, профессор (г. Москва);

В. В. Оскамытный, заведующий кафедрой теории и истории государства
и права ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, профессор
(г. Москва);

П. С. Яни, профессор кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета МГУ, доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A. I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, doctor of law, professor

Members of the Editorial Board:

- A. Gerloch**, professor at the Charles University in Prague (Czech Republic);
L. Gotsyan, professor of China University of Political Science and Law (China);
M. N. Ilyushina, the head of the Civil and Business Law Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of law (Moscow);
V. A. Gureev, the head of the Civil Process and Organization Bailiff Chair of the All-Russian State University of Justice, the doctor of law, the professor (Moscow);
N. G. Ivanov, the head of the Criminal Law and Criminology Chair of the All-Russian State University of Justice, the doctor of law, the professor, honored lawyer of the Russian Federation (Moscow);
L. Kazertano, professor of Private Law at the University INSUBRIA (Italy);
A. G. Kibalnik, the head of the Criminal Law and Procedure Chair of the North-Caucasus Federal University, doctor of law, professor (Stavropol);
I. M. Kolosova, the head of the Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the All-Russian State University of Justice, PhD of law (Moscow);
A. A. Lebedeva, the head of the Foreign Languages Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of philology, professor (Moscow);
A. V. Morozov, the head of the Informational Law, Information and Mathematics Chair of the All-Russian State University of Justice, the doctor of law, professor (Moscow);
V. V. Oskamytny, the head of the Theory and History of State and Law Chair of the A. S. Griboedov Institute of International Law and Economics, doctor of law, professor (Moscow);
V. A. Vinogradov, the head of the Constitutional and International Law Chair of the All-Russian State University of Justice, doctor of law, professor (Moscow);
P. S. Yani, the professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Faculty of Law of the MSU, doctor of law, professor (Moscow)
-

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор:

член редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О. И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора:

член редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор **Б. В. Яцеленко** (г. Москва)

Ответственный секретарь, член редакционной коллегии:
доктор юридических наук, доцент **К. А. Ишеков** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

- Д. А. Авдеев**, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);
М. Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
А. В. Безруков, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);
Э. В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Белгород);
Д. Х. Валеев, доктор юридических наук, профессор (г. Казань);
О. Н. Волкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
Р. С. Галиев, кандидат юридических наук (г. Барнаул);
В. В. Гуцин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А. В. Денисова, кандидат юридических наук, доцент (г. Самара);
З. М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

- В. И. Красиков**, доктор философских наук, профессор (г. Москва);
Е. Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
В. В. Кулыгин, доктор юридических наук, профессор (г. Хабаровск);
В. Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Рязань);
С. В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
Ю. В. Малеванова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
С. И. Нагих, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
Р. Г. Нурмагамбетов, кандидат юридических наук, доктор философии по праву PhD, доцент (г. Костанай, Республика Казахстан);
Н. А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саранск);
С. В. Расторопов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
А. Г. Репьев, кандидат юридических наук (г. Барнаул);
А. Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);
З. Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);
Ю. Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);
С. Ю. Чашкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);
К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Нижний Новгород);
А. Ю. Чупрова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
-

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor:

member of editorial board, PhD in law, the head of the All-Russian State University of Justice
O. I. Alexandrova (Moscow)

Deputy Chief Editor:

member of editorial board, doctor of law, professor
B. V. Yatselenko (Moscow)

Executive Secretary, member of editorial board:

doctor of law **K. A. Ishakov** (Moscow)

Members of the editorial board:

D. A. Avdeev, PhD in law (Tyumen);

M. B. Averin, PhD in law (Moscow);

A. V. Bezrukov, doctor of law (Krasnoyarsk);

E. V. Bogmatsera, PhD in law (Belgorod);

S. Y. Chashkova, PhD in law (Moscow);

K. V. Cherkasov, doctor of law (Nizhny Novgorod);

A. Y. Chuprova, doctor of law (Moscow);

A. V. Denisova, PhD in law (Samara);

R. S. Galiev, PhD in law (Barnaul);

V. V. Gushchin, doctor of law, professor (Moscow);

Z. M. Kazachkova, doctor of law, professor (Moscow);

E. B. Kozlova, doctor of law (Moscow);

V. I. Krasikov, doctor of philosophy, professor (Moscow);

V. V. Kulygin, doctor of law, professor (Khabarovsk);

V. F. Lapshin, doctor of law (Ryazan);

Yu. V. Malevanova, PhD in law (Moscow);

S. V. Maximov, doctor of law, professor (Moscow);

S. I. Nagikh, PhD in law (Moscow);

R. G. Nurmagambetov, PhD in law (Kostanay, Kazakhstan);

N. A. Podolny, doctor of law (Saransk);

S. V. Rastoropov, doctor of law, professor (Moscow);

A. G. Rep'ev, PhD in law (Barnaul);

A. Yu. Sokolov, doctor of law, professor (Saratov);

Z. B. Soktoev, doctor of law (Moscow);

Y. G. Torbin, doctor of law, professor (Moscow)

D. Kh. Valeev, doctor of law, professor (Kazan);

O. N. Volkova, PhD in law (Moscow)

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений.

Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations.

Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И КОММЕНТАРИИ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Пашин В. М., Коваленко Т. С.

Ретроспективный анализ основных этапов развития организационно-правового взаимодействия органов прокуратуры, суда и адвокатуры в Российской Федерации 6

Сулейманов Б. Б.

К вопросу о правовой жизни как об объекте юридической науки (некоторые вопросы теории) 13

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Соболева Ю. В.

Деятельность негосударственных организаций как область смежного регулирования норм административного и гражданского права 20

Филиппов С. А., Цепкова Т. М.

Способы защиты прав и охраняемых законом интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей 25

Фойгель Е. И.

О цели и структуре криминалистической методики расследования адвентальных преступлений 30

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Ульбашев А. Х.

Брак в системе юридических фактов семейного права 37

МОНИТОРИНГ ПРАВотВОРЧЕСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ. НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Герасимов С. И.

Будущее профилактики правонарушений (к характеристике потенциала Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») 45

Кунц Е. В., Голубовский В. Ю.

Медицинские преступления: современное состояние проблемы 52

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Кореньюк А. Л.

Видеонаблюдение в организации: вопросы законности и целесообразности 58

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Воскресенский Ф. А.

Проблемы истины через призму смены идеологических ориентиров российского уголовного процесса 64

Кузнецова Е. Х.

Особенности распределения судебных расходов по делам об оспаривании результатов оценки кадастровой стоимости недвижимости 76

Сокращения, принятые в издании 83

Требования, предъявляемые к рукописям, направляемым в редакцию журнала «Вестник Российской правовой академии» 84

CONTENT

ARTICLES AND COMMENTS

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY.

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Vadim M. Pashin, Tatyana S. Kovalenko

A Retrospective Analysis of the Main Stages
in the Development of Organizational
and Legal Interaction Between
the Prosecution Authorities, the Court
and the Advocateship in the Russian Federation 6

Bigruzi B. Suleymanov

On the Question of Legal Life as an Object
of Legal Science (a Number of Theory Questions) 13

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Yulia V. Soboleva

Activity of Non-Governmental Organizations
as a Field of Adjacent Regulation of the Norms
of Administrative and Civil Law 20

Sergey A. Filippov, Tatiana M. Tsepkova

Ways to Protect the Rights and Legally
Protected Interests of Orphans and Children
Left Without Parental Care 25

Elena I. Foygel

On the Purpose and Structure of the Criminalistic Method-
ology of Investigation of Advenal Crimes 30

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Alim Kh. Ulbashev

Marriage in the System of Juridical Facts
in Family Law. 37

MONITORING OF LAWMAKING AND LAW ENFORCEMENT. STATE POLICY IN THE FIELD OF COMBATING CORRUPTION

Sergei I. Gerasimov

The Future of Crime Prevention (Addendum to the
Description of Capacity of the Federal Law «On
Fundamentals of the System of Prevention of Crime
in the Russian Federation») 45

Elena V. Kuntz, Vladimir Y. Golubovsky

Medicinal Delinquency:
Up-to-Date Evaluation of the Issue. 52

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Andrey L. Korenyuk

CCTV Monitoring at Enterprises and Institutions:
Admissability and Suitability Issues 58

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Fyodor A. Voskresenskiy

The Problems of Truth Through the Prism
of the Change of Ideological Orientations
of the Russian Criminal Process. 64

Ekaterina H. Kuznetsova

Peculiarities of Distribution of Legal Costs
in Cases of Disputing the Estimation
of Cadastral Value of Real Estate. 76

Abbreviations used in the edition. 83

Requirements for manuscripts, which are sent
to the editor of the journal
“Bulletin of the Russian Academy of Law” 84

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ЭТАПОВ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ, СУДА И АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проблемы и перспективы взаимодействия правоохранительных органов давно волнуют теоретиков и практиков юридической науки. Поэтому целью настоящей статьи является исследование основных этапов развития и перспектив организационно-правового взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры. К основным задачам статьи можно отнести анализ действующего отечественного и международного законодательства, регулирующего организационно-правовое взаимодействие суда, прокуратуры и адвокатуры, а также обоснование целесообразности создания независимого коллегиального квазисудебного органа с целью разрешения наиболее важных вопросов, связанных с приобретением, изменением и лишением особого правового статуса судей, прокуроров и адвокатов.

Для достижения научной объективности результатов исследования авторами использовался широкий комплекс общенаучных и специальных методов исследования, в частности анализ, синтез, индукция, дедукция, классификация и обобщение.

В выводах авторы выделяют основные этапы развития организационно-правового взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры РФ. При этом подчеркивается, что основными исторически сложившимися моделями их взаимодействия являются следующие:

1) суд, прокуратура и адвокатура входят в структуру органов исполнительной власти (министерства юстиции) или им подчиняются;

2) прокуратура и адвокатура входят в состав судебной системы;

3) суд, прокуратура и адвокатура являются независимыми самостоятельными институтами, представляя собой систему сдержек и противовесов в сфере юстиции.

Подытоживая, авторы указывают на целесообразность усовершенствования не только процессуальных механизмов взаимодействия названных институций, но и организационных. В частности, путем создания действующего на постоянной основе независимого коллегиального квазисудебного органа, в состав которого входили бы представители суда, прокуратуры и адвокатуры, с целью разрешения наиболее важных вопросов, связанных с присвоением и лишением специального статуса представителей данных профессий, а также для обжалования решений о привлечении к дисциплинарной ответственности судей, адвокатов и прокуроров вплоть до лишения специального статуса. Выводы и предложения авторов могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности с целью дальнейшего углубления исследований проблем организации взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры, а также в правотворческой деятельности при разработке и принятии нормативных правовых актов, направленных на совершенствование законодательства, регулирующего организацию и деятельность судебных и правоохранительных органов.

Vadim M. PASHIN

the professor of the Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the All-Russia State University of Justice, doctor of law, professor (Moscow), Paschin@mail.ru.

Tatyana S. KOVALENKO

the assistant professor of the Department of Judicial and Law-Enforcement Activity of The KSU, the doctoral candidate of the Criminal Procedure and Criminalistics Chair of the All-Russia State University of Justice, PhD, associate professor (Kostroma), kovalenkots@mail.ru.

**The court;
the prosecution,
the legal profession;
the judiciary;
the interaction;
the administrative authority
of the executive power**

A RETROSPECTIVE ANALYSIS OF THE MAIN STAGES IN THE DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL AND LEGAL INTERACTION BETWEEN THE PROSECUTION AUTHORITIES, THE COURT AND THE ADVOCATESHIP IN THE RUSSIAN FEDERATION

The problems and perspectives of interaction between law enforcement agencies have long troubled theorists and practitioners of legal science. The purpose of this article is to study the main stages of development and perspectives of organizational and legal interaction of the court, the prosecutor's office and the advocateship. The main tasks of the article include the analysis of current domestic and international legislation regulating the organizational and legal interaction of the court, the prosecutor's office and the legal profession, as well as the rationale for the establishment of an independent collegial quasi-judicial body with the aim of resolving the most important issues related to the acquisition, modification and deprivation of a special legal status of judges, prosecutors and lawyers.

To achieve scientific objectivity of the research results, the authors have used a wide range of general scientific and special research methods, in particular, analysis, synthesis, induction, deduction, classification and generalization.

The authors identify the main stages in the development of organizational and legal cooperation between the court, the prosecutor's office and the advocateship. of the Russian Federation. The authors come to the conclusion that the main models of their interaction are as follows:

1) the court, prosecutor and advocacy are included in the structure of executive authorities (the ministry of justice) or they are subject to them;

2) the prosecutor's office and the advocacy are part of the judicial system;

3) the court, prosecutor's office and the advocacy are independent, autonomous institutions, constituting a system of checks and balances in the field of criminal justice.

Summing up, the authors point to the feasibility of improving not only the procedural mechanisms of interaction of these institutions but also organizational. It is possible to do this by creating an independent quasi-judicial collegiate body. It should include representatives of the court, prosecutors and lawyers to resolve the most important issues associated with the assignment and the revocation of the special status of representatives of these professions, as well as for the appeal of decisions on disciplinary responsibility of judges, lawyers and prosecutors to the extent of the withdrawal of special status. The conclusions and suggestions of the authors can be used in research activities to further delve into the problems of organization of interaction between the court, the prosecutor's office and the legal profession, as well as in lawmaking in developing and adopting normative legal acts aimed at improving legislation regulating the organization and operation of judicial and law enforcement.

УДК 347.97/.99

© Пашин В. М., Коваленко Т. С., 2018
© Pashin V. M., Kovalenko T. S., 2018

В современных неоднозначных и сложных условиях социально-политического, культурного и экономического развития нашего государства все более актуализируются вопросы о месте и роли отдельных публичных институтов судопроизводства, все острее становятся дискуссии о механизмах их системного обновления.

На наш взгляд, реформа, которая могла бы вдохнуть жизнь в систему органов правосудия, должна учитывать как ряд исторически сложившихся факторов, так и основные современные тенденции развития суда, прокуратуры и адвокатуры не только в России, но и за рубежом. Особое значение при этом имеет отечественная доктрина развития судебных и правоохранительных органов, их практический опыт, который должен стать основой для переосмысления и усовершенствования функционирования системы уголовной юстиции, предотвращения повторения ошибок прошлого.

Теоретическим и практическим проблемам правового статуса представителей указанных профессий посвящено немало статей, отдельных работ и весомых научных трудов ученых стран постсоветского пространства. В этой связи нельзя обойти вниманием работы таких российских правоведов, как А. Воронов, А. Галоганов, А. Гулягин, К. Гуценко, Г. Ермошина, А. Изварина, В. Кашепов, М. Клеандров, М. Ковалев, В. Крюков, Ю. Лубшев, А. Мамыкин, Э. Мурадьян, И. Петрухин, Н. Петухов, С. Савюк, А. Толкаченко, В. Шевцов, И. Яртых, а также украинских ученых Т. Варфоломеевой, Л. Москвич, С. Прилуцкого, С. Подкопаева, А. Святоцкого, Н. Сибиловой, П. Хотенца и др.

Историко-правовые процессы трансформации судебных и правоохранительных органов подробно анализируются в трудах И. Фойницкого, Е. Васюковского, М. Коротких и других авторов, теоретические разработки которых мы использовали в своем исследовании. Однако большинство ученых рассматривали проблемы правового статуса судей, прокуроров и адвокатов обособленно, без учета их сотрудничества в сфере защиты прав и основных свобод человека и гражданина, интересов общества и государства в процессе осуществления профессиональной деятельности. С этой целью считаем целесообразным кратко рассмотреть основные этапы развития взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры в исторической ретроспективе.

С учетом исторически сложившихся закономерностей становления судебной власти [1, с. 259–263], прокуратуры и адвокатуры России [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9], основными этапами развития взаимодействия вышеуказанных институций считаем следующие.

1. Образование прообразов современных суда, прокуратуры и адвокатуры. Когда появился первый суд на Руси, доподлинно неизвестно. Однако сохранившиеся до наших дней памятники

древнерусского права свидетельствуют о том, что первые сведения о правосудии как процедуре разрешения споров между славянскими племенами, жившими на территории Восточной Европы, сохранились в «Повести временных лет» [10], а слово «суд» впервые упоминается в Уставе князя Владимира Святославича [11]. Верховным законодателем и судьей в судебно-административной системе того времени был князь. Он отправлял правосудие или поручал его своим наместникам, боярам, другим лицам княжеской администрации [12, с. 65–66].

Адвокатура также известна с древнейших времен. Первыми правозащитниками на Руси были стряпчие и поверенные, данные о которых содержатся в законодательных памятниках XV в. [13]. Однако в те далекие времена они не составляли полноценную правовую корпорацию и имели негативную репутацию в обществе [14].

Прообраз современной российской прокуратуры возник по Указу Петра I в 1722 г. как контролирующий орган власти монарха («государево око»). Согласно данному Указу генерал-прокурор должен был постоянно находиться при Сенате (высший управляющий и судебный орган, созданный 22 февраля 1711 г. для решения вопросов, связанных с финансированием, управлением всеми отраслями хозяйства и правосудием). С 1802 г. генерал-прокурор одновременно занимал должность Министра юстиции.

2. Большая судебная реформа 1864 г. стала следующим важным этапом развития взаимодействия органов юстиции. Наиболее значимыми ее результатами в аспекте нашего исследования являются: отделение судебной власти от административной и законодательной; учреждение профессиональной адвокатуры; реорганизация прокуратуры из надзорного органа в орган уголовного преследования [15]. Общий надзор за судебным ведомством, его личным составом, отчетностью, хозяйственной и распорядительной частью согласно принятым в ходе реформы Судебным уставом отныне возлагался на Министерство юстиции. Помимо новых судебных учреждений Министерство юстиции также формировало персонал прокуратуры, нотариата и имело право на замещение должностей губернских и уездных стряпчих. Прокуроры в этот период преобладали при судах, однако им не подчинялись.

3. Февральская революция 1917 г. послужила началом нового витка развития судебных и правоохранительных органов, начавшегося с их полной перезагрузки в соответствии с установками и потребностями советской власти. Так, Декретом СНК от 22.11.1917 «О суде» [16] рабоче-крестьянское правительство во главе с СНК упразднило существовавшие при царе органы юстиции, суды, прокуратуру, адвокатуру и провозгласило на территории всего государства основы советского судопроизводства. Функции старых судов были переданы

временным революционным судам, следственным комиссиям, военно-революционным комиссиям, руководствующимся не столько законами, сколько революционным сознанием. Один из первых созданных народных комиссариатов — Наркомат юстиции — имел наиболее широкие полномочия. Через свои органы на местах он осуществлял надзор за соблюдением законности в деятельности всех советских учреждений. Согласно Положению от 26.11.1920 «Об отделах Народного комиссариата юстиции» [17, с. 675–676] Наркомюст также был официально наделен функцией судебного надзора. Данное Положение возложило на него задачи по организации и инструктированию органов суда, следствия, защиты, обвинения, рассмотрению в порядке надзора судебных решений и приговоров.

Декрет ВЦИК от 30.11.1918 предписывал создание коллегий правозаступников (обвинителей и защитников) при уездных исполкомах. Принятым 30 января 1928 г. постановлением ВЦИК и СНК наркомюсту были непосредственно подчинены в качестве заместителей прокурор и председатель Верховного Суда РСФСР. В 1936 г. прокуратура была выделена в самостоятельное ведомство.

4. Советский период развития взаимодействия органов юстиции также обладал целым рядом особенностей. В первую очередь он характеризовался непростыми взаимоотношениями Наркомата юстиции и Верховного Суда РСФСР. Поначалу эти взаимоотношения регулировались Положением о судопроизводстве РСФСР 1922 г., в котором Верховный суд был провозглашен высшим судебным органом. Однако одновременно действовала и Инструкция об организации Верховного Суда РСФСР, в соответствии с которой ведущую роль в его организации и функционировании играл Наркомюст.

В 1936 г. была принята Конституция СССР [18], которой высший надзор за исполнением законов всеми учреждениями, должностными лицами и гражданами возлагался на прокурора СССР. Органы прокуратуры того периода были независимыми и обладали практически неограниченной властью. Однако далеко не всегда эта власть использовалась во благо (в годы репрессий из-под контроля прокуратуры были фактически выведены органы НКВД) [19].

Тем не менее Конституция 1936 г. декларировала признанные во всем мире демократические начала судостройства и судопроизводства, в частности выборность судей и народных заседателей, национальный язык судопроизводства, открытое и гласное рассмотрение дел в суде, обеспечение обвиняемому права на защиту, независимость судей и подчинение их только закону. К сожалению, в действительности эти положения были лишь ширмой, за которой все труднее было скрывать беззаконие и произвол советской власти. Массовые репрессии, проводимые с начала 30-х до середины 50-х

гг. XX в., приводили к вынесению тысяч незаконных приговоров по сфальсифицированным делам в отношении так называемых «врагов народа».

Перестроечные процессы после победы в Великой Отечественной войне обусловили наступление оттепели во всех сферах жизни советского народа, однако все еще повсеместно были ощутимы последствия сталинских репрессий.

Законом СССР от 15.03.1946 «О преобразовании Совета Народных Комиссаров СССР в Совет Министров СССР и Советов Народных Комиссаров союзных и автономных республик в Советы Министров союзных и автономных республик» [20] наркоматы были переименованы в министерства, а наркомы — в министры. Однако по-прежнему Министерство юстиции осуществляло руководство судебной системой, устанавливало основные начала функционирования прокуратуры и адвокатуры (кадры, финансирование, организационная работа).

5. Распад СССР в 1991 г. стал отправной точкой для новых кардинальных перемен в организации деятельности судебных и правоохранительных органов, их функционировании, взаимодействии и взаимоконтроле.

Вскоре после вступления в силу Конституции РФ [21] в 1993 г. был принят Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [22], согласно ст. 4 которого судебная власть в Российской Федерации осуществлялась только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Судебная власть стала самостоятельной и независимой. Прокуратура, согласно принятому Федеральному закону от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [23], являлась единой федеральной централизованной системой органов, осуществляющих от имени государства надзор за соблюдением Основного Закона и других нормативных правовых актов, действующих на территории РФ. Согласно Федеральному закону от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [24] адвокатура стала профессиональным сообществом адвокатов. Как институт гражданского общества она больше не входила в систему органов государственной власти и местного самоуправления.

Таким образом, в постсоветский период суд, прокуратура и адвокатура были отделены от органов административной и исполнительной власти, стали организационно независимы друг от друга.

6. Современный период характеризуется все более ощутимой независимостью и обособленностью суда, прокуратуры и адвокатуры. Упразднение прокурорского надзора за судами в 1999 г. послужило крепким фундаментом для выстраивания справедливого и состязательного судебного процесса, оно

поставило прокурора (обвинение) на одну ступень с адвокатом (защитой). Последнее стало залогом отсутствия обвинительного уклона в уголовном судопроизводстве. Все это существенно видоизменило взаимодействие суда, прокуратуры и адвокатуры: современный суд является независимым государственным арбитром в состязательном процессе двух сторон с равными процессуальными правами, но противоположными материально-правовыми интересами; в процессе реализации основных задач судопроизводства суд активно взаимодействует с обвинением (прокурором) и защитой (адвокатом), которые являются его активными помощниками (советниками) и, осуществляя возложенные на них законодательством функции, помогают установить истину по делу [25]. Однако, обретая самостоятельность и автономность, они все же не пользуются должным авторитетом и доверием простых граждан [26; 27; 28], что свидетельствует о необходимости поиска новых правовых механизмов совершенствования органов юстиции, переосмысления основ их взаимодействия и взаимоконтроля.

Анализируя основные этапы трансформации взаимоотношений суда, прокуратуры и адвокатуры в Российской Федерации, можно прийти к выводу, что весь период их существования основными моделями взаимодействия данных институций были следующие:

1) суд, прокуратура и адвокатура входят в структуру органов исполнительной власти (министерства юстиции) или им подчиняются;

2) прокуратура и адвокатура входят в состав судебной системы;

3) суд, прокуратура и адвокатура являются независимыми самостоятельными институциями, представляя собой систему сдержек и противовесов в сфере уголовной юстиции.

Опыт зарубежных стран также свидетельствует о тесной взаимосвязи указанных институций. Более того, во многих государствах мира для решения кадровых и других организационных вопросов в отношении судей, прокуроров и адвокатов созданы и постоянно действуют независимые коллегиальные органы, в работе которых активное участие принимают не только судьи, но и представители других юридических профессий (эти органы носят различные названия: Высший совет магистратуры во Франции и Италии; Генеральный совет судебной власти в Испании, Совет правосудия в Армении и т. д.) [29].

В ряде стран с наиболее высоким уровнем доверия граждан к судебным и правоохранительным органам (США, Франция, Бельгия, Нидерланды, Дания, Япония и др.) прокуратура входит в состав министерства юстиции. В большинстве перечисленных государств прокуроры функционируют при судах, однако в США они имеют самостоятельный по отношению к судебной системе статус.

В то же время в Испании, Колумбии, Болгарии и Латвии прокуратура включена в состав судебной системы и действует при судах.

Особый интерес представляет опыт Великобритании, где прокуратуры как автономного института фактически не существует. В этой стране представители адвокатского корпуса, который возглавляет Генеральный атторней, в необходимых случаях выступают в судебном процессе в качестве обвинителей [30].

Данная статья не предполагает подробного исследования моделей взаимодействия суда, прокуратуры и адвокатуры, однако даже их поверхностный анализ позволяет сделать вывод о том, что любая из указанных моделей предполагает тесное организационное и процессуальное сотрудничество указанных институций. Меняются лишь степень и механизмы их взаимоконтроля. Например, сегодня в России прокуроры и адвокаты контролируют законность и справедливость судебных решений с помощью процессуальных механизмов, таких как подача апелляционной (кассационной) жалобы или представления, заявление отвода судье. Также прокуроры и адвокаты имеют право обратиться в уполномоченные органы (квалификационные коллегии судей) для решения вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности в случае совершения дисциплинарного проступка.

В свою очередь судьи решают вопросы отвода прокурора в судебном процессе, выносят частные определения или представления в рамках норм процессуального права, если в ходе судебного рассмотрения уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом.

Кроме того, судьи имеют организационные рычаги воздействия на адвокатов. К примеру, они являются членами квалификационных комиссий адвокатских палат, что предполагает прямое участие в решении кадровых вопросов адвокатуры, применении мер юридической ответственности, вплоть до лишения специального статуса. В отношении прокуроров судьи не имеют таких полномочий. Однако ситуация, когда лишь один из элементов системы сдержек и противовесов в сфере юстиции зависит от другого в вопросах получения профессионального статуса, его лишения, привлечения к ответственности (например, участие судей в работе квалификационных коллегий адвокатов), является противоестественной и даже опасной. Немало нареканий вызывает и объем компенсации затрат труда адвокатов в случаях предоставления помощи на безоплатной основе, размеры которого

должны определяться федеральным законом согласно принятым в государстве ставкам оплаты труда работников правоохранительных органов соответствующей квалификации.

Все это свидетельствует о необходимости поиска новых векторов совершенствования организации судебных и правоохранительных органов [25; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38]. Одним из них видим единство организационно-правовых начал функционирования суда, прокуратуры и адвокатуры как основных столпов юстиции. Учитывая отечественный и зарубежный опыт, считаем целесообразным усовершенствование не только процессуальных механизмов взаимодействия указанных институций в сфере осуществления правосудия, но и организационных. В частности, считаем возможным создание независимого коллегиального квазисудебного государственного органа специальной компетенции, в состав которого входили бы представители суда, прокуратуры и адвокатуры с целью разрешения наиболее важных вопросов, связанных с приобретением, изменением и лишением особого правового статуса судей, прокуроров и адвокатов, а также для обжалования решений о привлечении их к дисциплинарной ответственности. Эффективность работы этого органа будет напрямую зависеть от законодательно закрепленных гарантий осуществления его полномочий, которые, в конечном итоге, должны иметь своей задачей обеспечение реализации принципов его независимости от всех ветвей государственной власти, а также самостоятельности и равноудаленности от действующих внутрикорпоративных органов (лиц), имеющих дисциплинарные полномочия в отношении судей, прокуроров и адвокатов.

Данный квазисудебный орган не может являться частью судебной власти. Целесообразно

рассматривать его как элемент системы сдержек и противовесов в сфере юстиции, имеющий две основные функции: кадрово-управленческую (предоставление, изменение, лишение специального статуса) и юрисдикционную (реализация дисциплинарных полномочий). Данный орган должен функционировать самостоятельно, независимо от любого влияния извне, способствуя, одновременно, осуществлению профессиональных обязанностей судьями, прокурорами и адвокатами эффективно, справедливо и непредвзято. Именно так, на наш взгляд, выглядит путь к обеспечению равновесия между независимостью судебной власти и ее ответственностью перед государством и обществом. Поэтому определение количественного и качественного состава рассматриваемого квазисудебного органа будет иметь большое значение для обеспечения законности, объективности, непредвзятости и обоснованности принимаемых им решений. Особую актуальность участие прокуроров и адвокатов в составе данного органа будет иметь в случае интеграции прокуратуры и адвокатуры в состав судебной ветви власти. При этом судьи, прокуроры и адвокаты смогут получить одинаковый статус — статус магистратов.

На наш взгляд, такие изменения могут положительно повлиять на повышение эффективности защиты прав и свобод человека и гражданина, а также интересов российского общества и государства. Более того, реализация указанных предложений могла бы стать отправной точкой в новейшей истории функционирования органов юстиции. Однако ей должны предшествовать фундаментальные теоретические и практические исследования, которые не представляется возможным провести в рамках данной работы.

Пристатейный библиографический список

1. Коваленко Т. С. Исторический путь зарождения, становления и развития судебной власти в России // Вестник КГУ. 2016. № 5.
2. Васильковский Е. В. Организация адвокатуры : в 2 т. СПб. : Изд. юридического книжного магазина Н. К. Мартынова : Тип. М. М. Стасюлевича, 1893. Т. 1–2.
3. Зайков С. Ю. Конституционно-правовой статус прокуратуры в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
4. Лубшев Ю. Ф. Адвокатура в России : учебник. 2-е изд. М. : ООО «Профобразование», 2002.
5. Пономаренко С. В. Основные этапы истории развития российской прокуратуры: исторический аспект : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
6. Урываев А. В. Прокуратура Российской Федерации в механизме защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
7. Фиолевский Д. П. Адвокатура : учебник. 2-е изд., доп. и испр. К. : Алерта : Прецедент, 2007.
8. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб. : Альфа, 1996. Т. 2.
9. Шобухин В. Ю. Правовой статус прокуратуры и прокурорских работников Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005.
10. Повесть временных лет / Рос. акад. наук ; подготовка текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 1996.
11. Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М. : Наука, 1976.
12. Кутафин О. Е. и др. Первый суд // Российская юстиция. 2005. № 3.

13. Псковская судная грамота. 1397–1467 гг. // Музей истории современных реформ имени П. А. Столыпина : сайт. URL: <http://музейреформ.рф/node/13623> (дата обращения: 18.10.2018).
14. Яртых И. С. Адвокатура и власть. М. : Юрлитинформ, 2003.
15. Коротких М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 года в России. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
16. СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
17. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. // Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943.
18. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. 6 дек.
19. Министерство юстиции России за 200 лет (1802–2002). Историко-правовой очерк / науч. ред. С. А. Батова, М. М. Рассолов ; редкол. В. А. Аболенцев [и др.] ; отв. ред. В. Д. Сысоева. М. : Норма, 2002.
20. Ведомости ВС СССР. 1946. № 10.
21. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 439.
22. Рос. газ. 1997. 6 янв.
23. Рос. газ. 1995. 25 нояб.
24. Рос. газ. 2002. 5 июня.
25. Коваленко Т. С. Органы юстиции (правосудия): старые проблемы — новые подходы // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. № 3.
26. Незамятный И. Доверие граждан к судьям постоянно падает // Московский комсомолец. 2013. 13 авг.
27. Рахманова Е. Н. Об укреплении доверия к судам и снижении коррупции // Адвокатская практика. 2013. № 6.
28. Савкина М. А. Доверие граждан к правосудию: состояние и перспективы // Вестник Нижегородского университета Н. И. Лобачевского. 2013. № 6 (1).
29. Конституции государств Европейского союза / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М. : ИНФРА-М : Норма, 1997.
30. Прилуцкий С. В. Вступ до теорії судової влади (Суспільство. Правосуддя. Держава) : монографія. К. : Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, 2012.
31. Барщевский М. Сверим правописание. Как избавиться от обвинительного уклона в судах // Российская газета. 2015. 24 сент.
32. Изварина А. Ф. Судебная система России: концептуальные основы организации, развития и совершенствования : монография. М. : Проспект, 2015.
33. Коваленко Т. С. Новый подход к формированию модели носителя судебной власти // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. № 4.
34. Коваленко Т. С. Понятие, сущность и исторический путь становления правосудия через призму философского познания // Вестник КГУ. 2017. № 1.
35. Коваленко Т. С. Сущность и содержание понятия «судебное право» // Вестник современной науки. 2015. № 9.
36. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
37. Правоохранительные и судебные органы России : учебник / под ред. Н. А. Петухова и А. С. Мамыкина. 3-е изд., перераб. и доп. М. : РГУП, 2015.
38. Умнова И. А., Алешкова И. А., Власова Т. В. Цель и задачи судебной власти как ветви государственной власти: современное понимание // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 3 (34).

References

1. Kovalenko T. S. Istoricheskij put' zarozhdeniya, stanovleniya i razvitiya sudebnoj vlasti v Rossii [The Historical path of the origin, formation and development of the judiciary in Russia] // Vestnik KGU. 2016. № 5.
2. Vas'kovskij E. V. Organizaciya advokatury [The organization of the bar] : v 2 t. SPb. : Izd. juridicheskago knizhnago magazina N. K. Martynova : Tip. M. M. Stasyulevicha, 1893. T. 1–2.
3. Zajkov S. Y. Konstitucionno-pravovoj status prokuratury v Rossijskoj Federacii [Constitutional and legal status of the Prosecutor's office in the Russian Federation] : dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2002.
4. Lubshch Y. F. Advokatura v Rossii [] : uchebnik. 2-e izd. M. : OOO «Profobrazovanie», 2002.
5. Ponomarenko S. V. Osnovnye ehapy istorii razvitiya rossijskoj prokuratury: istoricheskij aspekt [Main stages of the history of the Russian Prosecutor's office] : dis. ... kand. ist. nauk. M., 2008.
6. Uryvaev A. V. Prokuratura Rossijskoj Federacii v mekhanizme zashchity konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina [The Prosecutor's Office of the Russian Federation in the mechanism of protection of constitutional rights and freedoms of man and citizen] : dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2009.
7. Fiolevskij D. P. Advokatura [Advocacy] : uchebnik. 2-e izd., dop. i ispr. K. : Alerta : Precedent, 2007.

8. Fojnickij I. Y. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva [Course of criminal proceedings] / pod red. A. V. Smirnova. SPb. : Al'fa, 1996. T. 2.
9. Shobuhin V. Y. Pravovoj status prokuratury i prokurorskih rabotnikov Rossijskoj Federacii [Legal status of the Prosecutor's Office and prosecutors of the Russian Federation] : dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2005.
10. Povest' vremennyh let [The Tale of Bygone Years] / Ros. akad. nauk ; podgotovka teksta, per., st. i komment. D. S. Lihacheva ; pod red. V. P. Adrianovoj-Peretc. 2-e izd., ispr. i dop. SPb. : Nauka, 1996.
11. Drevnerusskie knyazheskie ustavy XI–XV vv. [Ancient princely charters XI–XV centuries]. M. : Nauka, 1976.
12. Kutafin O. E. i dr. Pervyj sud [The first trial] // Rossijskaya yusticiya. 2005. № 3.
13. Pskovskaya sudnaya gramota. 1397–1467 gg. [Pskov Judicial Charter. 1397–1467] // Muzej istorii sovremennyh reform imeni P. A. Stolypina : sajt. URL: <http://muzejreform.rf/node/13623> (data obrashcheniya: 18.10.2018).
14. Yartyh I. S. Advokatura i vlast' [Advocacy and the government]. M. : Yurlitinform, 2003.
15. Korotkih M. G. Samoderzhavie i sudebnaya reforma 1864 goda v Rossii [Autocracy and the judicial reform of 1864 in Russia]. Voronezh : Izd-vo Voronezh. un-ta, 1989.
16. SU RSFSR. 1917. № 4. St. 50.
17. Sobranie zakonov i rasporyazhenij pravitel'stva za 1920 g. // Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. M., 1943.
18. Izvestiya CIK SSSR i VCIK. 1936. 6 dek.
19. Ministerstvo yusticii Rossii za 200 let (1802–2002). Istoriko-pravovoj ocherk [The Ministry of justice of Russia for 200 years (1802 - 2002). Historical and legal background] / nauch. red. S. A. Batova, M. M. Rassolov ; redkol. V. A. Abolencev [i dr.] ; otv. red. V. D. Sysoeva. M. : Norma, 2002.
20. Vedomosti VS SSSR. 1946. № 10.
21. Konstituciya Rossijskoj Federacii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 // SZ RF. 2014. № 31. St. 439.
22. Ros. gaz. 1997. 6 yanv.
23. Ros. gaz. 1995. 25 noyab.
24. Ros. gaz. 2002. 5 iyunya.
25. Kovalenko T. S. Organy yusticii (pravosudiya): starye problemy — novye podhody [Justice institution (justice): old problems — new approaches] // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2016. № 3.
26. Nezamyatnyj I. Doverie grazhdan k sud'yam postoyanno padaet [Trust in the judges is constantly falling] // Moskovskij komsomolec. 2013. 13 avg.
27. Rahmanova E. N. Ob ukreplenii doveriya k sudam i snizhenii korrupcii [On strengthening trust in the courts and reducing corruption] // Advokatskaya praktika. 2013. № 6.
28. Savkina M. A. Doverie grazhdan k pravosudiyu: sostoyanie i perspektivy [Trust in justice: state and prospects] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta N. I. Lobachevskogo. 2013. № 6 (1).
29. Konstitucii gosudarstv Evropejskogo soyuza [Constitutions of the States of the European Union] / pod obshch. red. L. A. Okun'kova. M. : INFRA-M : Norma, 1997.
30. Priluc'kij S. V. Vstup do teorii sudovoi vladi (Suspil'stvo. Pravosuddya. Derzhava) [Intro to tear Sudova Vlady (Justice. Power)] : monografiya. K. : In-t derzhavi i prava im. V. M. Korec'kogo NAN Ukraini, 2012.
31. Barshchevskij M. Sverim pravopisanie. Kak izbavit'sya ot obvinitel'nogo uklona v sudah [Check the spelling. How to get rid of the accusatory bias in the courts] // Rossijskaya gazeta. 2015. 24 sent.
32. Izvarina A. F. Sudebnaya sistema Rossii: konceptual'nye osnovy organizacii, razvitiya i sovershenstvovaniya [Judicial system of Russia: conceptual foundations of organization, development and improvement] : monografiya. M. : Prospekt, 2015.
33. Kovalenko T. S. Novyj podhod k formirovaniyu modeli nositelya sudebnoj vlasti [New approach to the formation of a model of media of the judiciary] // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. 2016. № 4.
34. Kovalenko T. S. Ponyatie, sushchnost' i istoricheskij put' stanovleniya pravosudiya cherez prizmu filosofskogo poznaniya [Concept, nature and historical path of formation of justice through the prism of philosophical knowledge] // Vestnik KGU. 2017. № 1.
35. Kovalenko T. S. Sushchnost' i sodержanie ponyatiya «sudebnoe pravo» [Essence and content of the concept of “judicial law”] // Vestnik sovremennoj nauki. 2015. № 9.
36. Kolokolov N. A. Sudebnaya vlast' kak obshchepравovoj fenomen [Judicial power as a General legal phenomenon] : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. N. Novgorod, 2006.
37. Pravoohranitel'nye i sudebnye organy Rossii [Law enforcement and judicial authorities in Russia] : uchebnik / pod red. N. A. Petuhova i A. S. Mamykina. 3-e izd., pererab. i dop. M. : RGUP, 2015.
38. Umnova I. A., Aleshkova I. A., Vlasova T. V. Cel' i zadachi sudebnoj vlasti kak vetvi gosudarstvennoj vlasti: sovremennoe ponimanie [The purpose and objectives of judiciary as branches of state power: modern understanding] // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ehkonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2013. № 3 (34).

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ЖИЗНИ КАК ОБ ОБЪЕКТЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ)

Правовая жизнь является одним из наиболее популярных направлений доктринальных исследований в современной отечественной юриспруденции. До недавнего времени правовая жизнь использовалась как близкое по смыслу с правовой действительностью, юридическим бытием словосочетание. Однако начиная с 2000-х гг. идет концептуализация правовой жизни: выявляются ее особенности, разрабатываются философские подходы, раскрывается ее соотношение с другими смежными категориями и т. п. Между тем при наличии множества научных работ еще не сложилась научная теория правовой жизни. Важным аспектом правовой жизни является возможность признания ее в качестве объекта юридической науки, охватывающего все государственно-правовые явления. Предметом исследования являются теоретико-методологические аспекты правовой жизни как категории юриспруденции, а также доктринальные подходы, сложившиеся в отечественном правоведении об объекте юридической науки. Основная цель работы — проанализировать наиболее существенные подходы к правовой жизни как к объекту юридической науки.

Для написания настоящей научной работы были использованы следующие научные методы: логический, сравнительно-правовой, исторический, системный и др.

Новизной можно признать попытку обоснования познавательной возможности категории правовой жизни в качестве объекта юридической науки на основе существующих философских подходов.

В качестве основного вывода (результата) предлагается признание концепции правовой жизни как исследовательской программы, метода изучения государственно-правовой действительности, которая может расширить научные представления о государственно-правовой реальности.

СУЛЕЙМАНОВ

Бигрузи Бухаринович
заведующий кафедрой теории государства и права Северо-Кавказского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат исторических наук, доцент (г. Махачкала), doktorb@yandex.ru.

**Право;
правовая жизнь;
правовая реальность;
правовая система;
правоведение;
юридическая наука;
объект юридической науки;
предмет юридической науки;
правовая доктрина**

**Bigruzi B.
SULEYMANOV**

the head of the Theory of State and Law Chair of North Caucasian Institute (branch) of All-Russian University of Justice, PhD in law, the assistant professor (Makhachkala), doktorb@yandex.ru.

**Law;
legal life;
legal reality;
legal system;
jurisprudence;
legal science;
object of legal science;
subject of legal science;
legal doctrine**

ON THE QUESTION OF LEGAL LIFE AS AN OBJECT OF LEGAL SCIENCE (A NUMBER OF THEORY QUESTIONS)

Legal life is one of the most popular areas of doctrinal research in modern domestic jurisprudence. Until recently, the legal life was used as a phrase close in meaning to the legal reality, legal existence. However, since the 2000s, conceptualization of legal life is underway: its features are revealed, philosophical approaches are developed, its relationship with other related categories is disclosed, etc. Meanwhile, in the presence of many scientific works, the scientific theory of legal life has not developed yet. An important aspect of legal life is the possibility of recognizing it as an object of legal science, covering all state and legal phenomena.

The subject of the research is theoretical and methodological aspects of legal life as a category of jurisprudence, as well as doctrinal approaches that have developed in the domestic jurisprudence on the object of legal science.

The main purpose of the work is to analyze the most significant approaches to legal life as an object of legal science.

To write this research work, various scientific methods were used, including logical, comparative and legal, historical, systemic, etc.

The novelty can be considered an attempt to justify the possibilities of the category of legal life as an object of legal science on the basis of existing philosophical approaches.

As the main conclusion (result) it is possible to recognize the concept of legal life as a research program, a method of studying the state-legal reality that can expand the scientific understanding of legal reality.

За последние десятилетия в гуманитарных науках, в том числе в юриспруденции, произошли существенные изменения, в результате которых, с одной стороны, утвердился методологический плюрализм, принцип объективности начал преобладать над идеологическими установками, а с другой — кратно увеличилось число изданных научных работ, в которых не выдерживаются требования научной методологии. На наш взгляд, отечественная юридическая наука во многом основывается на достижениях советской правовой доктрины, которая сформировалась в 60–90 гг. прошлого века. Это объясняется многими обстоятельствами, в числе которых нельзя не отметить высокий уровень развития советской юридической науки. Между тем сегодняшние вызовы, познавательные задачи и проблемы требуют новых исследовательских программ, подходов. Такие подходы, идеи, претендующие на общеправовое значение, предлагаются научными школами, отдельными учеными. В частности, к ним можно отнести категорию «правовая жизнь».

Достаточно долгое время «правовая жизнь» использовалась в научной литературе как словосочетание, выражение с несколько не определенным содержанием. К авторам таких работ можно отнести известным мыслителям [1, с. 37], юристам [2, с. 191], представителей социологии права [3, с. 575]. При этом в большей степени правовая жизнь использовалась в значении правового бытия, т. е. сферы, насыщенной сложными правовыми взаимодействиями и конструкциями. Думается, есть основания полагать, что правовая жизнь рассматривалась в качестве сложного объекта, хотя и неконкретизированного. В 2000 г. вышла одна из первых работ по рассматриваемой проблеме — статья А. В. Малько «“Правовая жизнь” как важнейшая категория юриспруденции» [4, с. 50], в которой впервые в научной литературе была предпринята попытка рассмотреть правовую жизнь как категорию юридической науки. Автор указал на характерные признаки правовой жизни, предложил отграничить ее от других смежных правовых категорий и терминов.

Почти сразу же после выхода названной работы правовая жизнь становится привлекательной научной проблемой; начинают издаваться статьи, монографии, а через небольшой промежуток времени — защищаются диссертации [5; 6; 7; 8]. В некоторых из них ставятся под сомнение возможности и значение правовой жизни как предельно широкой категории. К ним, прежде всего, можно отнести научные работы таких крупных теоретиков права, как Н. И. Матузов [9, с. 9], В. К. Бабаев, В. М. Баранов [10; 11] и др. Возражения, высказанные названными и другими учеными, весьма основательны. При этом значительная часть их, на наш взгляд, усиливает то обстоятельство, что еще не сложилась научная теория правовой жизни. Смеем полагать, возможен

общий положительный результат от спора между сторонниками и противниками категории «правовая жизнь»: постепенно формируется научная концепция правовой жизни. Примечателен и тот факт, что по истечении значительного времени интерес к правовой жизни не ослабевает; издаются научные труды, в которых развиваются различные аспекты этой масштабной научной проблемы [12; 13]. Возникло множество идей, предложены различные подходы и объяснения; другими словами, правовая жизнь серьезно «обогатилась». Как писал известный немецкий философ Г. В. Гегель, познание движется, начиная с простых определений, которые становятся все богаче и конкретнее [14, с. 34].

Однако, на наш взгляд, в этих научных разработках о правовой жизни имеются нестыковки, противоречия. Для формирования полноценной теории правовой жизни необходимо выявить проблемные аспекты, относящиеся к ее базовым положениям. Думается, к ним можно отнести проблемы признания правовой жизни объектом всей юридической науки, проблемы соотношения правовой жизни с некоторыми смежными правовыми понятиями (категориями) и проблемы состава и структуры правовой жизни.

В научной и учебной литературе имеются некоторые разногласия по вопросу об объекте и предмете теории государства и права. В советской юридической науке вопрос об объекте и предмете теории государства и права достаточно полно исследован [15; 16; 17; 18]. В целом позиции ведущих правоведов совпадали. Еще в то время отдельные авторы указывали на сферу правовой жизни как на объект теории государства и права. Так, известный теоретик права А. М. Васильев писал: «Объектом данной науки (общей теории государства и права. — С. Б.) является вся сфера государственно-правовой жизни общества, т. е. государственно-правовая надстройка в целом» [19, с. 18]. Как видим, ученый вполне определенно утверждает, что правовая жизнь выступает объектом теории государства и права. Правда, при этом государственно-правовая жизнь отождествляется с государственно-правовой надстройкой. Другой крупный теоретик права С. С. Алексеев, считавший объектом теории государства и права государственно-правовую действительность [20, с. 6], использовал категорию «правовая жизнь» как синоним правовой действительности. Приведем полностью эту весьма интересную цитату: «Значение обобщающего, синтетического понятия, охватывающего правовые явления и в статичном, и в динамичном ракурсах, т. е. вес мир правовых явлений, имеет категория “правовая действительность” (или “правовая жизнь”), которая и обрисовывает с внешней стороны предмет юридической науки» [21, с. 91]. Поэтому можно заключить, что правовая жизнь

достаточно давно рассматривается как объект общей теории права и государства.

В новейший период признать правовую жизнь в качестве объекта теории государства и права предложил Ю. Ю. Ветютнев [22, с. 10]. И здесь возникает закономерный вопрос: чем же отличается такое признание правовой жизни в качестве объекта теории государства и права от аналогичных утверждений, которые высказывались еще в 70–80 гг. прошлого века? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует обратиться к существующим в юридической науке отдельным позициям об объекте теории государства и права.

В постсоветский период среди теоретиков права была популярна позиция академика В. С. Нерсисянца, согласно которой объектом теории государства и права являются государство и право. Этому правоведу принадлежит суждение, согласно которому «объектами юридической науки являются право и государство, а ее предметом — основные сущностные свойства государства и права» [23, с. 4]. Далее автор конкретизирует свою позицию: «В весьма упрощенном виде можно сказать, что объект науки — это то, что мы знаем до его научного изучения, а предмет — это изученный предмет, то, что мы знаем о нем после научного познания» [23, с. 10]. Между тем такая позиция, которая долгое время казалась безукоризненной, была подвергнута справедливой критике. Профессор В. Н. Протасов, указывая, что «право» и «государство» являются понятиями, которые могут быть объектами исследования только с формально-логической стороны, отмечает, что в общенаучном плане сами объектами не являются [24, с. 54]. По его мнению, объектом юридической науки является множество конкретных индивидуальных правовых систем и конкретных государств [24, с. 55].

Действительно, существует определенное противоречие между утверждением В. С. Нерсисянца о том, что объект — это то, что мы знаем до его научного изучения, и признанием в качестве таковых понятий «государство» и «право», поскольку эти понятия являются итогом специального исследования. Поэтому рассматриваемые категории не могут являться объектом науки. Возможными объектами науки, в том числе и теории государства и права, могут быть реальные явления действительности. Объект в целом — это то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности [25, с. 10]. Как видно из определения, обязательным признаком объекта является наличие субъекта. Следовательно, без субъекта не может быть объекта. Как пишет А. П. Шептулин, «объект появляется только с появлением субъекта» [26, с. 161]. В качестве объекта могут быть различные явления природного и социального характера, сознание и т. п. Как утверждал советский философ

П. В. Копнин, «объективная реальность, существующая отдельно от сознания человека, становится объектом, вступая во взаимодействие с субъектом» [27, с. 74].

Таким образом, понятия «объект» и «объективная реальность» не совпадают. Потенциально объектами теории государства и права, да и в целом юриспруденции, может быть множество государственных образований, форм права, существовавших и существующих, т. е. государственно-правовая реальность во всем ее многообразии.

Отмеченное дает основания утверждать, что объектом теории юридической науки могут быть признаны и негативные явления, в числе которых — противоправное поведение, низкий уровень правосознания, юридические ошибки (дефекты), причины правонарушений и т. п. Известный методолог права В. М. Сырых приблизительно также понимает объект науки [28, с. 102] и является последовательным сторонником позиции отнесения к объекту юриспруденции, а следовательно, и общей теории права, некоторых социальных явлений неюридического характера. По его мнению, теоретический анализ сущности, социального назначения права, закономерностей его функционирования и развития невозможен без учета связи права с другими социальными явлениями, что предполагает включение неправовых явлений в объект юридической науки [28, с. 105]. Непосредственно в объект юридической науки, по утверждению В. М. Сырых, входят: «право, правовая практика, а также социально-политическая и иная практика в той части, в какой она обуславливает формирование и развитие правовых явлений и процессов» [28, с. 113]. Как и В. М. Сырых, М. Н. Марченко включает в состав объекта теории государства и права неюридические явления, считая, что они не обладают правовой природой, но связаны с государственно-правовыми явлениями и оказывают на них воздействие [29, с. 18]. Такой широкий подход к объекту и предмету применяется и при изучении других наук, в частности экономики. «Экономическая наука, — пишет Л. Роббинс, — это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное потребление» [30, с. 8]. С точки зрения другого известного экономиста Г.-С. Беккера, экономический подход исходит из того, что преступная деятельность — такая же профессия, которой люди посвящают полное или неполное рабочее время, как и столярное дело, поскольку люди становятся преступниками по тем же соображениям, по каким другие становятся столярами, учителями [31, с. 24]. Очевидно, в рамках экономических наук изучаются и правовые явления.

Обращение к работе Ю. Ю. Ветютнева позволяет констатировать, что в целом он также понимает

объект науки, а следовательно, и юридической науки. В частности, он пишет: «Объектом науки выступает та часть реальности, которая попадает в поле зрения данной науки и подвергается исследованию» [22, с. 10]. Однако есть такие моменты, которые нуждаются в дополнительном разъяснении. Так, Ю. Ю. Ветютнев утверждает, что «различие между предметом и объектом носит отнюдь не количественный, а качественный характер: предмет — это не составная часть, не “область” объекта, а его особое видение, особый проблемный подходный к нему» [22, с. 8]. Думается, что такой вывод не совсем убедителен. Но не это главное. Обосновывая правовую жизнь в качестве объекта теории государства и права, автор ссылается на определение А. В. Малько, согласно которому правовая жизнь представляет собой совокупность всех форм юридического бытия общества и включает не только все противоправные, негативные явления [22, с. 10]. Далее Ю. Ю. Ветютнев заключает: «Таким образом, правовая жизнь идеально совпадает по содержанию с объектом теории государства и права» [22, с. 10]. Однако в определении правовой жизни ничего не говорится о неправовых явлениях. Очевидно, отдельные социальные явления, влияющие на право, могут быть включены в объект теории государства и права. Если признавать правовую жизнь объектом правоведения, то было бы логично включить в состав правовой жизни неюридические или не совсем юридические явления. Между тем структура (состав) является почти неисследованным аспектом правовой жизни. Поэтому вопрос об объекте теории государства и права упирается в другие, логически вытекающие друг из друга проблемы правовой жизни.

Утверждения некоторых исследователей о структуре правовой жизни не совсем стыкуются с выводами об объекте правоведения. Например, Ю. Ю. Ветютнев справедливо замечает, что правовая жизнь не может быть чем-то безграничным и всеобъемлющим; если признать, что она включает в себя все социальные явления без остатка, то получится, что она совпадает по объему с общественной жизнью. Он указывает, что многие виды преступлений (убийство, кража, разбой и др.) или даже административных правонарушений (хулиганство) сами по себе правом не регулируются, следовательно, по логике автора, не входят в правовую жизнь [32, с. 298]. При этом автор специально подчеркивает: «Тот факт, что они наказываются по закону, тоже не меняет дела, поскольку тогда в правовую жизнь входят не сами эти деяния, а деятельность по их выявлению и преследованию» [32, с. 299]. С такими утверждениями трудно согласиться. Получается, противоправные деяния, в числе которых и проступки, не могут быть отнесены к правовой жизни. В таком случае нужна несколько иная кон-

цепция правовой жизни. Также последует пересмотр утверждений самого автора о правовой жизни как об объекте юриспруденции, поскольку противоправные деяния, безусловно, должны входить в его состав. Трудно представить, что юридическая наука может обойтись без изучения закономерностей совершения противоправных деяний. При этом в рамках юридических наук могут изучаться и такие области, которые до сих пор не исследовались со стороны права. Например, профессор И. Д. Навважай отмечает, что разработка концепции правовой жизни вызвана в том числе и признанием бессознательного [33, с. 79]. Как ни парадоксально, но такой вывод может быть обоснован с некоторых позиций. Очевидно, что концепция правовой жизни может раскрывать правовую реальность, в том числе включив в ее состав бессознательное, в части его влияния на право. Поэтому попытки раскрыть закономерности бессознательного, оказывающего воздействие на государственно-правовую реальность, могут быть отнесены к юриспруденции, хотя, как правильно пишет Л. И. Глухова, «в настоящее время абсурдно говорить о “чистоте” дисциплинарного предмета, сохранении четких границ дисциплинарного деления наук» [34, с. 43]. Следовательно, исследования такого характера могут формально не считаться осуществленными в рамках какой-либо юридической науки, но вряд ли можно им отказать в юридическом характере.

Отвечая на вопрос, чем отличается современное состояние правовой жизни от того, которое было в 80–90-х гг. прошлого века, когда известные теоретики права отождествляли правовую действительность с правовой жизнью, можно заметить, что в современный период ее рассматривают как категорию, которую изучают многие ученые. Если в тот период правовая жизнь рассматривалась как синоним правовой реальности, то сегодня имеются существенные результаты научного исследования, которые позволяют уточнить многие аспекты уже категории «правовая жизнь». Некоторые исследователи указывают на правовую жизнь как на концепцию, которая позволит гораздо шире взглянуть на правовую реальность [35, с. 75]. Более того, такое положение может быть развито и дополнительно обосновано. В конце прошлого столетия, в период, когда советская юридическая наука находилась в расцвете, отечественная юридическая доктрина связывала правовую реальность с категорией «правовая система», которая представлялась многим ученым как наиболее широкая правовая категория [36, с. 12.]. В частности, В. А. Козлов писал: «На нынешнем этапе развития советской юридической науки пониманию ее объекта более всего отвечает категория правовой системы, которая дает возможность представить в единстве правовую сторону нашей общественной жизни, рассмотреть

в системных связях организацию и взаимодействие всех компонентов правовых явлений» [37, с. 14.]. Надежды советских правоведов, возлагавшиеся на категорию «правовая система», в целом не оправдались: не были преодолены противоречия между позитивистским и естественно-правовым подходами о понятии права [6, с. 8–10]; сама правовая система имела успех в большей степени как категория сравнительного права.

Между тем в современной юридической доктрине новые реалии. Очевидно, что в изучении государственно-правовой действительности сделан серьезный шаг, который позволяет по-новому поставить вопрос о невозможности охватить правовой системой все явления, входящие в указанную действительность. Скорее всего, это может быть

под силу категории «правовая жизнь». Для научной обоснованности такого вывода необходимо сделать еще несколько «шагов», в частности обосновать возможные преимущества от концепции правовой жизни, в том числе используя правовую жизнь как исследовательскую программу, позволяющую раскрыть различные уровни и компоненты правовой реальности.

Подводя некоторые итоги, хотелось бы отметить, что вопрос о правовой жизни как объекте юридической науки нуждается в дальнейшем исследовании и обосновании. Он органично связан с другими, не менее значимыми моментами правовой жизни. Дальнейшее изучение данных проблем можно признать серьезным шагом к созданию полноценной научной теории правовой жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Ильин И. А. О сущности правосознания. М., 1993.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.
3. Гурвич Г. Д. Социология права // Философия и социология права : избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004.
4. Малько А. В. «Правовая жизнь» как важнейшая категория юриспруденции // Журнал российского права. 2000. № 2.
5. Малько А. В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5.
6. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
7. Михайлов А. Е. Правовая жизнь современной России (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
8. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005.
9. Шиянов В. А. Правовая система и правовая жизнь общества: теоретический аспект взаимодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
10. Матузов Н. И. Правовая жизнь как объект научного исследования // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005.
11. Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права : краткая энциклопедия. Н. Новгород, 1998.
12. Баранов В. М. Теневое право. Н. Новгород, 2002.
13. Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты : монография / под ред. А. В. Малько. М., 2016.
14. Анисимова А. С., Афанасьев С. Ф., Байниязова З. С. и др. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики : монография / под ред. А. В. Малько. М., 2016.
15. Гегель Г-В. Ф. Сочинения. М ; Л. 1937. Т. 5.
16. Недбайло П. Е. Введение в общую теорию государства и права. Киев, 1971.
17. Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972.
18. Щабалин В. А. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 1972.
19. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.
20. Васильев А. М. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категории права. М., 1976.
21. Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М., 1987.
22. Алексеев С. С. Общая теория права. М., 1981. Т. 1.
23. Ветютнев Ю. Ю. Предмет и методы теории государства и права // Проблемы теории государства и права : учебник / под ред. А. В. Малько. М., 2012.
24. Нерсесянц В. С. Общая теория государства и права : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012.
25. Протасов В. Н., Протасова Н. В. Лекции по общей теории права и теории государства. М. : Городец, 2010.
26. Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
27. Шептулин А. П. Система категорий диалектики. М., 1967.

28. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.
29. Сырых В. М. Логические основы общей теории права. М., 2004. Т. 1.
30. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. М., 2001.
31. Роббинс Л. Предмет экономической науки // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 1.
32. Беккер Г.С. Экономический анализ человеческого поведения // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. 1993. Т. 1. Вып. 1.
33. Ветютнев Ю. Ю. Дуализм правовой жизни // Правовая жизнь современного российского общества: уровни, срезы, сегменты : монография / под ред. А. В. Малько. М., 2016.
34. Навважай И. Д. Философские и методологические основания исследования феномена правовой жизни // Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 2005.
35. Глухова Л. И. Объект и предмет юридического исследования // История государства и права. 2009. № 15.
36. Денисов А. И., Спиридонов Л. И. Абстрактное и конкретное в советском правоведении. М., 1987.
37. Васильев А. М. Введение // Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи. Кн. 1 / под ред. А. М. Васильева. М., 1986.
38. Козлов В. А. Проблемы предмета и методология общей теории права. Л., 1989.

References

1. Il'in I. A. O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. M., 1993.
2. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. M., 1981. T. 1.
3. Gurvich G. D. Sociologiya prava [Sociology of law] // Filosofiya i sociologiya prava : izbr. soch. / per. M. V. Antonova, L. V. Voroninoy. SPb., 2004.
4. Mal'ko A. V. "Pravovaya zhizn'" kak vazhnejshaya kategoriya yurisprudencii ["Legal life" as the most important category of jurisprudence] // Zhurnal Rossijskogo prava. 2000. № 2.
5. Mal'ko A. V. Kategoriya "pravovaya zhizn'": problemy stanovleniya [The category "legal life": problems of formation] // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 5.
6. Matuzov N. I. Pravovaya sistema i lichnost' [The legal system and personality]. Saratov, 1987.
7. Mihajlov A. E. Pravovaya zhizn' sovremennoj Rossii (problemy teorii i praktiki) [Legal life of modern Russia (problems of theory and practice)] : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2004.
8. Pravovaya zhizn' v sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt [Legal life in modern Russia: theoretical and methodological aspect] / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. Saratov, 2005.
9. Shiyonov V. A. Pravovaya sistema i pravovaya zhizn' obshchestva: teoreticheskij aspekt vzaimodejstviya [The legal system and the legal life of society: the theoretical aspect of interaction] : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2008.
10. Matuzov N. I. Pravovaya zhizn' kak ob"ekt nauchnogo issledovaniya [Legal life as an object of scientific research] // Pravovaya zhizn' v sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. Saratov, 2005.
11. Babaev V. K., Baranov V. M. Obshchaya teoriya prava [The general theory of law] : kratkaya ehnciklopediya. N. Novgorod, 1998.
12. Baranov V. M. Tenevoe pravo [The Shadow right]. N. Novgorod, 2002.
13. Pravovaya zhizn' sovremenno go rossijskogo obshchestva: urovni, srezy, segmenty [Legal life of modern Russian society: levels, sections, segments] : monografiya / pod red. A. V. Mal'ko. M., 2016.
14. Anisimova A. S., Afanas'ev S. F., Bajniyazova Z. S. i dr. Pravovaya zhizn' obshchestva: problemy teorii i praktiki [Legal life of society: problems of theory and practice] : monografiya / pod red. A. V. Mal'ko. M., 2016.
15. Gegel' G-V. F. Sochineniya [Compositions]. M ; L. 1937. T. 5.
16. Nedbajlo P. E. Vvedenie v obshchuyu teoriyu gosudarstva i prava [Introduction to the general theory of state and law]. Kiev, 1971.
17. Kerimov D. A. Filosofskie problemy prava [Philosophical problems of law]. M., 1972.
18. Shchabalina V. A. Metodologicheskie voprosy pravovedeniya [Methodological questions of jurisprudence]. Saratov, 1972.
19. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. M., 1981. T. 1.
20. Vasil'ev A. M. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorii prava [Legal categories. Methodological aspects of the development of a system of law]. M., 1976.
21. Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of theory of state and law] / pod red. S. S. Alekseeva. M., 1987.
22. Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava [General theory of law]. M., 1981. T. 1.

23. Vetyutnev U. U. *Predmet i metody teorii gosudarstva i prava [The subject and methods of theory of state and law] // Problemy teorii gosudarstva i prava : uchebnik / pod red. A. V. Mal'ko. M., 2012.*
24. Nersesyanc V. S. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava [General theory of state and law] : uchebnik. M. : Norma : INFRA-M, 2012.*
25. Protasov V. N., Protasova N. V. *Lekcii po obshchej teorii prava i teorii gosudarstva [Lectures on general theory of law and state theory]. M. : Gorodec, 2010.*
26. *Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar' [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. M., 1983.*
27. Sheptulin A. P. *Sistema kategorij dialektiki [System of categories of dialectics]. M., 1967.*
28. Kopnin P. V. *Gnoseologicheskie i logicheskie osnovy nauki [Epistemological and logical foundations of the science]. M., 1974.*
29. Syryh V. M. *Logicheskie osnovy obshchej teorii prava [Logical foundations of general theory of law]. M., 2004. T. 1.*
30. Marchenko M. N. *Problemy teorii gosudarstva i prava [Problems of the theory of state and law]. M., 2001.*
31. Robbins L. *Predmet ehkonomicheskoy nauki [Subject of economic science] // Teoriya i istoriya ehkonomicheskikh i social'nyh institutov i sistem. 1993. T. 1. Vyp. 1.*
32. Bekker G-S. *Ehkonomicheskij analiz chelovecheskogo povedeniya [Economic analysis of human behavior] // Teoriya i istoriya ehkonomicheskikh i social'nyh institutov i sistem. 1993. T. 1. Vyp. 1.*
33. Vetyutnev U. U. *Dualizm pravovoj zhizni [Dualism of legal life] // Pravovaya zhizn' sovremenno go rossijskogo obshchestva: urovni, srezy, segmenty : monografiya / pod red. A. V. Mal'ko. M., 2016.*
34. Navvazhaj I. D. *Filosofskie i metodologicheskie osnovaniya issledovaniya fenomena pravovoj zhizni [Philosophical and methodological bases of research of a phenomenon of legal life] // Pravovaya zhizn' v sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt / pod red. N. I. Matuzova i A. V. Mal'ko. Saratov, 2005.*
35. Gluhova L. I. *Ob"ekt i predmet yuridicheskogo issledovaniya [Object and subject of legal research] // Istoriya gosudarstva i prava. 2009. № 15.*
36. Denisov A. I., Spiridonov L. I. *Abstraktnoe i konkretное v sovetskom pravovedenii [Abstract and concrete in Soviet jurisprudence]. M., 1987.*
37. Vasil'ev A. M. *Vvedenie [Introduction] // Pravovaya sistema socializma: ponyatie, struktura, social'nye svyazi. Kn. 1 / pod red. A. M. Vasil'eva. M., 1986.*
38. Kozlov V. A. *Problemy predmeta i metodologiya obshchej teorii prava [Problems of the subject and methodology of the General theory of law]. L., 1989.*

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК ОБЛАСТЬ СМЕЖНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

СОБОЛЕВА

Юлия Викторовна

доцент кафедры административного
и муниципального права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная
юридическая академия»,
кандидат юридических наук,
доцент (г. Саратов),
j.soboleva@mail.ru.

Актуальность исследования определяется взаимодействием норм двух отраслей права: гражданского и административного. Взаимопроникновение частных и публичных отношений является одной из тенденций современного правового регулирования. В целях их разграничения автор рассматривает смежные институты данных отраслей права. С помощью формально-логических методов исследования в статье анализируются такие аспекты взаимодействия норм административного и гражданского права, как регулирование правового статуса организаций, государственная регистрация юридических лиц. В результате автором выработаны научно-обоснованные предложения по определению понятий коммерческой и некоммерческой негосударственной организации. Они могут быть применены в учебном процессе, в частности при проведении такой дисциплины, как «Административное право». Их новизна обусловлена рассмотрением через призму синтеза норм обеих отраслей, позволяющего в итоге сформулировать определения, включающие большинство основных признаков данных понятий.

Статья опубликована по заданию Минобрнауки России № 29.8125.2017/8.9 на выполнение государственного проекта в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания по теме: «Механизм государственного регулирования применения мер административного принуждения к негосударственным организациям».

**Коммерческие
и некоммерческие
негосударственные организации;
взаимодействие гражданского
и административного
законодательства;
общественные объединения;
юридические лица;
государственная регистрация
юридических лиц**

**Yulia V.
SOBOLEVA**

the assistant professor
of the Administrative
and Municipal Law
of the Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Saratov State Law Academy»,
PhD in law (Saratov),
j.soboleva@mail.ru.

ACTIVITY OF NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AS A FIELD OF ADJACENT REGULATION OF THE NORMS OF ADMINISTRATIVE AND CIVIL LAW

**For-profit organizations
and non-profit organizations;
interaction of civil
and administrative law;
public associations;
legal entities;
state registration
of legal entities**

The relevance of the study is due to the interaction of the norms of the two branches of law: civil and administrative. The interpenetration of private and public relations is one of the trends in modern legal regulation. In order to distinguish them, the author considers the related institutions of these branches of law. The paper analyzes such aspects of interaction between the norms of administrative and civil law as regulation of the legal status of organizations, state registration of legal entities with the help of formal and logical methods of research. As a result, the author developed scientifically based proposals to define the concepts for-profit non-governmental organization and non-profit non-governmental organization. The concepts can be applied in the educational process, in particular in Administrative law. Their novelty is due to the consideration through the prism of a synthesis of norms in both fields, allowing in the end to formulate a definition that includes most of the basic characteristics of these concepts.

The paper was published on the instructions of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 29.8125.2017/8.9 for the execution of the state project in the field of scientific activity within the framework of the basic part of the state task on the topic "Mechanism of state regulation of the application of administrative coercion measures to non-governmental organizations".

УДК 342.922

В современном российском обществе негосударственные организации прочно заняли свою нишу. Они, как и граждане, вправе вступать в управленческие административно-правовые отношения [1, с. 75–76]. Например, к субъектам нормотворческой деятельности в настоящее время относятся не только государственные организации, но и организации других форм собственности, их должностные лица; общественные объединения, их руководители [2, с. 8].

Научные исследования, которые проводятся на тех или иных уровнях сравнения, имеют своим объектом, в том числе, и отдельные отрасли или институты, а также систему юридических учреждений [3, с. 23].

Статус негосударственных организаций — это область смежного регулирования норм гражданского и административного права, имеющая свою четкую грань, воплощенную в предмете данных отраслей права.

Большое разнообразие негосударственных организаций вызывает необходимость классификации их по различным основаниям:

во-первых, относящимся к их организационной стороне деятельности: организационно-правовая форма субъектов; наличие государственной регистрации; возможность учредителям, а также участникам и членам участвовать в управлении организациями; учредители негосударственных организаций;

во-вторых, относящимся к содержательному аспекту деятельности организаций: целевое назначение; форма собственности; функциональное назначение деятельности; наличия полномочий у организации по применению мер принуждения.

Приведенные основания классификации заложены как в нормах административного, так и гражданского права.

Так, субъектами административного права выступают и коммерческие, и некоммерческие организации, созданные в различных организационно-правовых формах. Данное деление закреплено в ГК РФ (части первой) [4] и поэтому применяется, как правило, в отношении юридических лиц. Но, не все негосударственные организации обладают этим статусом (например, общественные объединения, религиозные группы), но все они при этом могут быть подразделены на указанные виды, то есть на коммерческие и некоммерческие организации. Определяющим критерием здесь является цель деятельности, которая отличает организации друг от друга.

Цель — это то, к чему стремятся, что надо осуществить [5, с. 758]. В соответствии со ст. 52 ГК РФ в уставе юридического лица определяется цель его деятельности. Для некоторых видов юридических лиц (в частности некоммерческих организаций) это

обязательное требование, которое ими должно быть выполнено.

Если распространить этот критерий на все негосударственные организации, то по указанному основанию они и будут делиться на коммерческие и некоммерческие. Таким образом, коммерческие организации — это организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, а некоммерческие организации — не имеют извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяют полученную прибыль между участниками (ст. 50 ГК РФ). В связи с этим, мы не согласимся с мнением о том, что в основе данного деления лежит характер деятельности организации [6, с. 181]. В его основе находится именно цель ее деятельности.

Если рассматривать специфику каждой из организационно-правовых форм коммерческих организаций, то она определяется требованиями к ним, закрепленными в гражданском законодательстве, а именно в гл. 4 ГК РФ.

Например, отличительным признаком обществ в соответствии со ст. 66.3 ГК РФ является то, что они подразделяются на публичные и непубличные. У товариществ такое подразделение отсутствует.

Публичным в соответствии с п. 1 указанной статьи является акционерное общество, акции и ценные бумаги которого, конвертируемые в его акции, публично размещаются (путем открытой подписки) или публично обращаются на условиях, установленных законами о ценных бумагах. Правила о публичных обществах применяются также к акционерным обществам, устав и фирменное наименование которых содержат указание на то, что общество является публичным.

В п. 2 данной статьи закреплено, что общество с ограниченной ответственностью и акционерное общество, которое не отвечает признакам, указанным в п. 1 ст. 66.3 ГК РФ, признаются непубличными.

Таким образом, п. 2 ст. 66.3 ГК РФ определяет непубличные общества, которыми фактически признаются только акционерные общества. В связи с этим А. Н. Борисов справедливо отмечает, что деление на публичные и непубличные предусмотрено лишь для акционерных обществ и это введено на смену деления акционерных обществ на открытые и закрытые [7].

При этом как хозяйственные товарищества, так и общества вступают в административно-правовые отношения и обладают административно-правовым статусом, особенности которого определяются их характерными признаками, закрепленными в ГК РФ.

Так, при государственной регистрации юридического лица в организационно-правовой форме хозяйственного товарищества и в последующем, в процессе реализации контрольно-надзорной деятельности, органам ФНС России необходимо

учитывать то, что учредительным документом для данных организаций является договор. В связи с этим число участников хозяйственного товарищества не может быть менее двух. При этом не обязательно соблюдение требования к минимальному размеру уставного капитала.

Для того чтобы создать хозяйственное общество учредителям необходимо выполнить еще больший ряд требований, закрепленных в законодательстве, особенно в отношении публичных обществ. В связи с этим на органы, осуществляющие государственную регистрацию юридических лиц, возлагаются обязанности по контролю за соблюдением соответствующих требований и, таким образом, реализуется административно-правовой статус хозяйственных обществ во взаимодействии с органами исполнительной власти.

Среди организационно-правовых форм негосударственных коммерческих организаций выделяются хозяйственные партнерства. Их статус регулируется ГК РФ, Федеральным законом от 03.12.2011 № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» [8] (далее — Закон о хозяйственных партнерствах) и другими нормативными правовыми актами. Это организационно-правовая форма коммерческого юридического лица наиболее подходящая для инновационной деятельности.

Статья 2 Закона о хозяйственных партнерствах закрепляет то, что хозяйственное партнерство это коммерческая организация, созданная двумя или более лицами, управление деятельностью которой осуществляют участники партнерства, и иные лица в пределах и в объеме, предусмотренных соглашением. Участниками партнерства могут быть как граждане, так и юридические лица. При этом партнерство не может быть учреждено одним лицом и не может стать впоследствии партнерством с одним участником. Если же число участников партнерства уменьшится до одного, то партнерство подлежит реорганизации в соответствии с Законом о хозяйственных партнерствах или ликвидации в судебном порядке по требованию лиц в этом заинтересованных, либо органа, который осуществляет государственную регистрацию юридических лиц, иных государственных органов, которым федеральным законом предоставлено право на предъявление такого требования.

Число участников партнерства должно составлять не более пятидесяти. В случае если данный предел будет превышен, то партнерство в течение года должно быть преобразовано в акционерное общество. Если в течение указанного срока партнерство не будет преобразовано и число его участников не уменьшится до установленного предела, то оно подлежит ликвидации в судебном порядке по требованию заинтересованных лиц, либо органа, осуществляющего государственную регистрацию

юридических лиц, либо иных государственных органов, которым право на предъявление такого требования предоставлено федеральным законом.

По мнению А. П. Тишина, внедрение в систему юридических лиц хозяйственных корпораций, обусловлено тем, что, особенности подготовки, реализации и прекращения инновационного бизнес-проекта определены специфическими требованиями, предъявляемыми к организационно-правовой форме юридического лица, которое используется в качестве проектной компании участниками инновационной предпринимательской деятельности. Эти требования преимущественно сформировались на основе выработанных деловой практикой и международно признанных условий реализации проектов в инновационной сфере, и также под влиянием опыта правоприменительной деятельности венчурной индустрии в России [9].

Юридические лица в указанной организационно-правовой форме вступают, в том числе, в административно-правовые отношения. Так, ФНС России и ее территориальные органы призваны контролировать соблюдение указанных выше требований к хозяйственным партнерствам (например, к их численности), и при выявлении нарушений законодательства инициировать преобразование или ликвидацию данных субъектов.

Также к организационно-правовым формам негосударственных коммерческих организаций относятся производственные кооперативы. Статус данных организаций регулируется ГК РФ, Федеральным законом от 08.05.1996 № 41-ФЗ «О производственных кооперативах» [10], Федеральным законом от 08.12.1995 № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» [11] и другими нормативными правовыми актами. Потребительские кооперативы также вступают в административно-правовые отношения при реализации своих прав и выполнении обязанностей во взаимодействии с органами исполнительной власти. Последние призваны контролировать соблюдение данными негосударственными организациями требований законодательства, составляющих характерные признаки соответствующей организационно-правовой формы юридических лиц (в частности, обязательное оформление членства в потребительском кооперативе, внесение имущественных паевых взносов членами).

Еще одним смежным институтом регулирования является институт государственной регистрации юридических лиц. Его основы заложены в ст. 51 ГК РФ, а в процессе этой процедуры органы исполнительной власти также проверяют соблюдение соответствующих норм гражданского законодательства. Но данный институт является непосредственно административно-правовым.

Так, Минюстом России в регистрации общественных организаций, как правило, отказывается,

так как в их уставах не отражаются требования: ст. 65.3 ГК РФ (к структуре органов управления); ст. 123.5 ГК РФ (к объему сведений, содержащихся в уставах); ст. 123.17 ГК РФ (на запрет реорганизации фонда) и др. [12].

Кроме того, ст. 50 ГК РФ закрепляет организационно-правовые формы в отношении некоммерческих организаций — юридических лиц. Этот перечень является исчерпывающим и некоммерческие организации — юридические лица не могут быть созданы в иных организационно-правовых формах. Но если такая организация действует без статуса юридического лица, при условии закрепления этой возможности в соответствующих нормативных актах, то она может создаваться и в других, кроме предусмотренных ГК РФ, организационно-правовых формах, т. е. в соответствии и с административным законодательством. Так, ч. 6 ст. 50 ГК РФ устанавливает, что к отношениям по осуществлению своей основной деятельности и к другим отношениям с участием некоммерческой организации, которые не относятся к предмету регулирования гражданского законодательства, правила ГК РФ не применяются, за исключением тех случаев, когда иное предусмотрено законом или уставом организации.

С учетом вышеназванных особенностей, взяв за основу признаки негосударственной организации в целом [13, с. 138–145], предлагаются следующие определения понятий коммерческая и некоммерче-

ская негосударственная организация как субъекты административного права.

Коммерческая негосударственная организация — это вид организации, состоящей из индивидуальных субъектов, выступающей персонафицировано, реализующей собственные права и обязанности в административно-правовых отношениях, созданной без участия государства с целью извлечения прибыли и подлежащей обязательной государственной регистрации.

Некоммерческая негосударственная организация — это вид организации, состоящей из индивидуальных субъектов, выступающей персонафицировано, реализующей собственные права и обязанности в административно-правовых отношениях, созданной без участия государства, не имеющей цели извлечения прибыли в качестве основной в своей деятельности, для которой государственная регистрация является обязательной только в случаях, предусмотренных законом.

Как видно из приведенных определений, признаки коммерческих и некоммерческих организаций синтезированы из норм и административного и гражданского права, что обеспечивает их полноту.

Однозначно то, что положения ГК РФ о юридических лицах должны найти свою дальнейшую конкретизацию в законодательстве, в том числе, и в административном, нормами которого регулируется правовой статус негосударственных организаций как субъектов административного права.

Пристатейный библиографический список

1. Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / под ред. А. Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
2. Россинский Б. В. Разработка федерального закона «О нормативных правовых актах» — насущная потребность совершенствования российского законодательства // Юстиция. 2007. № 2.
3. Демидова И. С. Понятие правовой традиции в сравнительном правоведении и вопросы типологии национальных правовых систем // Вестник Российской правовой академии. 2016. № 3.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985.
6. Российское гражданское право : учебник: в 2 т. Т. 1: общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. М., 2010.
7. Борисов А. Н. Комментарий к главе 4 части первой Гражданского кодекса РФ «Юридические лица». М., 2014.
8. СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 5). Ст. 7058.
9. Тишин А. П. Хозяйственные партнерства — новый вид юридических лиц // Упрощенная система налогообложения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2012. № 2.
10. СЗ РФ. 1996. № 20. Ст. 2321.
11. СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.
12. Обзор типичных нарушений законодательства Российской Федерации, допускаемых общественными объединениями в документах, представляемых для государственной регистрации // Минюст России : сайт. URL: <http://minjust.ru/gosudarstvennaya-registraciya-nekommercheskih-organizacij/obzor-tipichnyh-narusheniy-zakonodatelst-0> (дата обращения: 31.01.2018).
13. Соболева Ю. В. Негосударственные организации как вид субъектов административного права: основные черты // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2015. № 4 (23).

Reference

1. *Administrativnoe pravo Rossijskoj Federacii : uchebnik dlya bakalavrov [Administrative law of the Russian Federation] / pod red. A. Yu. Sokolova. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2018.*
2. *Rossinskij B. V. Razrabotka federal'nogo zakona «O normativnyh pravovyh aktah» — nasushchnaya potrebnost' sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva [Development of the Federal law “on normative legal acts” is an urgent need to improve the Russian legislation] // Yusticiya. 2007. № 2.*
3. *Demidova I. S. Ponyatie pravovoj tradicii v sravnitel'nom pravovedenii i voprosy tipologii nacional'nyh pravovyh sistem [The Concept of legal tradition in comparative jurisprudence and questions of typology of national legal systems] // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2016. № 3.*
4. *Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii [The civil code of the Russian Federation], chast' pervaya ot 30.11.1994 № 51-FZ // SZ RF. 1994. № 32. St. 3301; chast' vtoraya ot 26.01.1996 № 14-FZ // Tam zhe. 1996. № 5. St. 410; chast' tret'ya ot 26.11.2001 № 146-FZ // Tam zhe. 2001. № 49. St. 4552; chast' chetvertaya ot 18.12.2006 № 230-FZ // Tam zhe. 2006. № 52 (CH. 1). St. 5496.*
5. *Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. M., 1985.*
6. *Rossijskoe grazhdanskoe pravo : uchebnik: v 2 t. T. 1: obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava [Russian civil law] / otv. red. E. A. Suhanov. M., 2010.*
7. *Borisov A. N. Kommentarij k glave 4 chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa RF «Yuridicheskie lica» [Comment to Chapter 4 of part one of the Civil code of the Russian Federation “Legal entities”]. M., 2014.*
8. *SZ RF. 2011. № 49 (ch. 5). St. 7058.*
9. *Tishin A. P. Hozyajstvennye partnerstva — novyj vid yuridicheskikh lic [Economic partnerships — a new type of legal entities] // Uproshchennaya sistema nalogooblozheniya: buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie. 2012. № 2.*
10. *SZ RF. 1996. № 20. St. 2321.*
11. *SZ RF. 1995. № 50. St. 4870.*
12. *Obzor tipichnyh narushenij zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, dopuskaemyh obshchestvennymi ob"edineniyami v dokumentah, predstavlyaemyh dlya gosudarstvennoj registracii [Review of typical violations of the legislation of the Russian Federation allowed by public associations in documents submitted for state registration] // Minyust Rossii : sajt. URL: <http://minjust.ru/gosudarstvennaya-registraciya-nekommercheskih-organizacij/obzor-tipichnyh-narusheniy-zakonodatelst-0> (data obrashcheniya: 31.01.2018).*
13. *Soboleva Yu. V. Negosudarstvennye organizacii kak vid sub"ektov administrativnogo prava: osnovnye cherty [Non-governmental organizations as a kind of subjects of administrative law: the basic lines] // Vestnik VGU. Seriya: Pravo. 2015. № 4 (23).*

СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

Цель настоящей статьи проанализировать некоторые способы защиты прав и охраняемых законом интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Научная новизна исследования определяется его целями, содержанием, а также сформулированными в нем выводами и рекомендациями.

Методологическую основу исследования составили как общенаучные методы познания: нормативный, системный, логический, так и частнонаучные методы: формально-логический, метод изучения судебной практики и толкования юридических норм.

Спорам по рассмотрению и разрешению дел, возникающих из семейных отношений, всегда уделялось пристальное внимание в трудах ученых-правоведов. Возникающие при их разрешении вопросы продолжают и в настоящее время интересоваться специалистов как в области материального, так и процессуального права, что свидетельствует об актуальности проведенного исследования.

Статья предназначена как для правоприменителей, поскольку семейное право требует специальных знаний от органов государственной власти по работе с детьми, особого опыта, отношения и чувства долга от судей и сотрудников его аппарата, так и широкого круга исследователей.

Социальная ценность правосудия, степень защищенности прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, во многом зависят и от выбора судебными приставами-исполнителями средств защиты несовершеннолетних.

Авторы приходят к выводу, что защита прав и охраняемых законом интересов детей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, требует гибкости и оперативности от всех органов, осуществляющих такую защиту, в частности и от судебных приставов-исполнителей.

ФИЛИППОВ

Сергей Александрович
доцент кафедры гражданского права и процесса Поволжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат юридических наук (г. Саратов), s.filippov85@icloud.com.

ЦЕПКОВА

Татьяна Митрофановна
профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук, доцент (г. Саратов), k_gp@ssla.ru.

Защита семейных прав; охраняемые законом интересы; семейные правоотношения; исполнительное производство

Sergey A. FILIPPOV

the assistant professor of the Civil Law Chair and Process of the Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, PhD in law (Saratov), s.filippov85@icloud.com.

Tatiana M. TSEPKOVA

the professor of the Civil Process of the SSLA, PhD in law, the assistant professor (Saratov), k_gp@ssla.ru.

Protection of family rights; legally protected interests; family legal relations; enforcement proceedings

WAYS TO PROTECT THE RIGHTS AND LEGALLY PROTECTED INTERESTS OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

The purpose of this article is to analyze some ways of protecting the rights and legally protected interests of orphans and children left without parental care.

The scientific novelty of the study is determined by its goals, content, as well as the conclusions and recommendations formulated therein.

The methodological basis of the research was formed on the basis of general scientific methods of cognition such as normative, system, logical, and private-scientific methods: formal-logical, method of studying judicial practice and interpretation of legal norms.

Legal scholars in their writings always paid close attention to disputes on the consideration and resolution of cases arising from family relations. The questions that arise in resolving them continue to interest specialists both in the field of substantive and procedural law at the present time, which indicates the relevance of the study.

This article is intended both for law enforcement agents, since family law requires special knowledge from government bodies, work with children requires special experience, attitudes and feelings of duty from judges and staff of its apparatus, and a wide range of researchers.

The social value of justice, the degree of protection of the rights and legitimate interests of orphans and children left without parental care, largely depends on the choice of means of protection for minors by bailiffs.

The authors come to the conclusion that the protection of the rights and legally protected interests of children, orphans and children left without parental care requires flexibility and promptness from all bodies that carry out such protection, in particular, from bailiffs.

УДК 347.639

Спорам по рассмотрению и разрешению дел, возникающих из семейных отношений, всегда уделялось пристальное внимание в трудах ученых-правоведов. Возникающие при их разрешении вопросы продолжают и в настоящее время интересоваться специалистов как в области материального, так и процессуального права.

Полагаем это связано с тем, что сама область семейных отношений настолько уникальна и специфична, что нуждается в более глубоких познаниях как со стороны государственных органов, которым приходится с ними сталкиваться и осуществлять защиту прав и охраняемых законом интересов таких участников, так и общества в целом.

Семейный кодекс [1] в ст. 155.3 закрепляет правомочие детей, оставшихся без попечения родителей и находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Так, дети, оставшиеся без попечения родителей и находящиеся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеют право на: содержание, воспитание, образование, всестороннее развитие, уважение их человеческого достоинства, защиту их прав и законных интересов; причитающиеся им алименты, пенсии, пособия и иные социальные выплаты; сохранение права собственности на жилое помещение или права пользования жилым помещением либо, если отсутствует жилое помещение, получение жилого помещения в соответствии с жилищным законодательством.

Таким детям опекуны или попечители не назначаются, а исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию и образованию детей, а также защите их прав и законных интересов возлагается на эти организации.

К организациям для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которые дети помещены под надзор, согласно СК применяются нормы законодательства об опеке и попечительстве, относящиеся к правам, обязанностям и ответственности опекунов и попечителей.

Временная передача ребенка в семью граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, не является формой устройства ребенка в семью и осуществляется на основании распоряжения администрации такой организации в интересах ребенка в целях обеспечения его воспитания и гармоничного развития (на период каникул, выходных или нерабочих праздничных дней и др.). Данная передача не допускается, если пребывание ребенка в семье может создать угрозу причинения вреда физическому и (или) психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию либо иную угрозу его законным интересам.

Таким образом, необходимо обратить внимание на защиту СК как прав, так и охраняемых законом

интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Весомый вклад в изучение, анализ и развитие категории «законный интерес» внесли работы А. В. Малько и В. В. Субочева.

Авторы констатируют, что термин «законные интересы» используется общей теорией права не интуитивно, а вполне обоснованно, неся в себе определенную методологическую нагрузку для всей системы юридических наук. «Законные интересы — это возможность, гарантированная в меньшей степени, чем дозволенное поведение в рамках субъективного права. Законный интерес — всего лишь не запрещенность, предоставленная государством и в определенной мере поддерживаемая им. Законные интересы, наряду с субъективными правами, являются самостоятельным объектом правовой охраны и защиты» [2, с. 86, 94.].

Социальная ценность правосудия, степень защищенности прав и законных интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, во многом зависит и от выбора судебными приставами-исполнителями средств защиты несовершеннолетних.

К сожалению, нормы Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [3] (далее — Закон об исполнительном производстве) не всегда содержат развернутую процедуру исполнения судебных актов. Не существует перечня действий судебного пристава-исполнителя при отобрании детей у родителей [4, с. 23]. Отдельные положения Закона об исполнительном производстве могут быть неоднозначно истолкованы. Особую сложность, по мнению самих приставов-исполнителей, представляет исполнение решений неимущественного, имущественного характера, а также взыскание алиментов [5, с. 187].

Выбор способов защиты прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних может осуществляться судебным приставом-исполнителем как самостоятельно, так и с помощью суда. Согласно ст. 32 Закона об исполнительном производстве судебный пристав-исполнитель вправе обратиться в суд, а также в другой орган или к должностному лицу, выдавшему исполнительный документ, с заявлением о разъяснении его положений, способа и порядка исполнения.

По ст. 35 вышеуказанного Закона исполнительные действия совершаются в рабочие дни с 6 до 22 ч. Думается, что судебный пристав-исполнитель в тех случаях, когда исполнение решения осуществляется с присутствием детей, должен действовать в рамках с 10 до 18 ч, чтобы уменьшить риск травмирования ребенка, и закон такое право ему гарантирует.

Качество защиты прав и законных интересов несовершеннолетних во многом зависит от соблюдения судебным приставом-исполнителем

сроков исполнительных действий, а также способов добровольного исполнения решения суда. Если исполнительный документ впервые поступил в службу судебных приставов, то пристав-исполнитель устанавливает срок для добровольного исполнения должником требований, содержащихся в исполнительном документе. При установлении срока добровольного исполнения судебный пристав-исполнитель должен следовать правилам, установленным законом.

В исключительных и не терпящих отлагательства случаях допускается вторжение в дом родителей, поставивших детей в трудную жизненную ситуацию, принятие срочных мер по изъятию ребенка из семьи и лишение родительских прав. Напротив, сроки могут растягиваться, если при передаче ребенка оказывается необходимым создание более благоприятных условий исполнения решений.

Практика показывает, что способы мирного урегулирования спора о передаче ребенка другому лицу практически неприменимы. Превалирует принудительный способ исполнения решений. Такая мера требует тщательной подготовки, выражающейся в изучении сложившейся ситуации, привлечении к исполнению решения не только представителей органов опеки и попечительства, но и психологов, воспитателей, духовных наставников, если таковые имеются, работников полиции. Применять к ребенку любого возраста силу при передаче его другому родителю судебный пристав не вправе [6, с. 37].

Важным способом защиты прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является урегулирование имущественных отношений.

Согласно Федеральному закону от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [7] дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также дети, находящиеся под опекой (попечительством), имевшие закрепленное жилое помещение, сохраняют на него право на весь период пребывания в образовательном учреждении или учреждении социального обслуживания населения, а также в учреждениях всех видов профессионального образования независимо от форм собственности на период службы в рядах Вооруженных Сил РФ, на период нахождения в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы. В случаях, если за несовершеннолетним не закреплено жилье, то после окончания учебных заведений, воинской службы и отбывания наказания он должен быть обеспечен вне очереди жилой площадью не ниже установленных социальных норм.

Несмотря на довольно внушительные требования закона, на практике имущественные права несовершеннолетних постоянно нарушаются. Следует признать, что правовая просвещенность детей-сирот

и детей, оставшихся без попечения родителей, пока еще недостаточна, а потому в их защиту чаще всего вступают органы опеки и попечительства, прокуратура, судебные приставы-исполнители.

Наиболее сложным является исполнение документов о предоставлении жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей.

В региональном разрезе исполнение решений судов о предоставлении жилья детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, имеет разные основания, обусловленные региональным законодательством. Так, в Москве департамент жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы осуществляет подбор жилых помещений по заявленному набору квартир и передает их ГУП «Моссоцгарантия» для последующего заключения договоров безвозмездного пользования. Данная организация заключает с лицом из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, договор сроком на пять лет. В период безвозмездного пользования жильем получивший его осуществляет оплату услуг по содержанию и ремонту жилого помещения, коммунальных и прочих услуг. Оплата за пользование жилым помещением не взимается. По окончании пятилетнего срока договора может быть принято одно из следующих решений: расторжение договора безвозмездного и заключение договора социального найма, заключение безвозмездного договора на новый срок, расторжение договора безвозмездного действия [8, с. 389–390.]

Защита имущественных прав несовершеннолетних не ограничивается решением жилищных проблем.

Существенным способом выражения интересов детей и подростков является следование ст. 60 СК, ч. 3 которой закрепляет за ребенком право собственности на доходы, полученные им, имущество, переданное в дар или в порядке наследования, а также на любое другое имущество, приобретенное на средства ребенка.

Необходимо иметь в виду, что право на распоряжение имуществом определяется ст. 26 и 28 ГК [9]. В случае возникающих споров по оценке имущества судебному приставу-исполнителю следует привлекать специалиста.

В таком случае судебный пристав-исполнитель на основе отчета специалиста выносит постановление об оценке вещи или имущественного права не позднее трех дней со дня получения отчета оценщика. Копии постановления направляются сторонам [10, с. 31].

Судебному приставу-исполнителю приходится иметь дело с имущественными отношениями, когда должник отказывается выплатить необходимую сумму взыскателю.

Закон допускает наложение взыскания на имущество, принадлежащее должнику.

Одним из способов защиты имущественных прав несовершеннолетних может стать арест имущества должника. Процедура обращения взыскания на имущество требует установления факта регистрации имущества на имя должника. Взыскание может быть обращено только на имущество, принадлежащее должнику на праве собственности. Если же в ходе ареста имущества трудно доказать правовую природу принадлежности имущества, то целесообразно подвергать аресту именно то имущество, принадлежность которого должнику очевидна.

В случаях, когда имущество скрывается, необходимо осуществить мероприятия по розыску имущества, опрос граждан, наведение справок, исследование предметов и документов, наблюдение, обследование помещений, зданий, участков местности и транспортных средств.

Перечисленными действиями судебные приставы стараются не обременять себя [11, с. 23]. Следует также иметь в виду, что и прав для осуществления целого ряда процедур у судебного пристава-исполнителя недостаточно.

Так, в случае сокрытия должником имущества с целью уклонения от ареста имущества путем вывоза судебного пристава-исполнителя не вправе остановить транспортное средство с имуществом, проверить его принадлежность, установить лиц, производящих вывоз. В этой связи целесообразно наделить судебного пристава-исполнителя соответствующими правами.

Еще большую сложность в исполнении решений по взысканию имущества представляет реализация арестованного имущества. Статья 87 Закона об исполнительном производстве допускает реализацию имущества должника специализированной организацией, которая назначает открытые торги в форме аукциона. В задачи судебного пристава-исполнителя входит: предъявление требований к управляющей компании о реализации и погашении паевых инвестиционных фондов, вынесение постановления о передаче имущества должника на реализацию, если имущество не реализовано в течение месяца, то судебный пристав-исполнитель предлагает взыскателю оставить это имущество за собой. О передаче нереализованного имущества судебный пристав выносит постановление, которое утверждается старшим судебным приставом. Помимо постановления составляется акт приема-передачи. Копии постановлений направляются взыскателю и должнику. На практике нередко встречается злоупотребление работниками органов принудительного

исполнения. В частности, приобретение арестованного имущества по заниженной цене в свою собственность, установление заведомо низких цен на имущество и др. [12, с. 5].

Рассмотренные способы защиты прав и охраняемых законом интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, показывают, что одни из них, безусловно, продиктованы законом, другие — вытекают из конкретных обстоятельств и складываются в процессе практики.

Исследование показало, что судебные приставы-исполнители в целом следуют букве Закона об исполнительном производстве. Однако соотношение этого Закона с другими, затрагивающими интересы несовершеннолетних, пока еще является слабым местом в деятельности судебных приставов-исполнителей. С другой стороны, сами законы не всегда акцентируют внимание судебного пристава-исполнителя на выборе средств, облегчающих и ускоряющих процесс исполнения судебного решения. Да и сами судебные решения подчас сковывают деятельность судебных приставов, благо, закон разрешает обращаться в суд за разъяснением судебного решения.

Недостаточно активно используется такой способ, как добровольное исполнение решения. Вероятно, указанного в Законе об исполнительном производстве срока для добровольного исполнения решения недостаточно и его следует увеличить.

Специфика защиты прав несовершеннолетних состоит в том, что судебный пристав-исполнитель может использовать различные сроки исполнения в зависимости от конкретной ситуации.

Вместе с тем защита прав и охраняемых законом интересов детей, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, требует гибкости и оперативности от всех органов, осуществляющих такую защиту, в частности и от судебных приставов.

Необходимо, на наш взгляд, расширить полномочия судебных приставов-исполнителей по выявлению и розыску имущества должника.

Решение проблем социального сиротства требует осуществления мер по социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Они должны быть обучены самообслуживанию, ведению домашнего хозяйства, распределению получаемых средств на содержание, поскольку переход от полного государственного обеспечения к самостоятельной жизни вызывает определенные сложности.

Пристатейный библиографический список

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. 2014. № 2 (313).

3. СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
4. Нечаева А. М. Отобрание детей у родителей // Российская юстиция. 2010. № 7.
5. Чекмарева А. В. Защита прав человека в исполнительном производстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
6. Нечаева А. М. Исполнение решений суда по делам, связанным с воспитанием детей // Российская юстиция. 1998. № 5.
7. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
8. Глисков А. А., Глисков А. Г., Забейворота А. И. Настольная книга для усыновителей, опекунов (попечителей) и патронажных воспитателей. Ростов н/Д, 2010.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Там же. 1996. № 5. Ст. 410; часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Там же. 2001. № 49. Ст. 4552; часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Там же. 2006. № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
10. Ответы на вопросы по применению отдельных положений законодательства РФ об исполнительном производстве за 1 полугодие 2008 года (по вопросам в Свердловской области) // Исполнительное право. 2008. № 4.
11. Трошкин И. Ю. Надзор за исполнением законодательства судебными приставами // Законность. 2011. № 1.
12. Перова Н. О случаях приобретения имущества по заниженным ценам самими работниками ФССП. Обратная сторона исполнения // Эж-Юрист. 2005. № 47.

References

1. Semejnij kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ // SZ RF. 1996. № 1. St. 16.
2. Mal'ko A. V., Subochev V. V. Zakonnye interesy v pravovoj zhizni obshchestva: aktual'nye voprosy teorii i praktiki [Legal interests in the legal life of society: topical issues of theory and practice] // Pravovedenie. 2014. № 2 (313).
3. SZ RF. 2007. № 41. St. 4849.
4. Nechaev A. M. Otobranie detej u roditelej [The removal of children from parents] // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 7.
5. Chekmareva A. V. Zashchita prav cheloveka v ispolnitel'nom proizvodstve : dis. ... kand. yurid. nauk [Protection of human rights in enforcement proceedings]. Saratov, 2003.
6. Nechaev A. M. Ispolnenie reshenij suda po delam, svyazannym s vospitaniem detej [Enforcement of court decisions on cases involving the upbringing of children] // Rossijskaya yusticiya. 1998. № 5.
7. Federal'nyj zakon ot 24.07.1998 № 124-FZ «Ob osnovnyh garantiyah prav rebenka v Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 1998. № 31. St. 3802.
8. Gliskov A. A., Gliskov A. G., Zabejvorota A. I. Nastol'naya kniga dlya usynovitelej, opekunov (popечitelej) i patronazhnyh vospitatelej [A handbook for adoptive parents, guardians (trustees) and patronage educators]. Rostov n/D, 2010.
9. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii, chast' pervaya ot 30.11.1994 № 51-FZ // SZ RF. 1994. № 32. St. 3301; chast' vtoraya ot 26.01.1996 № 14-FZ // Tam zhe. 1996. № 5. St. 410; chast' tret'ya ot 26.11.2001 № 146-FZ // Tam zhe. 2001. № 49. St. 4552; chast' chetvertaya ot 18.12.2006 № 230-FZ // Tam zhe. 2006. № 52 (Ch. 1). St. 5496.
10. Otvetny na voprosy po primeneniyu otdel'nyh polozhenij zakonodatel'stva RF ob ispolnitel'nom proizvodstve za 1 polugodie 2008 goda (po voprosam v Sverdlovskoj oblasti) // Ispolnitel'noe pravo. 2008. № 4.
11. Troshkin I. U. Nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva sudebnymi pristavami [Supervision of the execution of legislation by bailiffs] // Zakonnost'. 2011. № 1.
12. Perova N. O sluchayah priobreteniya imushchestva po zanizhennym cenam samimi rabotnikami FSSP. Obrotnaya storona ispolneniya [Cases of acquisition of property at an understated price by the employees of the Federal Bailiff Service. The reverse side of the enforcement] // Ehzh-YUrist. 2005. № 47.

О ЦЕЛИ И СТРУКТУРЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ АДВЕНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена формированию новой частной криминалистической методики — методике расследования адвенальных преступлений. Современное положение Российской Федерации как мощной многонациональной державы складывается как из эффективно функционирующей системы внутреннего правопорядка, так и поддержания престижа государства в глазах иностранных граждан. Криминалистическая наука способна внести существенный вклад в обеспечение данных задач посредством создания частной криминалистической методики, учитывающей роль этнического фактора представителей различных национальностей, являющихся участниками уголовного судопроизводства. Существующие в настоящее время рекомендации по расследованию преступлений, совершенных иностранцами и в отношении иностранцев, неспособны выполнить данную функцию в силу смешения предмета исследования с науками уголовно-процессуального права, уголовного и административного права, криминологии, а также неточности используемой терминологии.

Целью исследования является обоснование цели и структуры методики расследования адвенальных преступлений, аргументация необходимости ее формирования, а также научной значимости и практической востребованности. Методологию исследования составили логические, социологические и сравнительные методы научного познания, а также системно-деятельностный подход.

Автор впервые выводит понятие адвенального лица как криминалистической категории, проводит разграничение со смежными понятиями — «иностранец», «мигрант», «член этнической организованной преступной группы». Категория адвенального лица позволяет сформулировать понятие методики расследования адвенальных преступлений, определить ее цель и структуру, в которую входят такие элементы, как криминалистическая характеристика адвенального лица, криминалистическая модель адвенального преступления, а также технико- и тактико-криминалистическое обеспечение процесса расследования.

Результаты проведенного исследования могут быть применены в области формирования криминалистической методики как одного из основных разделов криминалистической науки, а также в правоохранительной деятельности — в процессе выявления, расследования, раскрытия и предотвращения адвенальных преступлений.

ФОЙГЕЛЬ

Елена Игоревна
заведующая кафедрой уголовного
процесса и криминалистики
Иркутского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук,
доцент (г. Иркутск),
foiguelena@gmail.com.

**Адвенал;
адвенальные преступления;
комплексная криминалистическая методика;
расследование преступлений,
совершенных иностранцами;
расследование преступлений,
совершенных в отношении иностранных граждан;
преступления, связанные с иностранцами;
криминалистическая характеристика личности преступника и потерпевшего**

Elena I. FOYGEL

the head of the criminal proceeding
and criminalistics Chair
of the Irkutsk Institute (branch)
of the All-Russia State University
of Justice, PhD in law (Irkutsk),
foiguelena@gmail.com.

**Advenal;
advenal crimes;
complex criminalistic methods;
investigation of crimes;
investigation of crimes
committed by foreigners;
against foreigners;
related to foreigners;
criminalistic characteristics of
the personality of the offender
and the victim**

ON THE PURPOSE AND STRUCTURE OF THE CRIMINALISTIC METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF ADVENAL CRIMES

The article is devoted to the formation of a new particular criminalistic methodology — a method of investigation of advenal crimes. The current position of the Russian Federation as a powerful multinational power consists of both an effectively functioning system of domestic legal order and maintenance of the prestige of the state in the eyes of foreign citizens. Criminalistics science can make a significant contribution to the provision of these tasks by creating a particular criminalistic methodology that takes into account the role of an ethnic factor of representatives of different nationalities who are parties to criminal proceedings. Current recommendations on investigation of crimes committed by foreigners and against foreigners are incapable of fulfilling this task because of confusion of the subject matter of the study with the sciences of criminal proceedings, criminal and administrative law, criminology as well as inaccuracy of the terminology used.

The purpose of the research is to substantiate the purpose and structure of investigation methods of advenal crimes, reasoning for the need for its formation, as well as scientific significance and practical relevance. The research methods have been made up of logical, sociological and comparative methods of scientific cognition as well as a system-activity approach.

The author is the first time to derive the concept of an advenal person as a criminalistic category, makes a distinction between related concepts such as "foreigner", "migrant", "member of an ethnic organized criminal group". The category of an advenal person allows us to formulate the concept of a methodology for investigating advenal crimes, to determine its purpose and structure which includes elements such as criminalistic characteristics of an advenal person, a criminalistic model of an advenal crime, and the technical and tactical-criminalistics support of the investigation process.

The results of the research can be applied in the field of criminalistics methodology as one of the main sections of criminalistics science as well as in law enforcement — in the process of identifying, investigating, disclosing and preventing advenal crimes.

УДК 343.98.067

Формируя частную криминалистическую методику расследования отдельных видов или групп преступлений, необходимо четко обосновать целесообразность и востребованность данных научных положений и основанных на них практических рекомендаций. Криминалистическая методика является по своей сути «особенной частью» криминалистики, поскольку именно в данном разделе достижения в области криминалистической техники и тактики находят свое применение при расследовании и раскрытии преступлений.

Криминалистическая наука, будучи живой и динамичной, призвана адекватно и своевременно реагировать на потребности правоохранительной деятельности в реалиях современной жизни общества и государства. Российская Федерация всегда была мощным многонациональным государством, способным, уважая и сохраняя культуру своих народов, создавать, поддерживать и защищать свой суверенитет и единство. Преступность иностранных граждан и в отношении иностранных граждан на протяжении долгого времени являлась объектом частной криминалистической методики, однако в настоящее время необходимо признать, что данная частная методика, как ни странно, сформирована на основе не криминалистического, а уголовно-процессуального, уголовно-правового, конституционно-правового либо административно-правового критерия.

Речь идет о понятии «иностранец», под которым принято понимать лицо, не имеющее гражданства Российской Федерации. Какие последствия криминалистического характера имеет факт участия в уголовном судопроизводстве иностранного гражданина? Почти никаких. Участие переводчика как средства реализации принципа родного языка — уголовно-процессуальная особенность. К тому же это привилегия не только иностранцев, но любых лиц, не владеющих (недостаточно владеющих) русским языком, независимо от гражданства. Правовой статус иностранцев, обладающих дипломатическим иммунитетом, равно как формы и виды международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве, носят чисто уголовно-процессуальный характер. Несоблюдение иностранцами режима пребывания на территории РФ и последствия, вытекающие из данного правонарушения, относятся к проблемам административно-правового регулирования. Структура и состояние этнической организованной преступности представляют интерес для криминологической науки.

Однако традиционно в системе криминалистических методик выделялись методики расследования преступлений, совершенных иностранцами, и преступлений, совершенных против иностранцев [1, с. 4]. Очевидно, что при расследовании преступлений данной группы должны быть приняты во

внимание личностные характеристики преступника и потерпевшего, являющиеся основанием для применения технико- и тактико-криминалистических средств и методов. Ясно, что эти личностные особенности не заключаются в факте отсутствия российского гражданства, а в особенностях национального мышления и поведения, существенно отличающего субъекта от представителя коренного российского макроэтноса.

Следовательно, категория «иностранец» не отражает всей сути вкладываемого в него значения и не является криминалистической, а поэтому должна быть заменена на иное, более емкое, специфичное и точное понятие, которое отражало бы факт существенного этнического отличия человека от общепринятых российских правил, влияющего как на механизм преступления, так и на поведение участника уголовного судопроизводства в ходе осуществления предварительного расследования, вне зависимости от наличия или отсутствия российского гражданства.

В качестве такого понятия предлагается использовать термины «адвеналий» (от лат. *advena* — «пришлый, чужой, иноземный»), «адвенальное лицо».

Под адвеналием (адвенальным лицом) в криминалистике предлагается понимать человека, обладающего совокупностью социально-психологических свойств, осуществляющего свою деятельность на основе генетически определенных факторов, в силу своей этнической принадлежности отличающегося от представителей российского макроэтноса этническим языком, народно-бытовой культурой, обрядовой деятельностью и этническим самосознанием, что влияет на течение его отражательных процессов при осуществлении или восприятии преступной деятельности.

Адвенальное лицо, в отличие от устоявшегося понятия «иностранец», может быть и гражданином Российской Федерации, и апатридом, и бипатридом. Наличие устойчивой связи с каким-либо государством не рассматривается в качестве ключевого признака. Лицо может получить российской гражданство и быть гражданином России, но еще долгое время (если не всегда) не перестанет мыслить и вести себя (а также внешне выглядеть) как узбек, таджик, китаец, армянин, азербайджанец и т. д. Как видно из определения, решающее значение имеют различия в этническом мышлении, поведении и, возможно, во внешнем облике. Именно эти свойства адвенального лица будут служить основой для выработки и применения технико-криминалистических и тактико-криминалистических средств и методов.

В этой связи вполне логичным и целесообразным представляется появление качественно новой частной криминалистической методики — методики расследования адвенальных преступлений, под

которой понимается совокупность научных положений и разрабатываемых на их основе практических рекомендаций по организации и осуществлению выявления, расследования, раскрытия и предотвращения преступлений, совершенных адвентальными лицами, в отношении адвентальных, лиц либо преступлений, обстоятельства совершения которых в большом объеме известны адвентальным лицам, личностные характеристики которых, отраженные в их деятельности, определяют линию поведения следователя в процессе собирания, исследования и оценки доказательств по делу.

Как и любая частная криминалистическая методика, методика расследования адвентальных преступлений имеет свою цель и структуру.

Конечной целью любой частной методики является создание научно обоснованных и подтвержденных практикой рекомендаций по раскрытию, расследованию и предотвращению преступлений отдельного вида. При этом следует оговориться, что данные рекомендации не должны рассматриваться как универсальный шаблон, матрица, определяющая процесс расследования конкретного преступления, а иметь рекомендательный, направляющий характер. Поскольку цель — это желаемый результат, на достижение которого направлена вся деятельность исследователя, следовательно, цель методики расследования адвентальных преступлений — выработка научно обоснованных и практически востребованных рекомендаций по повышению эффективности борьбы с адвентальными преступлениями криминалистическими средствами и методами.

Для достижения данной цели необходимо четко структурировать разрабатываемые научные положения и практические рекомендации, привести их в систему — определенный способ взаимосвязи структурных элементов. Именно от полноты и логики изложения будет зависеть эффективность и правильность восприятия и использования положений частной криминалистической методики расследования адвентальных преступлений ее субъектом-применителем (следователем, дознавателем, оперативным сотрудником, экспертом, специалистом, судьей, прокурором).

Традиционно в структуре частной криминалистической методики выделяют криминалистическую характеристику преступления, характеристику первоначального и последующего этапов. Методика расследования адвентальных преступлений, будучи сформированной не по уголовно-правовому критерию и даже не по личности преступника (потерпевшего), а по характеристике адвентального лица и его деятельности в совокупности, будет иметь некоторые особенности в структуре, вызванные следующими соображениями.

Поскольку методика расследования адвентальных преступлений является комплексной, то в ее

структуре сложно выделить иные криминалистически важные черты криминалистической характеристики, кроме характеристики личности преступника и потерпевшего и этнической характеристики преступной деятельности. Не представляется целесообразным выделять в структуре криминалистической характеристики адвентальных преступлений общую характеристику преступлений, совершаемых адвентальными лицами, поскольку адвентальные лица совершают разнообразие преступлений. Лучше описать модель преступного поведения адвентальных лиц при совершении ими преступлений одной группы (одного вида): против личности, собственности, экологических преступлений, против общественного порядка и т. д. При этом следует подчеркнуть, что принадлежность к категории адвентальных лиц не влечет за собой склонность к совершению преступлений определенного вида или группы (у преступности нет национальности), а оказывает влияние лишь на мотив и механизм преступления.

Представляется, что структура частной комплексной методики расследования адвентальных преступлений должна включать в себя следующие элементы.

1. Криминалистическая характеристика адвентального лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, потерпевшего от преступления, либо лица, которому в большом объеме известны обстоятельства преступного деяния, имеющие значение для дела.

Криминалистическая характеристика адвентального лица — ключевой структурный элемент криминалистической характеристики адвентальных преступлений. Поскольку адвентальное лицо — это разновидность человека как криминалистической категории [2, с. 50], исследование адвентального лица целесообразно осуществлять с позиций соматического, социального, психологического, культурного и кадавристического уровней. Сознательно используя категорию «человек», а не «личность», «индивид», «гражданин», отметим, что, несмотря на кажущееся сходство, данные понятия имеют существенные различия, исследованные учеными-криминалистами [3, с. 39].

2. Криминалистическая модель преступной деятельности при совершении адвентальных преступлений.

Криминалистическая модель адвентального преступления — понятие очень близкое по смыслу к криминалистической характеристике преступления. Однако, на наш взгляд, его отличает деятельностный характер. Криминалистическая характеристика — это совокупность криминалистически значимых элементов как субъективного характера (личность преступника, личность потерпевшего), так и деятельностного (способы совершения преступления,

обстановка совершения преступления). Криминалистическая модель преступного поведения при совершении адвентальных преступлений — это характеристика особого вида преступной деятельности, ее характера, внешнего и внутреннего проявления. В этой связи применительно к методике расследования адвентальных преступлений представляется целесообразным развести криминалистическую характеристику адвентального лица и криминалистическую модель преступного поведения при совершении адвентальных преступлений, к которой следует отнести современное состояние адвентальной преступности в Российской Федерации, общую характеристику различных видов и групп адвентальных преступлений, а также способы и схемы их совершения

3. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования и раскрытия адвентальных преступлений, включающее в себя:

- особенности использования технико-криминалистических средств при выявлении, расследовании и раскрытии адвентальных преступлений;

- особенности использования специальных знаний в процессе выявления, расследования и раскрытия адвентальных преступлений.

4. Тактико-криминалистическое обеспечение выявления, расследования и раскрытия адвентальных преступлений, включающее в себя:

- особенности планирования и организации первоначального этапа расследования адвентальных преступлений;

- тактико-криминалистическое обеспечение производства поисковых следственных действий с участием адвентальных лиц;

- тактико-криминалистическое обеспечение производства вербальных следственных действий с участием адвентальных лиц;

- тактико-криминалистическое обеспечение производства экспериментальных следственных действий с участием адвентальных лиц.

Как видим, два последних составных элемента методики расследования адвентальных преступлений отличаются от традиционного изложения первоначального и последующего этапов расследования и представляют собой различные виды криминалистического обеспечения расследования преступлений, классифицированные по отраслям знания — основным разделам криминалистической науки. Классическая структура частной криминалистической методики, о которой речь шла выше, предполагает описание первоначального и последующего этапа расследования в целом, она удобна для изложения положений частных криминалистических методик, сформированных по уголовно-правовому критерию. Действительно, расследование убийств будет отличаться от расследования уклонения от уплаты налогов как

на первоначальном, так и на последующем этапе, и производство каждого следственного действия будет иметь свою специфику.

Однако при создании комплексной методики, сформированной на основании учета личностной информации о человеке и человеческой деятельности (например, адвентального лица), такая структура не совсем удобна. Зачем описывать отдельные структурные элементы частной криминалистической методики, если они не будут носить специфического характера? Только для того, чтобы создать полную, а не сокращенную методику расследования? Достижение такой цели представляется формалистичкой, лишенной научного смысла и практической ценности.

Вопрос о соотношении криминалистической методики и криминалистического обеспечения расследования преступлений не имеет однозначного решения в криминалистической науке. Были высказаны точки зрения о том, что криминалистическое обеспечение представляет собой процесс внедрения в практическую деятельность криминалистических знаний [4]; систему представлений правоохранительными органами криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений их должностных лиц, создающую условия для эффективного установления истины по уголовным делам [5, с. 319]; криминалистическое обеспечение — это совокупность криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений практических сотрудников по использованию криминалистических знаний [6, с. 64]. Большинство авторов приходит к мнению, что основное отличие криминалистического обеспечения — практическая направленность, выраженная в выработке не только знаний, но и умений и навыков по пользованию этими знаниями. Представляется, что данное отличие не имеет принципиального значения, поскольку криминалистическая методика — это не только научные положения, но и основанные на них практические рекомендации по выявлению, расследованию, раскрытию и предотвращению отдельных видов и групп преступлений. Данные рекомендации разрабатываются не только для научных целей, но непосредственно предназначены для внедрения в практическую деятельность в целях повышения ее эффективности. Безусловно, в большинстве своем они не содержат рекомендаций по созданию условий и оценки готовности реализации этих знаний, однако представляется, что эти признаки имеют больше организационный характер, нежели криминалистический. Несмотря на тот факт, что организационный аспект выходит за рамки криминалистического, отдельные его элементы могут быть разработаны криминалистической наукой, поскольку создают необходимую обстановку, основу для применения и использования

криминалистических средств и методов. К примеру, процедура подбора статистов для предъявления при опознании носит организационный характер, но соблюдение условий процедуры внешней схожести объектов имеет и уголовно-процессуальное, и криминалистическое значение.

Думается, что включение в структуру комплексной методики расследования технико-криминалистического и тактико-криминалистического обеспечения не имеет существенных препятствий. Создание необходимых условий для реализации криминалистических знаний, которые не должны, по мнению многих ученых, входить в криминалистическую методику, по нашему мнению, обеспечивают необходимую организационную, правовую и информационную основу использования криминалистических средств и методов.

Не вдаваясь в дискуссию относительно понятия криминалистического обеспечения, его сущности и отличия от криминалистической методики, нельзя не отметить, что криминалистическое обеспечение расследования преступлений — очень удобный научный инструмент для структурирования криминалистических средств и методов, применяемых при выявлении, расследовании. Поскольку криминалистическое обеспечение расследования и раскрытия включает в себя совокупность средств и методов, то необходимо оговориться, что будет подразумеваться под данными понятиями.

Понятие средств можно трактовать по-разному: в широком смысле средство — это способ (прием) достижения определенной цели, а в узком — орудие, приспособление, прибор или их совокупность для работы в определенной области. В теории криминалистики понятие средств используется преимущественно в узком смысле и рассматривается в структуре криминалистической техники. Классическое понятие технико-криминалистических средств сформулировал Р. С. Белкин: «технико-криминалистическое средство — это устройство, приспособление или материал, используемые для собирания и исследования доказательств или для создания условий, препятствующих совершению преступлений» [7, с. 253]. Однако при использовании понятия средства как приема реализации криминалистического обеспечения в него целесообразно вкладывать широкий смысл и понимать в данном случае под средствами совокупность устройств и приспособлений, предназначенных для повышения эффективности выявления, расследования и раскрытия адвентальных преступлений. Основными признаками криминалистических средств являются:

- функциональная конструкция, т. е. способность выступать в процессе использования в качестве завершеного, усовершенствованного продукта — устройства или оборудования;

- научная обоснованность, т. е. использование в основе функционирования средства данных, подтвержденных методами научных исследований;

- практическая востребованность, которая заключается в обоснованной необходимости использования данного средства для реализации конкретных задач;

- целевое назначение.

Криминалистическое средство — это статическая категория, которая не может самостоятельно выступать элементом криминалистического обеспечения. Криминалистическое средство должно быть использовано субъектом криминалистической деятельности посредством применения криминалистических методов раскрытия и предотвращения отдельных видов преступлений.

Криминалистические средства, используемые в процессе криминалистического обеспечения выявления, расследования и раскрытия адвентальных преступлений, делятся на два основных вида.

1. Техничко-криминалистические средства, понятия которых, сформулированное Р. С. Белкиным, было приведено выше.

2. Тактико-криминалистические средства. Реализуя положения криминалистической тактики, человек (субъект криминалистической деятельности) использует различные тактико-криминалистические средства — тактические приемы, тактические рекомендации, тактические решения и т. д. Думается, что будет целесообразно определить тактико-криминалистические средства как совокупность специальных приемов и инструментов, направленную на получение, проверку и использование криминалистически значимой информации в процессе выявления, расследования и раскрытия адвентальных преступлений.

Как уже было сказано выше, криминалистические средства — категория прикладная, которая сама по себе не может решить специальных задач. Криминалистические средства нуждаются в активации посредством использования криминалистических методов.

В общенаучном понимании, метод — это система действий и операций по достижению определенного результата при реализации конкретной задачи. В отличие от средств, методы — это вид целенаправленной человеческой деятельности, который осуществляется с помощью криминалистических средств. Решая специальную криминалистическую задачу, целесообразно говорить не об отдельных методах, а о системе взаимосвязанных способах воздействия, т. е. о методике.

Реализуя деятельностный подход в расследовании адвентальных преступлений, следует отметить, что криминалистическая деятельность состоит в эффективном использовании криминалистических методов, которые, в свою очередь, направлены на

компетентное и целенаправленное использование криминалистических средств. Таким образом, криминалистические средства — это некие статические приспособления или приемы, которые в полной мере реализуют свои функции только в результате их использования посредством применения специальных криминалистических методов.

Криминалистическая деятельность реализуется посредством применения криминалистических методов, которые выступают в качестве «руководства пользователя» для разработанного криминалистической инструментария — криминалистических средств.

Таким образом, можно говорить о том, что криминалистические методы расследования адвентальных преступлений — это специальные приемы и технологии криминалистической деятельности по использованию криминалистических средств специальными субъектами практической деятельности для оптимизации и повышения эффективности процесса выявления, расследования и раскрытия адвентальных преступлений.

Всю совокупность криминалистических методов можно условно разделить на технико-криминалистические и тактико-криминалистические.

Технико-криминалистические методы представляют собой совокупность взаимосвязанных и взаимообуславливающих действий по эффективному собиранию, фиксации и исследованию вещественных доказательств. Технико-криминалистические методы имеют прямую зависимость от тех технико-криминалистических средств, которые используются для этих целей. Кроме того, технико-криминалистические методы предполагают использование специальных способов и приемов получения криминалистически значимой информации. К примеру, использование приборов в целях инструментальной детекции лжи.

При выявлении и расследовании адвентальных преступлений ключевым моментом является информация о личности преступника, его осведомленности о предметах преступления, режиме их защита. Эта информация может быть получена технико-криминалистическими методами исполь-

зования полиграфа. Технико-криминалистические методы включают в себя и методы исследования полученных объектов. Так, немаловажную роль в доказывании преступных событий играет назначение и производство следующих судебных экспертиз и исследований: этнопсихологических, портретных, фоноскопических, почерковедческих и иных.

Тактико-криминалистические методы — это способы использования той или иной криминалистически важной информации, используемые в процессе предварительного расследования адвентальных преступлений. Тактико-криминалистические методы могут быть процессуальные, непроцессуальные и комбинированные по своей природе. К процессуальным тактико-криминалистическим методам можно отнести тактику следственных действий, к непроцессуальным — тактику оперативно-разыскных мероприятий, к комбинированным — тактику тактических комбинаций и операций.

Таким образом, методика расследования адвентальных преступлений — это новая комплексная частная методика расследования преступлений, способная заменить существующие методики расследования преступлений, совершенных иностранцами, в отношении иностранных граждан, мигрантами, членами этнических организованных групп, по мотиву расовой, национальной ненависти, поскольку аккумулирует в себе учет этнического фактора — сугубо криминалистической категории, влияющей на поведение лица как в процессе осуществления преступной деятельности, так и при осуществлении процессуальной и непроцессуальной деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предотвращению преступлений.

Данная методика должна представлять собой стройную, логически обоснованную, удобную для восприятия и эффективную для применения систему, структурными элементами которой станут криминалистическая характеристика адвентального лица и его деятельности, криминалистическая модель адвентальных преступлений, а также технико- и тактико-криминалистическое обеспечение расследования адвентальных преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Александрова О. И. Уголовно-процессуальные и криминалистические особенности возбуждения и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
2. Фойгель Е. И. Основные положения криминалистического учения о человеке и человеческой деятельности // Академический юридический журнал. 2016. № 2 (64).
3. Торбин Ю. Г. Теоретические и прикладные проблемы обнаружения и использования в уголовном судопроизводстве следов и особых примет на живых лицах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1. М. : Юристъ, 1997.
5. Шмонин А. В. Методология криминалистической методики. М. : Юрлитинформ, 2010.

6. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Бородулин А. И. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования. М. : Новый юрист, 1997.
7. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М. : Мегатрон XXI, 2000.

References

1. Aleksandrova O. I. *Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie osobennosti vzbuzhdeniya i rassledovaniya ugolovnyh del s uchastiem ino-strannyh grazhdan : dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal-proceeding and criminalistic features of the initiation and investigation of criminal cases involving foreigners].* М., 2001.
2. Fojgel' E. I. *Osnovnye polozheniya kriminalisticheskogo ucheniya o cheloveke i chelovecheskoj deyatel'nosti [Main provisions of the criminalistic theory of a human being and human activity] // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2016. № 2 (64).*
3. Torbin Yu. G. *Teoreticheskie i prikladnye problemy obnaruzheniya i ispol'zovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve sledov i osobyh primet na zhivyh licah : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk [Theoretical and applied problems of detection and use in the criminal justice of traces and distinguishing characteristics of the persons alive].* М., 2004.
4. Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki : v 3 t. T. 1 [Course of criminalistics in 3 vol. Vol. 1.].* М. : Yurist, 1997.
5. Shmonin A. V. *Metodologiya kriminalisticheskoy metodiki [Methodology of criminalistic methods].* М. : Yurlitinform, 2010.
6. Aver'yanova T. V., Belkin R. S., Borodulin A. I. *Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti kriminal'noj milicii i organov predvaritel'nogo rassledovaniya [Criminalistics support of the criminal police and the bodies of preliminary investigation].* М. : Novyj yurist, 1997.
7. Belkin R. S. *Kriminalisticheskaya ehnciklopediya [Criminalistics encyclopedia].* М. : Megatron XXI, 2000.

БРАК В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

УЛЬБАШЕВ

Алим Хусейнович

стажер Школы права Йельского
университета (США),
кандидат юридических наук,
alim-ulbashev@mail.ru.

На протяжении тысячелетий брак рассматривался в качестве незыблемого института канонического права. При этом именно в нашей стране, после Октябрьской революции началась «секуляризация» и «либерализация» данного института, впоследствии охватившая большую часть земного шара. Сегодня практически во всем мире пересматриваются традиционные представления об условиях вступления в брак, брачном состоянии, а также основаниях расторжения брака. Данные обстоятельства объясняют актуальность доктринального изучения института брака и брачного состояния как основополагающих категорий современного семейного права.

Предмет настоящего исследования составляет эволюция представлений о браке как юридическом факте в отечественной и зарубежной доктрине. Автор останавливается на изучении перспектив легализации фактического сожительства как формы брака, обозначает возможные практические проблемы на этом пути. Также предпринимается попытка разрешить проблему квалификации брака как юридического факта. При этом подвергается критическому анализу устоявшийся в семейно-правовой литературе взгляд на брак как юридический факт состояния.

Таким образом, целью работы является раскрытие природы брака и брачного состояния, а также критическое осмысление существующих подходов к пониманию брака в отечественной и зарубежной доктрине. Для достижения названной цели использованы основные общенаучные методы (в первую очередь, диалектический метод познания, метод системного анализа, дедукция и индукция, методы сравнений и аналогий и ряд других), а также формально-юридический метод и метод правового моделирования. Исследование проведено на основе использования сравнительно-правового метода.

Существенной новизной настоящей работы является то, что взамен устоявшейся квалификации автор предлагает собственное понимание брака как элемента гражданской правоспособности. Практическая ценность рассмотрения брака не как юридического факта состояния, а в качестве элемента правоспособности состоит в том, что при признании состояния в браке в качестве элемента общей гражданской правоспособности появляется возможность применить к нему нормы ГК о правоспособности, в том числе о невозможности ее ограничения и т. д.

Статья посвящена столетию принятия Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР.

**Брак;
фактический брак;**

**юридический факт;
состояние;**

гражданская правоспособность

**Alim Kh.
ULBASHEV**

the intern at the Law School
of Yale University (USA),
RhD in law,
alim-ulbashev@mail.ru.

MARRIAGE IN THE SYSTEM OF JURIDICAL FACTS IN FAMILY LAW

For thousands of years, marriage was regarded as an unshakable institution of canon law. It is especially, that in our country, after the October Revolution, "secularization" and "liberalization" of this institution started. These processes subsequently engulfed much of the globe. Today, almost all over the world, the traditional ideas about the conditions of marriage, marital status, and the grounds for divorce are being revised. These circumstances explain the relevance of the academic study of the institution of marriage and marital status as the fundamental categories of modern family law.

The article covers the evolution of ideas about marriage as a juridical fact in the domestic and foreign doctrine. The author emphasizes on the study of prospects of legalization of the factual cohabitation as form of marriage, indicates possible obstacles on the way of such legalization. The author attempts to resolve the problem of qualification of marriage as a juridical fact. A well-established in a family law literature view of a marriage as a status is subjected to critical analysis.

Thus, the goal of the research is to disclose the nature of marriage and marital status, as well as a critical understanding of existing approaches to qualification of marriage in domestic and foreign doctrine. While conducting the present research the author used general scientific methods (i.e., dialectical method of cognition, method of system analysis, deduction and induction, methods of comparison and analogies and several others), as well as a formal legal method and a method of legal modeling. The present research was conducted also with the help of comparative legal method.

The essential novelty of this paper is that instead of the established qualification, the author offers his own understanding of marriage as part of civil legal capacity. The practical value of the consideration of marriage not as a legal fact of status, but as part of legal capacity is that the recognition of marital status as an element of general civil legal capacity offers a possibility to apply to it the norms of the Civil Code of the Russian Federation that regarding legal capacity, including the impossibility of its restriction, etc.

The article is devoted to the centenary of the adoption of the Code of laws on acts of civil status, marriage, family and guardianship law of the RSFSR.

**Marriage;
de facto marriage;**

**juridical fact;
status;**

civil legal capacity

УДК 347.62

Исторический контекст. Нормам, регулирующим заключение и расторжение брака, традиционно отводится важное место в системе семейного законодательства, поскольку именно с состоянием в браке закон связывает возможность наступления существенных правовых последствий для супругов.

Сегодня кажутся справедливыми слова Г. М. Свердлова, что «не все отношения, которые возникают между мужчиной и женщиной в результате брака, являются отношениями правовыми. Супруги связаны друг с другом взаимной верностью, взаимным уважением, обязанностью оказывать друг другу моральную поддержку и помощь, то есть такими отношениями, которые входят в область морали, в область отношений, регулируемых неюридическими правилами <...> общежития. Но брак порождает собою определенный круг отношений, имеющих правовой характер. С браком связаны определенные права супругов в отношении фамилии. Брак налагает определенные обязательства на супругов и создает для них определенные права в отношении алиментирования друг друга; он создает общность права на имущество, нажитое в браке, а также взаимные наследственные права для супругов, право на получение пенсии или пособия» [1, с. 95]. Иными словами, заключение брака одновременно порождает как правовые, так и неправовые последствия. Сформировавшаяся в доктрине концепция брака как юридического факта *suī generis* требует анализа.

Несмотря на то что действующее российское законодательство не содержит дефиниции брака, упоминая лишь о добровольном брачном союзе мужчины и женщины, в более ранние периоды времени обнаруживаются попытки к легальному определению термина «брак». Считается, что впервые в России понятие брака было дано в Кормчей книге: «Брак есть мужеве и жене сочетание, сбытие во всей жизни, божественныя и человеческия правды общение» [2]. Такое понимание брака во многом созвучно тому, как его определяли римляне (D.23.2.1) [3, р. 354]: «Союз мужа и жены, объединение всей жизни, общение в праве божеском и человеческом» [4, с. 140].

Подобная трактовка брака оставалась в целом неизменной на протяжении тысячелетий для европейских цивилизаций, так или иначе испытавших римское влияние. Поэтому в правовых порядках западного типа классическая модель брака была построена на понимании следующих исходных положений. Во-первых, «традиционный» брак рассматривается в качестве моногамного союза (объединения) разнополых партнеров. Уже в новое время данный критерий был дополнен признаком добровольности и равноправности сторон при вступлении в брак (*Konsensprinzip*). Во-вторых, для признания личных

отношений между мужчиной и женщиной в качестве брачных необходимо также наличие у них специальной цели на совместное ведение супружеской жизни (*Lebenszeitprinzip*) [5, с. 15]. В этом же ключе рассуждал в свое время А. И. Загоровский, когда писал, что брак включает четыре конститутивных «элемента», иначе говоря, признака: 1) естественный (физиологический), основанный на половом влечении супругов; 2) нравственный (этический), предполагающий взаимную поддержку и любовь вступающих в брак; 3) экономический, «порождающий хозяйственную связь между супругами», и 4) религиозный [6, с. 5–6].

Важно отметить, что сложившееся в нашей стране законодательное и доктринальное понимание института брака во многом «кристаллизовалось» с победой Октябрьской революции. Это можно проследить на обширном материале конца 1910–1920-х гг., когда в Советской России обсуждались проекты первых декретов и кодексов в области брачно-семейного и опекунского регулирования [7; 8, с. 315–350; 9]. Более того, в последующем коммунистические представления о браке и семье стали активно восприниматься и западными странами (пусть и без прямых ссылок на советского законодателя). Именно поэтому не являются преувеличением слова Г. М. Свердлова, что «уже не жалкие заплатки на обветшалой одежде буржуазного семейного строя, а революционное провозглашение новым правом принципов построения семьи высшего типа — семьи социалистической — вот что перенесло это право на целую эпоху вперед, вот что не только сбросило в мусорную яму истории царское, дореволюционное семейное законодательство, но и оставило далеко позади себя все без исключения буржуазные системы права» [1, с. 59]. По справедливой оценке одного из ведущих российских специалистов в области семейного права О. А. Дюжевой, такие внушительные успехи большевиков в области брачно-семейного регулирования стали возможны благодаря обеспечению реального равенства мужчины и женщины, либерализации процедур расторжения брака (развода), а также отмене всякого рода различий в правовом статусе детей, рожденных в браке и вне его [10, р. 1].

Известно, что семейное право (точнее сказать, правопонимание в области семейных отношений) в значительной мере подвержено влиянию религиозных догматов, поскольку брак рассматривается большинством традиционных религиозных учений в качестве института канонического (религиозного) права [11, с. 159–182; 12 с. 48–64; 13]. Важно поэтому отметить, что одним из важнейших достижений революционных преобразований в области семейного права начала прошлого века в России стало то, что в сфере регулирования брачно-семейных отношений была отменена церковная монополия.

О неэффективности и, в некоторой мере, несправедливости религиозного нормирования данной сферы с большой осторожностью говорили еще и дореволюционные юристы. Так, А. И. Загоровский в своем фундаментальном «Курсе семейного права» отмечал, что русский законодатель «отдает <брак> в руки вероисповедания, к которому принадлежат супруги. Воззрение это, облегчая законодателя при нормировании столь трудно регулируемого правом института, как брак, в то же время создает и немало затруднений: не говоря о том, что оно вносит в брачное право разнородность начал по самым основным вопросам этого права (например, относительно условий заключения и расторжения брака), оно стесняет свободу совести супругов при браках смешанных» [6, с. 6–7].

Действительно, религиозный инструментариум зачастую отказывается принимать во внимание некоторые тенденции, объективно формирующиеся в жизни общества, признавая последние «греховными», т. е. девиантными и канонически недопустимыми. В конечном счете возможные коллизии не только не находят правового разрешения, но также становятся причиной социального напряжения.

В этом смысле любопытный пример можно найти в правовой системе Государства Израиль. Как известно, вопросы брака и развода отнесены израильским законодателем к ведению религиозных судов (Закон Израиля «О юрисдикции раввинатских судов (Брак и Развод)» 1953 г.). Названный Закон устанавливает, что браки и разводы евреев (!) в Израиле должны осуществляться в соответствии с еврейским правом (галахой). В Торе прямо указывается, что в том случае, «если кто возьмет жену и войдет к ней и если не понравится она ему, потому что он нашел в ней какой-нибудь ущерб, то пусть напишет ей разводное письмо и даст ей в руку (курсив наш. — А. У.)» (Дварим, 24:1). Данная норма получила буквальное понимание у еврейских мудрецов: для развода жена должна получить особый документ (ивр. гет — «разводное письмо») непосредственно от мужа, в котором он выразит свое согласие (точнее, желание) дать развод. При этом еврейский закон запрещает истребовать соответствующее согласие у мужа путем угроз или насилия в его адрес, причем несоблюдение данного правила влечет недействительность гет'а (недопустимость «либерализации» данного подхода в 1995 г. поддержал Верховный раввинат Израиля по делу «Плонит против Плони»). В конечном счете получили распространение ситуации, когда мужья, злоупотребляя своими правами, отказываются давать женам гитим, тогда как последние оказываются в положении агунот (букв. «безмужних жен»), т. е. в ситуации, когда они формально признаются замужними, но проживают отдельно от мужей [14, с. 123; 15, р. 106–107]. Таким образом, они лишаются

возможности вступить в другой брак, а следовательно, иметь детей, признаваемых общиной, от других мужчин и т. д.

Понятно, что ситуации подобного рода не могут быть приемлемыми в демократическом обществе, основанном на принципе равенства граждан, в связи с чем секуляризация семейно-правового регулирования является важнейшим, если не сказать больше, единственно возможным инструментом разрешения таких коллизий.

Приведенный пример с агунот в израильском обществе весьма показателен для понимания того, что формальное заключение и расторжение брака, т. е. его регистрация в государственных органах, имеет исключительное значение для наступления желаемых сторонами правовых последствий.

Таким образом, исторический и зарубежный опыт показывает, что совершение регистрационных действий потенциальными (или бывшими) супругами по поводу брака выполняет ряд социальных и юридических функций, а именно является формой, обеспечивающей доказательство наличия брака, а также представляет собой форму общественного признания такого брака [16, с. 12–17; 17, с. 21–39]. Сказанное позволяет отнести регистрацию брака, включая его заключение и расторжение (но не сам брак), к числу юридических фактов семейного права.

Фактические браки: природа и юридическое значение. Признание регистрации брака самостоятельным юридическим фактом имеет важное практическое значение как для законодателя, так и для правоприменителя. Действительно, если мы беремся утверждать, что со вступлением в брак у супругов возникают определенные права и обязанности, то логически возникает вопрос: с какого момента возникают соответствующие права и обязанности?

Безапелляционно отвечает на данный вопрос действующий СК [18]. Так, в п. 2 ст. 1 законодатель провозглашает, что в нашей стране признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Не считая данную норму достаточной, дополнительно в ст. 10 СК законодатель подчеркивает, что права и обязанности супругов возникают со дня государственной регистрации заключения брака в органах записи актов гражданского состояния.

Таким образом, в настоящее время российский правопорядок признает исключительно браки, зарегистрированные в соответствующих уполномоченных органах. Данная норма направлена главным образом против так называемых фактических и церковных браков, которые, по смыслу нашего Кодекса, не могут *pro forma* признаваться браками.

Приведенной логикой последовательно руководствуется Верховный Суд РФ: «Действующее законодательство не содержит такого понятия, как незарегистрированный брак, и не считает браком

совместное проживание мужчины и женщины, которое не порождает для сторон юридических последствий в отношении их личных и имущественных прав. Только зарегистрированный в установленном законом порядке брак порождает соответствующие правовые последствия и влечет охрану личных неимущественных и имущественных прав граждан» (определение Верховного Суда РФ от 25.07.2016 № 18-КГ16-53 [19]).

Исключение составляют лишь браки между иностранными гражданами, заключенные за пределами Российской Федерации с соблюдением законодательства государства, на территории которого они заключены; в соответствии с правилами п. 2 ст. 158 СК такие браки признаются действительными и в Российской Федерации. Иными словами, браки, признаваемые иностранными правопорядками действительными вне зависимости от факта их государственной регистрации, подлежат признанию действительными и в России.

В прошлом столетии отечественный законодатель допускал существование фактических браков, устанавливая равный правовой режим для сожительства супругов, состоящих как в зарегистрированном, так и незарегистрированном браке. Необходимость такого законодательного решения объяснял Я. Н. Бранденбургский, один из главных разработчиков Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г. (далее — Кодекс 1926 г.) еще на стадии подготовки законопроекта: «Проект извлекает юридические последствия не из акта регистрации, а из факта совместного сожительства, ибо всякая грань по существу стирается между зарегистрированным браком и фактическим брачным сожительством, если последнее носит сколько-нибудь продолжительный характер. И та, и другая связь может привести к созданию семьи. И та, и другая связь, по нашим законам, расторгима по воле сторон, даже по воле одной из сторон без определенной причины, без чьей-либо вины, без всякой процедуры. Ясно, что при таких условиях было бы безусловно ничем иным, как юридическим фетишизмом, установление такого принципа, в силу которого материальные обязательства, вытекающие из брака, строго обуславливались бы исключительно чисто формальным, внешним моментом регистрации» [20, с. 13].

Сегодня взгляды ученого снова оказываются в центре внимания исследователей в области семейного права, настаивающих на необходимости признания юридической силы за фактическими сожительствами [21]. Однако следует учитывать ряд важных положений. Во-первых, концепция Я. Н. Бранденбургского основывалась на принципиальном допущении построения коммунизма, т. е. возможности достижения такой социально-экономической формации, при которой отпадет

необходимость в существовании государства (а следовательно, и государственной регистрации брака). Известность получили слова Я. Н. Бранденбургского и Д. И. Курского, что «в коммунистическом обществе люди не будут нуждаться в том, чтобы общество вмешивалось в союз полов, даже в виде простой регистрации» [22, с. 18]. Однако до настоящего времени идея построения коммунистического общества в полном смысле этого слова не нашла реализации, и в ближайшее время такой перспективы не предвидится. Во-вторых, подход Я. Н. Бранденбургского основан на смешении двух аспектов человеческой жизни — личной и общественной. Действительно, участие государства в личной жизни человека должно быть самым ограниченным, имеющим своей задачей разве что обеспечение прав и законных интересов наиболее незащищенных членов семьи (например, воспитание детей). Таким образом, интервенция государства (публичной власти) в область личной жизни всегда носит вынужденный характер (как для самого государства, так и для гражданина). Однако в случае, когда речь идет об общественной жизни человека (участие членов в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством, а также получение налоговых льгот, пенсий и т. д.), то государство не может не знать о наличии брачных отношений, тем самым использовать систему регистрации брака как инструмент публичной политики.

Возможная легализация фактических сожительств вызовет проблему практического характера по их разграничению с эпизодическими отношениями между полами. По-своему пытался ответить на этот вопрос Кодекс 1926 г.: доказательствами брачного сожительства в случае, если брак не был зарегистрирован, для суда являются: факт совместного сожительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах, а также, в зависимости от обстоятельств, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей и пр. (ст. 12). Таким образом, Кодекс 1926 г., по сути, перекладывал ответственность по признанию тех или отношений в качестве «брачных» с законодателя на правоприменителя, т. е. на суд, что не всегда оказывается эффективным [23, р. 9].

Складывалась парадоксальная ситуация: стороны («квази-супруги») отказываются регистрировать брак в государственном органе, считая такое публичное «вмешательство» излишним, однако в последующем они, тем не менее, идут уже в другой государственный орган — суд — и требуют у него придания своим отношениям юридической формы *post factum*.

Следует напомнить, что заключение брака представляет собой юридический факт, порождающий

вполне определенные взаимные права и обязанности у супругов. Аналогичным образом высказался по одному из дел Верховный Суд РФ: «Основным юридическим фактом, порождающим взаимные права и обязанности супругов, является государственная регистрация заключения брака в органах записи актов гражданского состояния, а не факт их совместного проживания» (определение Верховного Суда РФ от 12.07.2007 № КАС07-305 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 17.04.2007 № ГКПИ07-6, которым было оставлено без удовлетворения заявление о признании частично недействующим пункта 33 Правил предоставления субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, утвержденных постановлением Правительства РФ от 14.12.2005 № 761» [24]).

Вместе с тем признание партнеров супругами порождает у третьих лиц обязанность по невмешательству в семейную жизнь супругов (ст. 1 СК). В этой связи возникает вопрос: не приведет ли признание фактического сожительства самостоятельной формой брака к тому, что всякое третье лицо может оказаться в ситуации, когда оно *volens polens* может вторгнуться в частную жизнь лиц, не зная, что те являются «квази-супругами», и тем самым совершить правонарушение? На этот вопрос приходится ответить утвердительно, что не может не свидетельствовать о юридической небезупречности (по крайней мере, в настоящее время) признания фактического сожительства равнозначным брачному.

Сегодня из сложившейся ситуации представляется единственный выход: законодатель, не признавая фактические сожительства брачными, может предусматривать в исключительных случаях для постоянно проживающих партнеров некоторые преференции при распределении социальных льгот и преференций. И надо признать, что в действующем законодательстве имеются подобные примеры. Так, например, ст. 69 ЖК [25] предоставляет ряд прав и накладывает обязанности на членов семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма. Закон устанавливает, что к членам семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма относятся проживающие совместно с ним его супруг, а также дети и родители данного нанимателя. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы признаются членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма, если они вселены нанимателем в качестве членов его семьи и ведут с ним общее хозяйство. В исключительных случаях иные лица могут быть признаны членами семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма в судебном порядке (курсив наш. — А. У.).

В приведенной норме законодатель сохранил возможность для придания правового значения

фактическому сожительству граждан, что нашло развитие в соответствующих разъяснениях высшей судебной инстанции, а именно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» [26], в п. 25 которого указывается, что решая вопрос о возможности признания иных лиц членами семьи нанимателя (например, лица, проживающего совместно с нанимателем без регистрации брака), суду необходимо выяснить, были ли эти лица вселены в жилое помещение в качестве члена семьи нанимателя или в ином качестве, вели ли они с нанимателем общее хозяйство, в течение какого времени они проживают в жилом помещении, имеют ли они право на другое жилое помещение и не утрачено ли ими такое право.

Можно сказать, что приведенный подход соответствует подходам, выработанным Конституционным Судом РФ, указавшим, что «основным (но не единственным! — А. У.) юридическим фактом, порождающим взаимные права и обязанности супругов, является государственная регистрация заключения брака в органах записи актов гражданского состояния (п. 2 ст. 10 Семейного кодекса Российской Федерации), а не факт их совместного проживания. Содержание этих прав и обязанностей должно определяться с учетом принципа, сформулированного в п. 1 ст. 1 указанного Кодекса, который предполагает построение семейных отношений на основе взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов» (Определение Конституционного Суда РФ от 13.06.2006 № 162-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Барановой Светланы Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 28 Положения о предоставлении субсидий на оплату жилья и коммунальных услуг» [27]).

Возможно, в будущем законодатель пойдет по пути дальнейшего расширения и конкретизации правового статуса лиц, фактически сожительствающих и ведущих общую жизнь.

Брак — юридический факт? В литературе принято относить брак к числу так называемых юридических фактов состояния [28, с. 51]. Одним из первых о необходимости их выделения заявил В. А. Рясенцев [29].

При этом, как пояснял Е. М. Ворожейкин, «состояние не есть какая-то разновидность юридических фактов, существующих наряду с событиями и действиями. Состояние является в одних случаях событием (например, родство), в других — действием (брак, свойство). Особенность их заключается в том, что они носят длящийся характер и могут неоднократно выступать в качестве оснований возникновения прав и обязанностей. Так, родство может служить основанием для взаимных прав

и обязанностей родственников друг к другу либо одного из них к другому. Как юридический факт состояние утрачивает свое значение с момента его прекращения (например, смерть родственника, прекращение брака). Но в некоторых случаях возникновение прав и обязанностей связывается именно с прекращением состояния: например, с прекращением брака у бывших супругов возникают взаимные права и обязанности по материальному содержанию» [22, с. 75].

Представляется, что признание родства, брака и т. д. в качестве «особого» юридического факта состояния основано на неправильном толковании юридического факта как основания возникновения, изменения и прекращения правоотношений. Общепринято считать, что юридическими фактами являются обстоятельства реальной действительности, в состав которых входят действия, внешние события и сроки [30, 157; 31, с. 333; 32, с. 280]. При этом важной характеристикой юридических фактов является то, что они всегда носят внешний характер по отношению к субъекту правоотношения. Даже действия человека должны каким-либо образом находить внешне проявление. Иными словами, результаты их совершения всегда должны носить отделенный от человека характер.

Тем не менее так называемые юридические факты состояния не могут быть внешне объективированы, в связи с чем в принципе не могут рассматриваться в качестве самостоятельных юридических фактов. Понятно, что заключение брака, равно как и его расторжение, представляют собой действие. И именно так их понимает законодатель. В ст. 3 Федерального закона от 15.11.1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» [33] установлено, что актами гражданского состояния признаются действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан (курсив наш. — А. У.). В приведенной норме указанного Закона четко отражено, что действия и события могут определенным образом характеризовать правовое состояние гражданина, но никак не быть частью этого состояния.

Но что же тогда имеет в виду законодатель, когда говорит о «правовом состоянии граждан»? Не вызывает сомнений, что речь идет о гражданской правоспособности, т. е. о способности субъектов права иметь права и нести обязанности. Состояние в браке (равно как беременность, родство, нуждаемость, нетрудоспособность и т. д., традиционно

определяемые в литературе в качестве юридических фактов состояния) неизбежно влияет на юридическую возможность обладания теми или иными субъективными правами, а также несения обязанностей, т. е. является элементом правоспособности гражданина. Аналогичного подхода придерживаются и западные цивилисты, когда относят семейное положение к числу элементов правоспособности наравне с именем, возрастом, полом, гражданством и местом жительства [34, р. 106]. Существующее в русскоязычной литературе несоответствие увидела М. В. Антокольская, однако нашла ему несколько иное решение: «Каждому лицу присущи определенные свойства как родовые, так и индивидуальные, например пол, возраст и т. д., однако никто не называет их состояниями. Между тем эти свойства нередко имеют правовое значение. <...> Строго говоря, поскольку пол и возраст лица — это реально существующие обстоятельства, можно было бы назвать их юридическими фактами, а так как они существуют в течение всей жизни субъекта, их следовало бы отнести к состояниям. Однако обычно они рассматриваются просто в качестве признаков, характеризующих личность. Точно так же можно было бы определить и иные состояния, не являющиеся правоотношениями» [35, с. 67–68].

Можно задаться вопросом: в чем состоит практическая ценность приведенного уточнения (рассмотрения брака не как юридического факта состояния, а в качестве элемента правоспособности)? Действительно, данный вопрос не относится к числу схоластических.

Признавая состояние в браке в качестве элемента общей гражданской правоспособности, мы получаем возможность применить к нему нормы ГК о правоспособности, в том числе о невозможности ее ограничения и т. д. Особенную ценность имеет норма п. 1 ст. 17 ГК, гарантирующая, что способность иметь гражданские права и нести обязанности (гражданская правоспособность) признается в равной мере за всеми гражданами. Данная норма находит также развитие в положениях самого СК, устанавливающего запрет на дискриминацию в семейных отношениях, включая любые формы ограничения прав граждан при вступлении в брак и в семейных отношениях по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (п. 4 ст. 1). Представляется, что такой взгляд на брак будет способствовать прогрессивному развитию отечественного законодательства о браке и семье.

Пристатейный библиографический список

1. Свердлов Г. М. Советское семейное право : учебник. М. : Госюриздат, 1958.
2. Семейное право : учебник / под ред. П. В. Крашенинникова. М. : Статут, 2016.

3. Fayer C. *La famiglia romana. Aspetti giuridici ed antiquari. Sponsalia, matrimonio, dote.* Roma : L'Erma, 2009.
4. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Зерцало-М, 2008.
5. Schwab D. *Familienrecht.* 24. Auflage. München : C. H. Beck, 2016.
6. Загоровский А. И. Курс семейного права. М. : Зерцало-М, 2014.
7. Брак и семья: тезисы секции общей теории государства и права Коммунистической академии. К проекту Кодекса о браке, семье и опеке / с предисл. П. И. Стучки. М. : Изд-во Коммунист. акад., 1926.
8. Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. М. : Зерцало-М, 2016.
9. Сегаль М. А. Проект кодекса о браке и семье и «законодатель» Гредингер // Советское строительство. 1926. № 10.
10. Dyuzheva O. A. *Russian Divorce Law: In the International Avant-Garde or Rear Guard? : Paper draft // BYU Law : сайт. URL: <http://www.law2.byu.edu/isfl/saltlakeconference/papers/isflpdfs/Dyuzheva.pdf> (дата обращения: 05.10.2018).*
11. Сюкияйнен Л. Р. Мусульманское право. М. : Наука, 1986.
12. Шарль Л. Мусульманское право / пер. с фр. С. И. Волка ; под. ред. и с пред. Е. А. Беляева. М. : Изд-во иностр. лит., 1959.
13. Bosch F. W. *Staatliches und kirchliches Eherecht – in Harmonie oder im Konflikt?* Bielefeld : FamRZ, 1988.
14. Элон М. Еврейское право. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002.
15. Englard I. *Religious Law in the Israel Legal System.* Jerusalem : Hebrew University of Jerusalem, 1975.
16. Свердлов Г. М. Брак и развод. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949.
17. Чечот Д. М. Брак, семья, закон. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984.
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
19. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Бранденбургский Я. Н. Брак и его правовые последствия. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1926.
21. Выборнова М. М. Фактический брак мужчины и женщины в гражданском и семейном законодательстве и доктрине : автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
22. Ворожейкин Е. М. Семейные правоотношения в СССР. М. : Юрид. лит., 1972.
23. Herring J. *Family Law: A Very Short Introduction.* Gosport : Oxford University Press, 2014.
24. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
25. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 14.
26. Рос. газ. 2009. 8 июля.
27. ВСНД и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594.
28. Белякова А. М., Ворожейкин Е. М. Советское семейное право : учебник. М. : Юрид. лит., 1974.
29. Рясенцев В. А. Юридические факты в семейном праве // Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1969.
30. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву : избр. тр. : в 4 т. СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2003. Т. 1.
31. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2013. Т. 1.
32. Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М. : Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1940.
33. Рос. газ. 1997. 20 нояб.
34. Bertrand-Mirkovic A. *Droit civil: personnes, famille.* Paris : Studyrama, 2004.
35. Антокольская М. В. Семейное право : учебник. М. : Инфра-М, 2010.

References

1. Sverdlov G. M. *Sovetskoe semejnoe pravo [Soviet family law] : uchebnik.* М. : Gosyurizdat, 1958.
2. *Semejnoe pravo [Family law] : uchebnik / pod red. P. V. Krashennnikova.* М. : Statut, 2016.
3. Fayer C. *La famiglia romana. Aspetti giuridici ed antiquari. Sponsalia, matrimonio, dote.* Roma : L'Erma, 2009.
4. *Rimское chastnoe pravo [Roman private law] : uchebnik / pod red. I. B. Novickogo, I. S. Pereterskogo.* М. : Zercalo-M, 2008.
5. Schwab D. *Familienrecht.* 24. Auflage. München : C. H. Beck, 2016.
6. Zagorovskij A. I. *Kurs semejnogo prava [The course of family law].* М. : Zercalo-M, 2014.
7. *Brak i sem'ya: tezisy sekcii obshchej teorii gosudarstva i prava Kommunisticheskoy akademii. K projektu Kodeksa o brake, sem'e i opeke [Marriage and Family: The reports of the section of the*

general theory of state and law of the Communist Academy. To the draft Code on marriage, family and guardianship] / s predisl. P. I. Stuchki. M. : Izd-vo Kommun. akad., 1926.

8. Polyanskij P. L. Pravovoe regulirovanie brachno-semejnyh otnoshenij v rossijskom obshchestve: istoriko-pravovoe issledovanie [The legal regulation of marriage and family relations in Russian society: historical and legal research]. M. : Zercalo-M, 2016.

9. Segal' M. A. Proekt kodeksa o brake i sem'e i "zakonodatel'" Gredinger [The draft code on marriage and family and the "legislator" Greedinger] // Sovetskoe stroitel'stvo. 1926. № 10.

10. Dyuzheva O. A. Russian Divorce Law: In the International Avant-Garde or Rear Guard?: Paper draft // BYU Law : sajt. URL: <http://www.law2.byu.edu/isfl/saltlakeconference/papers/isflpdfs/Dyuzheva.pdf> (data obrashcheniya: 05.10.2018).

11. Syukiyajnen L. R. Musul'manskoe pravo [Muslim law]. M. : Nauka, 1986.

12. Sharl' L. Musul'manskoe pravo [Muslim law] / per. s fr. S. I. Volka ; pod. red. i s pred. E. A. Belyaeva. M. : Izd-vo inostr. lit., 1959.

13. Bosch F. W. Staatliches und kirchliches Eherecht – in Harmonie oder im Konflikt? Bielefeld : FamRZ, 1988.

14. Elon M. Evrejskoe pravo [Jewish law]. SPb. : Yurid. centr "Press", 2002.

15. Englard I. Religious Law in the Israel Legal System [Religious Law in the Israel Legal System]. Jerusalem : Hebrew University of Jerusalem, 1975.

16. Sverdlov G. M. Brak i razvod [Marriage and divorce]. M. ; L. : Izd-vo AN SSSR, 1949.

17. Chehot D. M. Brak, sem'ya, zakon [Marriage, family, law]. L. : Izd-vo Leningrad. un-ta, 1984.

18. Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 № 223-FZ // SZ RF. 1996. № 1. St. 16.

19. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy "Konsul'tantPlyus".

20. Brandenburgskij Ya. N. Brak i ego pravovye posledstviya [Marriage and its legal consequences]. M. : Yurid. izd-vo NKYu RSFSR, 1926.

21. Vybornova M. M. Fakticheskij brak muzhchiny i zhenshchiny v grazhdanskom i semejnom zakonodatel'stve i doktrine [The factual marriage of a man and a woman in civil and family law and doctrine] : avtoref. ... kand. jurid. nauk. M., 2011.

22. Vorozhejkin E. M. Semejnye pravootnosheniya v SSSR [Family legal relations in the USSR]. M. : Yurid. lit., 1972.

23. Herring J. Family Law: A Very Short Introduction. Gosport : Oxford University Press, 2014.

24. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravocnoj pravovoj sistemy "Konsul'tantPlyus".

25. Zhilishchnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 188-FZ // SZ RF. 2005. № 1 (Ch. 1). St. 14.

26. Ros. gaz. 2009. 8 iyulya.

27. VSND i VS RF. 1993. № 17. St. 594.

28. Belyakova A. M., Vorozhejkin E. M. Sovetskoe semejnoe pravo [Soviet family law] : uchebnik. M. : Yurid. lit., 1974.

29. Ryasencev V. A. Yuridicheskie fakty v semejnom prave [The legal facts in family law] // Leninskie idei i novoe zakonodatel'stvo o brake i sem'e. Saratov : Izd-vo Saratov. un-ta, 1969.

30. Ioffe O. S. Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Legal relationship under Soviet civil law] : izbr. tr. : v 4 t. SPb. : Yurid. centr "Press", 2003. T. 1.

31. Rossijskoe grazhdanskoe pravo [Russian civil law] : uchebnik : v 2 t. / otv. red. E. A. Suhanov. M. : Statut, 2013. T. 1.

32. Golunskij S. A., Strogovich M. S. Teoriya gosudarstva i prava [Theory of state and law]. M. : Yurid. izd-vo NKYu RSFSR, 1940.

33. Ros. gaz. 1997. 20 noyab.

34. Bertrand-Mirkovic A. Droit civil: personnes, famille. Paris : Studyrama, 2004.

35. Antokol'skaya M. V. Semejnoe pravo [Family law] : uchebnik. M. : Infra-M, 2010.

БУДУЩЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ (К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОТЕНЦИАЛА ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «ОБ ОСНОВАХ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»)

Актуальность исследования обусловлена принятием Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», необходимостью его теоретического осмысления и раскрытия его превентивного потенциала. Предмет исследования связан с характеристикой потенциала законодательных основ системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. Исследование построено на общенаучных (логический, системно-структурный) и специально-юридических (формально-юридический) методах познания. Раскрывая сущность рассматриваемого Федерального закона, автор приходит к выводу о наличии в нем как достоинств, так и отдельных недостатков. Констатируется важность принятия Закона, благодаря которому открывается возможность эффективной организации государственной системы профилактики правонарушений как на федеральном уровне, так и в субъектах РФ. Подчеркивается значимость многоуровневого программирования и координации деятельности субъектов профилактики правонарушений, совершенствования механизмов их взаимодействия с лицами, участвующими в профилактике правонарушений, ресурсное, информационное обеспечение, мониторинг причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также принимаемых субъектами профилактики мер и оценки эффективности их деятельности. В числе предложений, обладающих свойствами научной новизны, автор указывает на потребность доработки правовых оснований для применения индивидуальной профилактики правонарушений, в том числе посредством сужения пределов профилактического вмешательства правоохранительных и других государственных органов в частную жизнь, уточнения оснований индивидуально-профилактического воздействия.

**Sergei I.
GERASIMOV**

the doctor of law,
honorary lawyer
of the Russian Federation,
honorary prosecuting attorney
of the Russian Federation,
honorary law officer of Russia,
class 1 advisor of the judiciaries
gerasimovsi@mail.ru.

**Crime prevention;
prevention measures;
anti-social behaviour;
individual prevention**

ГЕРАСИМОВ

Сергей Иванович
доктор юридических наук,
заслуженный юрист Российской
Федерации, заслуженный
работник прокуратуры
Российской Федерации,
почетный работник юстиции
России, государственный
советник юстиции 1 класса
gerasimovsi@mail.ru.

**Профилактика
правонарушений;
предупредительные меры;
антиобщественное поведение;
индивидуально-профилактическое
воздействие**

THE FUTURE OF CRIME PREVENTION (ADDENDUM TO THE DESCRIPTION OF CAPACITY OF THE FEDERAL LAW ON FUNDAMENTALS OF THE SYSTEM OF PREVENTION OF CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION)

The research is justified by the adoption of the federal law on fundamentals of the system of prevention of crime in the Russian Federation and is driven by the need to conceptualize it and unleash its potential for prevention.

The research focuses on capacities of legislative framework for the system of crime prevention in the Russian Federation. The research uses general academic (logical, systematic and structural) and special juridical (technical) methods of cognition. We investigate the nature of this federal law and conclude that it has both advantages and disadvantages. We underscore the importance of the adoption of this law that has made an efficient organization of the state system for crime prevention both on the Russia's federal and regional levels possible. We emphasize the significance of a multi-level programming and coordination of entities involved in preventing crimes, improving their cooperation with persons engaged in preventing, resourcing and information, surveillance of causes and circumstances contributing to offences, measures that are maintained by entities that are responsible for prevention, and assessment of the effectiveness of their activities. Among our suggestions with the properties of a novelty, we indicated the need to fine-tune the legal framework for an individual prevention of crime, including narrowing of invasion of privacy committed by the law-enforcement agencies and other governmental entities with an aim to preventing crime, clarifying conditions for an individual prevention.

УДК 343.8

Два года назад вступил в силу Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее — Закон о профилактике правонарушений) [1]. Наконец-то в стране закончилась история принятия закона о предупреждении преступности (преступлений), длившаяся сорок с лишним лет. Однако своим выходом в свет Закон о профилактике правонарушений вызвал неоднозначную реакцию со стороны юридической общественности, и не только ее. В Интернете появились такие хлесткие оценки нормативного правового акта, как «пустой», «декларативный», зазвучали призывы не допускать вступления Закона в силу из-за того, что он якобы ведет к массовым нарушениям прав и свобод граждан. Это, конечно, крайности, не соответствующие действительности. Все меры, предусмотренные Законом о профилактике правонарушений, направлены на защиту прав и интересов людей, могущих стать жертвами противоправных посягательств, на устранение неблагоприятных условий нравственного формирования личности правонарушителей (и тех, кто может ими стать), на их переориентацию в социально полезном направлении.

В данной статье предлагаем поговорить о достоинствах Закона, который привнес немало стоящих новелл, а не только связан с проблемой прав и свобод лиц, попавших в его орбиту. Однако будем объективны, Закон о профилактике правонарушений вызывает некоторые вопросы, главный из которых заключается в том, насколько действенным с его стороны является режим правового регулирования соответствующих общественных отношений, способен ли он внести вклад в обеспечение законности и правопорядка в стране? Ответ на него будет положительным. Необходимость Закона намного весомее его недостатков. Судить об эффективности его влияния на регулируемые общественные отношения можно будет позднее, с наработкой достаточной практики. На данном этапе хотелось бы отметить важность его принятия и, как результат, имеющиеся подвижки в регионах в профилактической работе, а также проанализировать заложенные в нем значительный потенциал и возможности по улучшению превентивной деятельности. При этом подчеркнем, что возможностями Закона надо толково, рационально, как говорится с умом, распорядиться и воспользоваться, иначе заметной пользы от него не будет. Только при условии разумной политики, взвешенных решений, надлежащей реализации и умелого управления имеющиеся возможности будут задействованы сполна: удовлетворять потребности общества, вводить в юридические рамки поведение людей и достигать конкретных результатов в противодействие преступности.

В принятом Законе о профилактике правонарушений речь по существу идет о криминологической профилактике, важнейшем и наиболее значительном по масштабам и достигаемым результатам направлении превентивной деятельности, связанном

с выявлением и устранением причин и условий правонарушений, оказанием воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения правонарушений или антиобщественного поведения. В советский период криминологическая профилактика имела ощутимые достижения в сдерживании преступности и правонарушений. Однако за сравнительно короткий период она претерпела резкие изменения: от безоговорочного признания ее приоритетности в ряду основных направлений борьбы с преступностью в 70-х — середине 80-х гг. прошлого века и довольно высокой оценки мировым сообществом опыта нашей страны в этой области — до фактического отрицания ее значимости и социальной ценности, практического свертывания, безоглядного разрушения в конце 80-х — начале 90-х гг., и постепенного, не повсеместно, возрождения новой системы профилактики правонарушений, начиная с 1993–1994 гг. [2]. Были приняты ряд законов предупредительной направленности. На этот счет вышли руководящие указания, в частности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 [3], в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации 2013 года, утвержденной Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685 [4], в которых провозглашен приоритет профилактических мер в обеспечении национальной и общественной безопасности и поставлена задача создания, а затем совершенствования единой государственной системы профилактики правонарушений. Очевидно, что выполнение данных требований могло быть успешным только на основе закона о профилактике правонарушений, в котором устанавливались бы ее правовые основы, общие правила функционирования, принципы, основные направления, виды и формы профилактического воздействия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики и лиц, участвующих в ней. Как раз эти исходные положения, а также понятийный аппарат системы профилактики были впервые закреплены в рассматриваемом Законе.

Важность Закона о профилактике правонарушений в том, что значим сам факт его принятия после многих бесплодных попыток это сделать, указывающий на то, что усиливающееся внимание к возрождению профилактики правонарушений в современных условиях, безусловно, следует считать закономерным и необходимым явлением российской правовой действительности. Наряду с этим сделаны также практические шаги по претворению в жизнь указаний руководства страны о создании в общегосударственном масштабе системы профилактики правонарушений. Закон стал стержнем, опираясь на который должна приводиться в порядок вся профилактическая работа в стране, складывающаяся зачастую стихийно, методом проб и ошибок, нередко представляя собой импульсивные реакции на вызовы преступной среды и обострения криминальной ситуации. Без Закона

создание государственной системы профилактики правонарушений было бы невозможно. В нем, а также в принятых в развитие Закона Правилах проведения субъектами профилактики правонарушений мониторинга в сфере профилактики правонарушений, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30.12.2016 № 1564 [5], содержатся требования, излагаются меры, которые должны предпринимать в этом вопросе все органы государственной власти и местного самоуправления совместно с заинтересованными структурами гражданского общества и гражданами.

В отличие от ранее предлагавшихся законопроектов, Закон является более сложным по предмету регулируемых правоотношений ввиду известной генетической связи между преступлениями и административными правонарушениями. Такой подход следует приветствовать, поскольку необходимо профилактике деяний некриминального характера уделять больше внимания.

Вполне оправдано, что Закон имеет рамочный, а не универсальный прямого действия характер с жесткими запретами и ограничениями. Этот, хотя и не безупречный, но вполне допустимый вариант подготовлен не в силу абстрактных, умозрительных суждений, а на основе требований времени, опыта правового регулирования отдельных сторон профилактики правонарушений, различных аспектов разнообразной деятельности на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Для дальнейшего правового регулирования профилактики правонарушений и внедрения предупредительных мер надо активнее создавать правовое пространство, принимать специальные законы, регулирующие отношения в самых разнообразных сферах жизни, например, насилия в семье. В СМИ не так давно сообщалось, что в Госдуму России представлен законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия», в котором подробно прописаны особые правовые механизмы против тиранов. Жаль, что законопроект затерялся где-то в тиши депутатских кабинетов, а насилие в этой сфере не затухает.

Впечатление от выхода Закона еще больше усиливается от того, что в нем профилактика правонарушений возведена в ранг государственной политики, тем самым налицо признание государством эффективности и социальной ценности (значимости) предупредительных мер в противодействии преступности. И желание повсеместно развивать (в регионе, городе, районе, поселении и т. д.) профилактику правонарушений как разновидность социальной практики государства, поскольку их меры осуществляются со схожими целями: сбережения людей, сохранения жизни, здоровья, недопущения материального и морального вреда лицам, которые могут стать жертвами криминалитета. Представляется, что с выходом Закона государство усилит помощь и контроль за реализацией данной политики, будет способствовать расширению арсенала средств для ее выполнения, используя при этом не

только правовые, но и экономические, социальные, политические, педагогические, организационные, информационные и иные меры.

Учитывая, что вопросы профилактики правонарушений по Конституции РФ [6] относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, Закон позволяет сместить детальную регламентацию данных правоотношений с федерального на региональный уровень и представляет субъектам Федерации и муниципальными образованиям в своем нормотворчестве учитывать экономическую, социально-культурную и иную региональную специфику, что является одним из конкретных проявлений российского федерализма. Конечно, не покушаясь на правовое регулирование общественных отношений, касающихся фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Одновременно в Законе впервые разграничены полномочия между тремя уровнями публичной власти в этом вопросе, что персонифицирует ответственность субъектов профилактики за решение конкретных проблем.

Следует также подчеркнуть, что отсутствие федерального закона о профилактике правонарушений для регионов являлось сдерживающим фактором в осуществлении предупредительных мер. С выходом Закон дал толчок для развертывания на местах дополнительных мер по профилактике правонарушений. По имеющейся справке управления Генеральной прокуратуры РФ в Приволжском федеральном округе это позволило внедрить во всех 15 регионах новые системные подходы в деятельности субъектов профилактики правонарушений, улучшить правоприменительную практику, усилить координационную деятельность правоохранительных органов, а также их взаимодействие с органами исполнительной власти, местного самоуправления, негосударственными структурами и гражданами. Властями регионов приняты меры, направленные на создание условий для участия граждан в охране общественного порядка. Сформирована необходимая правовая база для организации и деятельности добровольных народных дружин. Всему этому способствовали законодательные новеллы, в частности, внедрение системы мониторинга профилактики правонарушений, реализация ряда форм профилактического воздействия, касающихся, например, социальной адаптации, ресоциализации, социальной реабилитации граждан. В развитие Закона вышли нормативные правовые акты, предусматривающие проведение разнообразных профилактических мер. В Пензенской области нормативная правовая база профилактики правонарушений доведена до десяти законов и восьми постановлений правительства области, в соответствии с которыми решается ряд задач. Так, в апреле 2017 г. принят узкопрофильный Закон «О квотировании рабочих мест для лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы, проживающих в Пензенской области», имеющий существенное

предупредительное значение. Законы о профилактике правонарушений впервые приняты в Пермском крае и Самарской области. В республиках Татарстан, Мордовия, Чувашия и Марий Эл, Кировской области подобные законы признаны утратившими силу с принятием новых, в соответствии с положениями Закона о профилактике правонарушений. При этом качество законов в данном контексте не обсуждается, так как этот вопрос при необходимости заслуживает отдельного рассмотрения. Также во всех субъектах Федерации округа действуют программы профилактики правонарушений, реализация которых дает положительные результаты. Активная работа правоохранительных органов и органов местного самоуправления по профилактике умышленных убийств, значительно возросшее число привлеченных граждан к уголовной ответственности за преступления с двойной превенцией позволило серьезно оздоровить оперативную обстановку в Чувашской республике, во многих районах которой в 2017 г. (в отличие от предшествующих лет) не совершено ни одного убийства.

Закон, безусловно, укрепляет постепенно складывающуюся в стране государственную систему профилактики правонарушений, меры которой должны осуществляться непрерывно и повсеместно, по восходящей траектории всем большим отрядом субъектов этой деятельности (государственных и негосударственных, специализированных и неспециализированных). Закон мобилизует их возможности проводить работу на плановой, системной и скоординированной основе. Перечислять в нем всех субъектов профилактики из-за их множества не имело смысла, поэтому в Законе названы только те из них, кто непосредственно ответственен за данную работу: федеральные органы исполнительной власти, органы прокуратуры РФ, следственные органы Следственного комитета РФ, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления. Эти органы, а в стране только федеральных органов исполнительной власти более 70 (министерств, служб и агентств), и их многочисленные территориальные подразделения — это мощная сила, способная на должном уровне вырабатывать государственную политику в сфере профилактики правонарушений и обеспечивать ее реализацию. По новому Закону профилактика является обязательной сферой деятельности для всех государственных органов и органов местного самоуправления в пределах компетенции, установленной для них в комментируемом Законе, других законах и положениях об органах федеральной исполнительной власти, а также в уставах муниципальных образований, и, соответственно, нести ответственность и ежегодно отчитываться за ее результаты. Возможности органов исполнительной власти в осуществлении профилактики правонарушений огромны, но реализация их потенциала в значительной мере зависит от точности определения их правового ста-

туса и степени осознания ими своего места и роли в этом деле [7, с. 206–226]. Вследствие этого нельзя затягивать внесение поправок в законы и иные нормативные правовые акты, определяющие статус правоохранительных, контролирующих органов и иных субъектов, в которых более подробно, чем сейчас, с учетом обсуждаемого Закона должны быть прописаны их обязанности и полномочия по проведению профилактики правонарушений, устранены некоторые нестыковки между Законом и другими законодательными и нормативными правовыми актами.

Из содержательной характеристики Закона видно, что в нем предусмотрены такие важные стороны системы профилактики правонарушений, как многоуровневое программирование и координация деятельности субъектов профилактики правонарушений, совершенствование механизмов их взаимодействия с лицами, участвующими в профилактике правонарушений, ресурсное, информационное обеспечение, мониторинг причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также принимаемых субъектами профилактики мер и оценки эффективности их деятельности. В Законе указаны 16 основных направлений, по которым должна осуществляться профилактика правонарушений, и определены способы реализации данных направлений. Тем самым обеспечивается системность и единство подходов со стороны субъектов при осуществлении профилактики правонарушений.

Остановлюсь на важном положении Закона, согласно которому функционирование системы профилактики правонарушений должно осуществляться не вслепую, а с наибольшим эффектом на основе государственных программ Федерации и ее субъектов и муниципальных программ. Причем для федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Федерации подготовка и реализация таких программ носит обязательный характер, а муниципалитеты вправе их принимать. Данная особенность связана с финансовыми возможностями местных органов власти. Госпрограмма — это документ стратегического планирования, новый вид планирования работы субъектов профилактики, более высокий уровень требований к их разработке и реализации, схожий с «программно-целевым методом решения приоритетных социальных задач и управления социальными процессами, широко применяемый в деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [8, с. 52–56]. Такой подход направлен на повышение компетентности в управлении предупредительными процессами, принятие взвешенных решений на основе достижений науки и практики, глубокой проработки состояния и динамики преступности, выявления, оценки и прогнозирования криминогенных факторов социального характера, учета имеющихся сил и средств для достижения экономически рациональной, а по результатом очевидной позитив-

ной работы. Финансирование расходов, связанных с реализацией программ, осуществляется за счет и в пределах бюджетных средств, выделенных субъектам профилактики. Государственные программы включают в себя федеральные целевые программы и подпрограммы, содержащие, в том числе, ведомственные целевые программы и планы основных мероприятий органов государственной власти. Понятие, требования по структуре, содержанию и другим составляющим госпрограмм определены в Постановлении Правительства РФ от 02.08.2010 № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации» (в ред. от 12.10.2017) [9], а также в БК РФ [10] и Федеральном законе от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2016) [11]. В настоящее время федеральной государственной программы, непосредственно посвященной вопросам профилактики правонарушений, не принято. Видимо, это связано с указанием в Концепции общественной безопасности сроков принятия таких программ в период 2017–2020 годов. Вопросы профилактики затрагивает комплексная Федеральная государственная программа «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденная Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 (в ред. от 30.03.2018) [12], действие которой рассчитано до 2020 г. Конечно, это не то, что требует Закон. Однако есть надежда, что необходимая госпрограмма, которая обеспечит прорывной подход к решению задач в данной сфере, будет принята.

Во всех субъектах РФ действуют региональные целевые программы по профилактике правонарушений, которые принимались еще до вступления в силу нормативных правовых актов об обязательности их разработки. Однако в отдельных субъектах Федерации приняты государственные программы профилактики правонарушений с учетом положений действующего законодательства. Так, в Республике Марий Эл реализуется Государственная программа «Профилактика правонарушений на территории Республики Марий Эл на 2017–2020 годы», утвержденная постановлением Правительства Республики Марий Эл от 22.02.2017 № 84 [13]. В ней имеется шесть подпрограмм, выполнение которых способствует профилактике и пресечению правонарушений. Например, работа по подпрограмме «Безопасный город» позволила за год раскрыть 126 преступлений и выявить более одной тысячи административных правонарушений. С принятием Закона о профилактике правонарушений заметно активизировалась профилактическая работа органов местного самоуправления. На это повлияло, во-первых, исполнение муниципалитетами требований нового законодательства, значительно расширившего полномочия этих органов в дополнение к тем, которые они имели в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 № 131-ФЗ

(ред. от 03.08.2018) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [14]; во-вторых, действенный надзор со стороны органов прокуратуры и их реагирование на неисполнение требований Закона. И хотя еще много предстоит сделать, но движение вперед идет в правильном направлении. Например, в Пермском крае до выхода Закона очень мало принималось муниципальных программ, нацеленных на профилактику правонарушений. Слабо работали межведомственные комиссии по профилактике, образованные в каждом муниципалитете. Во многих местах не принималось мер к созданию добровольных народных дружин. Для обсуждения данных острых проблем по инициативе прокуратуры края проведены в апреле и ноябре 2016 г. расширенные координационные совещания краевых правоохранительных органов с участием губернатора, других руководителей органов власти региона и выработаны соответствующие меры, позволяющие значительно оживить необходимую работу. Аналогичные совещания проведены прокурорами городов и районов с приглашением сотрудников муниципалитетов, на которых приняты практические решения. В настоящее время в подавляющем большинстве муниципальных образований действуют актуальные превентивные программы, в бюджетах которых заложено финансирование их мероприятий. Кроме того, в местных органах власти стали нормально функционировать межведомственные комиссии по профилактике правонарушений, в муниципальных образованиях созданы и работают народные дружины.

Подводя итоги обсуждения, подчеркнем, в развитии государственной системы профилактики правонарушений, наряду с отмеченным, важно и многое другое, в том числе, понимание и настрой общества на внедрение в жизнь предупредительных мер как необходимого и гуманного направления противодействия преступности. Профилактика правонарушений помогает в развитии страны, она важна для того, чтобы вовремя купировать разные угрозы: национальной и общественной безопасности, экономике, жизни, здоровью, имуществу, правам и интересам граждан. В связи с этим не на словах, а на деле властные органы в Центре и на местах должны проявлять твердую волю в организации самых разнообразных профилактических мер, пропагандировать эту работу, отмечать ее передовиков.

Закон предусматривает также повышение роли Правительственной комиссии по профилактике правонарушений как федерального межведомственного координационного органа, в который поступают сведения по мониторингу профилактики правонарушений, и который на их основе имеет сейчас большие возможности направлять эту работу в нужное русло и достигать заметных результатов.

Для эффективной работы системы профилактики правонарушений необходимы хорошо подготов-

ленные кадры, которые умеют, знают и хотят решать возникающие проблемы. Нужны специалисты для серьезной аналитической и прогностической работы. Однако в стране нет достойных социально-правовых и криминологических центров, где бы их готовили, и с этим надо что-то делать. Следует воспитывать управленцев, у нас очевидный недостаток толковых специалистов для этой деятельности. Их не готовят в вузах, где наука «криминология» находится на задворках. Но профессиональный работник – это не только образование, но и наличие многолетнего опыта. Хорошим поваром сразу не станешь, даже после окончания кулинарного техникума.

Налаженная система профилактики правонарушений требует немалых средств. Уровень организации и ее финансирования определяют возможности для достижения высоких целей. И сегодня здесь очевидны большие сложности из-за дефицита бюджетов всех уровней. Несмотря на это надо стремиться обеспечить достойное финансирование профилактики правонарушений, в том числе за счет более широкой реструктуризации расходов, охватывающих иные сферы социальной практики. Находить нетрадиционные источники финансирования — из многочисленных негосударственных, коммерческих структур, во многом определяющих ситуацию в регионах. Честный бизнес, добросовестные предприниматели не меньше государственных органов заинтересованы в надлежащем общественном порядке.

Закон провозгласил одним из своих принципов научную обоснованность принимаемых мер профилактики правонарушений. Приоритеты и цели государственной политики в сфере противодействия преступности изложены в многочисленных стратегиях, национальных планах, основных направлениях, доктринах и т. д., утвержденных главой государства. В дополнение нужен конкретный документ, в котором функционирование системы профилактики правонарушений, ее составляющих элементов проходило бы на базе разработанной, принятой на вооружение и поэтапной реализации соответствующей нынешним и ориентированной на обозримое будущее требованиям Концепции развития профилактики правонарушений как системы официально выраженных взглядов с современным идеологическим, правовым, организационно-структурным, кадровым, информационным и научным обеспечением. Это составляет крупную научно-практическую задачу, но вполне решаемую с привлечением широкого круга специалистов. Так, МВД России как уполномоченный в этой сфере Правительством РФ орган могло бы с учетом своих кадровых и иных возможностей инициировать и возглавить эту работу.

И последнее, о недостатках указанного Закона. То, что его можно критиковать, уточнять в деталях

и нюансах, спору нет. Скорее всего, невозможно по нему добиться и консенсуса, так как слишком много сложностей пришлось преодолеть авторам законопроекта, чтобы найти лучшие варианты из заведомо спорных. Критикам, назвавшем его «пустым», хотелось видеть, вероятно, Закон с общеобязательными правилами поведения, дозволениями и запретами, регламентирующими правовые отношения в данной сфере. Однако, как отмечают многие специалисты, такой закон в принципе подготовить нельзя из-за множества статей, регулирующих профилактику правонарушений, входящих в различные отрасли и подотрасли права, имеющих разные предметы и методы правового регулирования. И специфика криминологической профилактики такова, что втиснуть ее в рамки одного полноценного закона невозможно. Принятый Закон не догма, он будет улучшаться по мере совершенствования практики его применения. Недостатки документа должны устранить законодатели, это обычная отечественная практика. И удивляться этому не приходится. Как раз по Плану мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2018 год, утвержденному распоряжением Правительства РФ от 16.08.2017 № 1742-р [15], предусмотрен мониторинг профилактики правонарушений в части действия рассматриваемого Закона, а также нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, федеральных органов исполнительной власти и государственных органов власти субъектов РФ. Надеемся, что по результатам этой работы необходимые поправки в Закон о профилактике правонарушений будут внесены.

Со своей стороны предлагаем доработать правовые основания для применения индивидуальной профилактики правонарушений. Исходя из принципа законности, пределы профилактического вмешательства правоохранительных и других государственных органов в частную жизнь при осуществлении мер индивидуальной профилактики должны быть сужены. Используемое в Законе в таких целях понятие «антиобщественное поведение» чрезмерно, в сущности, необозримо расширяет основания индивидуального-профилактического воздействия, выводя его из сферы правовой в область нравственных оценок, моральных отношений, что противоречит сути правоохраны. Основаниями для постановки лица на профилактический учет и применение мер индивидуальной профилактики должны быть достоверные, юридически зафиксированные данные о совершении им правонарушения, а не просто аморальных, антиобщественных действий, либо о неисполнении специальных обязанностей и особых правил поведения, назначенных в установленном законом порядке [16, с. 122–123].

Пристатейный библиографический список

1. СЗ РФ. 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3851.
2. Герасимов С. И. Организация криминологической профилактики в г. Москве (опыт и перспективы) : монография. М., 2000.
3. СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
4. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. СЗ РФ. 2017. № 2 (Ч. II). Ст. 392.
6. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 439.
7. Герасимов С. И. Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
8. Мусейбов А. Г., Борбат А. В. Правовые и организационные основы разработки и реализации программ профилактики правонарушений // Российский следователь. 2017. № 24.
9. СЗ РФ. 2010. № 32. Ст. 4329.
10. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
11. СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
12. СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. IV). Ст. 2188.
13. Государственная система правовой информации : официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1200201702270007> (дата обращения: 12.05.2018).
14. СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
15. СЗ РФ. 2017. № 35. Ст. 5366.
16. Алексеев А. И., Герасимов С. И., Сухарев А. Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы : монография. М., 2001.

References

1. SZ RF. 2016. № 26 (Ch. I). St. 3851.
2. Gerasimov S. I. Organizaciya kriminologičeskoj profilaktiki v g. Moskve (opyt i perspektivy) : monografiya [The organization of criminological prevention in Moscow (experience and prospects): monograph]. M., 2000.
3. SZ RF. 2009. № 20. St. 2444.
4. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravocnoej pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. SZ RF. 2017. № 2 (Ch. II). St. 392.
6. Konstitucija Rossijskoj Federacii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 [The constitution of the Russian Federation, is adopted by national vote 12/12/1993] // SZ RF. 2014. № 31. St. 439.
7. Gerasimov S. I. Konceptual'nye osnovy i nauchno-praktičeskie problemy preduprezhdeniya prestupnosti : dis. ... d-ra yurid. Nauk [Conceptual bases and scientific and practical problems of prevention of crime]. M., 2001.
8. Museibov A. G., Borbat A. V. Pravovye i organizacionnye osnovy razrabotki i realizacii programm profilaktiki pravonarushenij [Legal and organizational bases of development and implementation of programs of prevention of offenses] // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 24.
9. SZ RF. 2010. № 32. St. 4329.
10. Byudzhethnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 31.07.1998 № 145-FZ [Budgetary code of the Russian Federation from 7/31/1998 No. 145-FZ] // SZ RF. 1998. № 31. St. 3823.
11. SZ RF. 2014. № 26 (ch. I). St. 3378.
12. SZ RF. 2014. № 18 (ch. IV). St. 2188.
13. Gosudarstvennaya sistema pravovoj informacii : oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1200201702270007> (data obrashcheniya: 12.05.2018).
14. SZ RF. 2003. № 40. St. 3822.
15. SZ RF. 2017. № 35. St. 5366.
16. Alekseev A. I., Gerasimov S. I., Suharev A. YA. Kriminologičeskaya profilaktika: teoriya, opyt, problemy : monografiya [Criminological prevention: theory, experience, problems: monograph]. M., 2001/

МЕДИЦИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Исследование проблем применения в отношении медицинских работников норм уголовного законодательства оправдано как в теории, так и в практике. Актуальность данного исследования объясняется увеличением числа обращений граждан в правоохранительные органы по поводу ненадлежащего оказания медицинской помощи. Предметом выступают нормы действующего уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за совершение преступлений медицинскими работниками. Целью настоящего исследования является путем комплексного подхода выработать рекомендации для предотвращения возникновения новых медицинских преступлений, а также выработать рекомендации направленные на совершенствование применения норм уголовного законодательства, применяемых в отношении медицинских работников. В работе использовался комплекс количественных и качественных методов, а именно системно-структурный, формально-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический. Содержание работы раскрывает возникшие противоречия медицинского работника и пациента в сфере оказания медицинской помощи, которое в настоящее время являются неразрешенными. Новизна определяется совокупностью выводов, которые сводятся к необходимости внесения изменений в действующий уголовный закон, а также определить пути их практической реализации.

КУНЦ

Елена Владимировна
заведующая кафедрой уголовного права и криминологии ФГБОУ ВО ЧелГУ, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования (г. Челябинск), 73kuntc@mail.ru.

ГОЛУБОВСКИЙ

Владимир Юрьевич
главный научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ Федеральной службы исполнения наказаний России, доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования (г. Москва), golubovskiyv@inbox.ru.

**Медицинские преступления;
незаконные эксперименты
на людях;
профессиональные
преступления;
должностные преступления**

**Elena V.
KUNTZ,**
the head of the Criminal Law and Criminology Chair of the Chelyabinsk State University, the doctor of law, the professor, honorary worker of higher education (Chelyabinsk), 73kuntc@mail.ru.

**Vladimir Y.
GOLUBOVSKY**
the chief researcher of the Federal public establishment «National Research Institute of the Penal system of the Russian Federation», the doctor of law, the professor, honorary worker of higher education (Moscow), golubovskiyv@inbox.ru.

**Medicinal delinquency;
illegal experiments on people;
malfeasance;
official misconduct**

MEDICINAL DELINQUENCY: UP-TO-DATE EVALUATION OF THE ISSUE

The study of issues linked to criminal prosecution of medical officers is justified both in theory and in practice. This study is relevant due to increased number of citizens reporting improper delivery of health care to law enforcement agencies. This paper focuses on the relevant criminal law providing liability for crimes committed by medical officers. The study is aimed at providing comprehensive recommendations on how to prevent new medicinal delinquencies and to improve the criminal prosecution of medical officers. The paper uses the set of quantitative and qualitative methods including systematic structured approach, technical method, rather-legal analysis, sociological approach. The content of this paper explores conflicts between medical officer and his/her patient arising from the provision of health services and remaining unresolved at the present time. The novelty consists in the set of conclusions that the existing criminal law needs amendments and the ways of their implementation need to be determined.

УДК 343.347

До недавнего времени проблема привлечения медицинских работников к уголовной ответственности имела больше теоретический характер. В условиях демократической России данный вопрос приобрел особое значение, поскольку сейчас государство проводит последовательную политику преобладания прав человека над обществом и государством, что выводит на один уровень обеспечение права человека на жизнь и оказание качественной медицинской помощи.

Данная проблема как никогда становится актуальной, является предметом исследований не только ученых, медицинских работников, юристов, но и людей, которые далеки от юриспруденции.

Практика показывает, что конфликты между пациентами и медицинскими работниками зачастую связаны не с объективными причинами, а с неумением медперсонала профессионально общаться с больными и их близкими, с морально-этическими нарушениями.

В древнеиндийской книге «Аюрведа» сказано, что врач для больного должен быть отцом, для выздоравливающего — охранителем, для здорового — другом. В работе известного медика того времени Сушрута написано: «Врач должен обладать чистым сострадательным сердцем, спокойным темпераментом, правильным характером, отличаться величайшей уверенностью и целомудрием, постоянным стремлением делать добро» [1, с. 7].

Ответственность медицинских работников в ретроспективном аспекте всегда зависела от религиозных воззрений на врачевание, моральности норм, уровня развития медицинской науки.

Несмотря на то что сегодня не принято говорить о преступлениях, совершенных медицинским персоналом, результаты анализа опубликованной следственной и судебной практики позволяют сделать негативные выводы о тенденциях, имеющих в данном виде преступного поведения, частоте отдельных преступлений медработников, а также проследить механизм законодательной пенализации.

К числу проблем, которые сегодня осложняют ведение четкой статистики преступлений, совершаемых медицинскими работниками, относят отсутствие в Особенной части уголовного закона отдельных норм, предусматривающих уголовную ответственность за совершение медицинских преступлений.

Если судить о зарегистрированных преступлениях и выявленных лицах по ст. 124 УК РФ («Неоказание помощи больному») [2], то наблюдается сокращение количества зарегистрированных преступлений и соответственно числа лиц, совершивших их. Так, в 2007 г. зарегистрировано 122 преступления, в 2012 г. — 58, в 2016 г. — 48. Число выявленных лиц по указанным периодам составило 38, 20 и 13 человек, соответственно [3].

Возникает вопрос: чем можно объяснить имеющиеся ножницы между количеством зарегистрированных преступлений и числом лиц, их совершивших? Прежде всего, сложностью самих преступлений, отсутствием научно-методического обеспечения, а также несовершенством норм уголовного законодательства.

Со стороны правоохранительных органов наблюдается повышенный интерес к данной проблеме, потому что практически во всех субъектах РФ отмечается рост преступлений, совершаемых медицинскими работниками, из-за небрежного исполнения ими своих профессиональных обязанностей. Правда, реально до судебных органов доходит лишь незначительная их часть.

Самыми показательными в части нарушений являются такие направления медицины, как акушерство и гинекология, хирургия, анестезиология и реаниматология, педиатрия, травматология, кардиология. Очень часто следственные органы возбуждают уголовные дела на основании информации, опубликованной в СМИ, что вызывает у населения массу негодований.

В связи с этим А. И. Бастрыкин указал на то, что следственные органы обязаны немедленно реагировать на сигналы о врачебной халатности, качественно и в короткие сроки расследовать такие уголовные дела, а также в полном объеме информировать органы здравоохранения и общественность о причинах и условиях совершения ятрогенных преступлений в целях их исключения в медицинской практике. Должны добиться того, чтобы процессуальные решения следователей о наличии либо отсутствии состава преступления в действиях медицинских работников содержали объективную оценку произошедшего, будь то неверная диагностика, ошибочные методы лечения или несвоевременное оказание пациентам медицинской помощи [4].

В теории уголовного права можно выделить два подхода к пониманию преступлений, совершаемых медицинскими работниками с учетом научно обоснованных предложений по криминализации.

Широкое понимание преступлений, совершаемых работниками в области медицины, подразумевает рассмотрение помимо указанных специальных еще и общие составы (О. Е. Богоудинова [5, с. 23], В. Н. Флоря [6, с. 46–48], В. В. Татаркин [7, с. 3]).

Узкое понимание «медицинских» преступлений, по В. А. Глушкову, — это умышленное или неосторожное общественно опасное деяние в сфере медицинского обслуживания населения, предусмотренное уголовным законом под угрозой наказания, которое совершено медицинским работником в нарушение профессиональных обязанностей, причинившее или могущее причинить существенный вред в области здравоохранения личности, обществу или

государству [8, с. 121]. Он обосновывает выделение в самостоятельную главу УК РФ на основании субъективного признака отдельный ряд преступлений против общественного здоровья.

Следует обратить внимание на то, что преступления, понимаемые в широком смысле, необходимо анализировать применительно к специфике деятельности именно медицинских учреждений и их сотрудников, поскольку при их обобщенном криминологическом рассмотрении из поля зрения неизбежно выпадают существенные моменты.

В целом, поддерживая указанные подходы, недопустимо их смешивать, что достаточно часто встречается в исследованиях.

Однако не все преступления, которые совершают медицинские работники, связаны с профессиональной деятельностью. Имеют место и такие преступления, которые могут совершать также другие категории граждан.

В зависимости от того, совершает медицинский работник преступление при выполнении своих профессиональных функций или нет, преступления классифицируют на профессиональные и должностные.

К должностным преступлениям, которые наиболее часто совершают медицинские работники при выполнении своих профессиональных обязанностей, относятся: злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебных полномочий, халатность, должностной подлог, получение взятки.

Обзор судебной практики показывает, что количество дел, возбужденных по ст. 293 УК РФ, в отношении медицинских работников стоит на одном из первых мест, однако применение ее не всегда возможно, особенно при выяснении, что врач не является должностным лицом.

При разбирательстве дел о халатности медицинских работников необходимо решить ряд задач, а именно: какие служебные обязанности и права в соответствии с нормативными документами были определены должностному лицу, что конкретно не исполнено или выполнено ненадлежащим образом, повлекло ли данное действие или бездействие существенное нарушение прав и законных интересов пациента.

Преступление признается совершенным по легкомыслию, если лицо предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на предотвращение этих последствий. Небрежность будет иметь место в тех случаях, когда лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), хотя при необходимой внимательности должно было и могло предвидеть эти последствия.

На практике при определении алгоритма подготовки к операциям объем необходимых исследований определяется на основании ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения между врачом и пациентом. Среди наиболее частых поводов привлечения к уголовной ответственности медицинских работников за халатное отношение к подготовке и проведению оперативных вмешательств — неправильный сбор анамнеза, поверхностное, неполное обследование больного, повлекших ошибочный диагноз и неправильное назначение лечения; недостаточность профессиональных знаний в вопросах диагностики, лечения и профилактики редких заболеваний и осложнений; несовершенство нестандартных методов диагностики и лечения; редкость или злокачественность заболевания; несоответствие между действительным объемом прав и обязанностей медицинского работника и производством требуемых действий по диагностике и лечению; отсутствие необходимых условий для оказания надлежащей медицинской помощи пациенту с редким заболеванием в условиях недостаточно оснащенного лечебно-профилактического учреждения; особенности физиологического состояния самого медицинского работника.

Так, медицинская сестра Р. из урологического отделения, получая у старшей медицинской сестры отделения И. 8 %-ный раствор соляной кислоты, налила его в бутылку с этикеткой «0,5 %-ный раствор азотнокислого серебра». Старшая медицинская сестра И. предупредила Р., чтобы та немедленно заменила этикетку, и через два часа вновь напомнила ей об этом. Однако Р. забыла сделать это. Через несколько дней, выполняя назначения заведующим отделением, в его присутствии произвела промывание уретры пятерым больным 8 %-ным раствором соляной кислоты вместо 0,5 %-ного раствора азотнокислого серебра. На следующий день после промывания все больные явились в отделение с жалобами на жжение и боли в мочеиспускательном канале и на сукровичные выделения из него. В этот день и на следующий день, когда заведующему стало известно о случившемся, он не предпринял мер к немедленной госпитализации и оказанию эффективной медицинской помощи, назначив больных на очередной прием через несколько дней. В результате введения в уретру 8 %-ного раствора соляной кислоты и несвоевременного лечения образовавшихся ожогов слизистой оболочки уретры у всех больных возникли стриктуры с нарушением мочеиспускания. Заведующий урологического отделения был привлечен к уголовной ответственности [9, с. 112].

В ряде случаев легкомыслие и небрежность дежурных врачей проявляется в недостаточной подготовке к операции, неправильном проведении

обследования, халатном выполнении оперативных вмешательств с оставлением инородных предметов в полостях тела, в невыполнении правил послеоперационного лечения. Халатность дежурного врача проявляется и в недобросовестном составлении истории болезни или другого медицинского документа.

Легкомыслие и небрежность медицинских работников в ряде случаев могут объясняться или сочетаться с элементарной, профессиональной безграмотностью. Такие лица, имеющие диплом врача, фельдшера, медицинской сестры, особенно опасны, поскольку при ограниченных знаниях, крайне низкой квалификации они обычно отличаются большим самомнением. Отсутствие достаточных знаний и необходимого мастерства, субъективная переоценка своих способностей приводит к самоуверенности, нежеланию совершенствовать свои знания и опыт, стремлению избежать помощи более опытных специалистов. Особенно опасна деятельность подобных лиц в педиатрии, хирургической и акушерско-гинекологической практике. Такие лица чаще совершают профессиональные преступления, так как по своей ограниченности и самоуверенности всегда рассчитывают на благоприятный исход.

Следственными органами Следственного комитета РФ по Свердловской области в рамках возбужденного уголовного дела по ст. 293 УК РФ («Халатность») проверяется информация о том, что мужчина, почувствовав недомогание, попросил вызвать для него бригаду «скорой помощи». Однако, как утверждают очевидцы, медики отказались принять вызов после того, как выяснили, что мужчина нетрезв. Впоследствии потерпевший скончался [10].

В одной из больниц г. Иркутска врачи не смогли экстренно оказать помощь женщине, находящейся на пятом месяце беременности, в результате чего наступила внутриутробная смерть ребенка, возбуждено уголовное дело по факту халатности (ч. 1 ст. 293 УК РФ). В процессе расследования установлено, что в июле 2017 г. женщина с семьей приехала из ближнего зарубежья в г. Иркутск. При обращении в медицинское учреждение с жалобами на нехарактерное течение беременности женщине отказали в помощи по причине отсутствия полиса медицинского страхования. В результате неродившийся ребенок погиб [11].

Врачи в ряде случаев могут выполнять должностные функции, определять нетрудоспособность, устанавливать инвалидность, решать вопрос о госпитализации. В этих и подобных им случаях выполняемые ими обязанности носят организационно-распорядительный характер. Допускаемые при этом нарушения по службе при наличии других признаков составляют должностные преступле-

ния (например, получение главным врачом незаконного вознаграждения за помещение пациента в больницу).

Если при выполнении производственно-профессиональных функций допускаются различного рода нарушения (ставится неверный диагноз, проводится неправильное лечение, влекущее за собой тяжкие последствия, делается неудачная операция, осуществляются поборы с больных за оказание медицинской помощи, получают вознаграждения за удачно проведенную операцию), они не могут расцениваться как должностные преступления.

Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий предусмотрена ст. 286 УК РФ. Под превышением должностных полномочий подразумевается совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан и организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Если превышение полномочий имело своим последствием смерть больного, налицо совокупность преступлений, предусмотренных ст. 286 УК РФ.

Объем медицинской помощи, например при неотложных состояниях, определяется пределами профессиональной компетенции данного работника.

Если прибывший к больному медицинский работник из-за недостатка специальных знаний или же по другой причине не может оказать необходимую неотложную помощь, он обязан вызвать другого медицинского работника или же доставить больного в лечебное учреждение.

При безнадёжном состоянии больного врач вправе применить как крайнее средство непробированные на практике методы. Необходимость рассмотрения правовых проблем, возникающих при проведении медицинских экспериментов, связана с тем обстоятельством, что при проведении медицинского эксперимента затрагиваются частные права человека — право на неприкосновенность жизни, распоряжаться жизнью, автономия человека, его достоинство. В настоящее время медицина не может обойтись без применения эксперимента для определения оптимальных путей лечения и диагностики как новых, так и давно известных заболеваний. В тех случаях, когда возникает несовпадение интересов между субъектами и объектом исследований, зачастую возникает юридический конфликт. В этой связи необходимо урегулировать проведение медицинских экспериментов. Предлагается ввести в УК РФ ст. 124.1: «Незаконные эксперименты на людях».

1. Проведение незаконных экспериментов медицинскими работниками на людях — наказывается лишением свободы на срок до трех лет с лишением

права занимать определенные должности или заниматься лечебной практикой на срок до трех лет или без такового.

2. То же деяние, повлекшее тяжкий вред или смерть человека, — наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься лечебной практикой на срок до трех лет или без такового.

Практическое разрешение конфликтных ситуаций, направление их в русле соблюдения нормативных предписаний, это то, что позволит сократить количество жалоб и претензий, а это создаст, в свою очередь, нормальные человеческие условия работы медицинских работников.

В практической деятельности преступления, совершаемые медицинскими работниками, квалифицируются по ст. 109 УК РФ, это достаточно общая норма. В связи с отсутствием в Особенной части уголовного закона специальных норм о преступлениях, совершаемых медицинскими работниками,

перед лицом, проводящим предварительное расследование, стоит вопрос, какую норму уголовного закона правильно применить.

Обоснованным и оправданным будет разработать проект Федерального закона о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части введения специальных норм, которые предусматривали бы ответственность за совершение преступлений, связанных с врачебными ошибками и ненадлежащего качества оказанием медицинской помощи. Введение в уголовный закон данных норм позволит более четко вести учет преступлений, совершаемых медицинскими работниками, выяснять обстоятельства совершения таких преступлений не только по конкретному уголовному делу, но и в региональном масштабе, снимет возникающие на практике спорные вопросы квалификации. Эффективным было бы введение специализации для лиц, обучающихся на юридических факультетах специализации по расследованию преступлений, совершаемых медицинскими работниками.

Пристатейный библиографический список

1. Акопов В. И. Маслов, Е. Н. *Право в медицине*. М. : Книга-сервис, 2002.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. В СК России состоялось совещание по вопросам расследования преступлений, связанных с врачебными ошибками // Следственный комитет Российской Федерации : сайт. URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/1168957/> (дата обращения: 11.06.2018).
5. Богоудинова О. Е. *Уголовная ответственность медицинских работников*. М. : Медицина, 2002.
6. Флоря В. Н. *Классификация врачебных преступлений в законодательстве различных стран* // *Медицинское право*. 2009. № 4.
7. Татаркин В. В. *Преступления медицинских работников против жизни и здоровья* : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.
8. Глушков В. А. *Ответственность за преступления в области здравоохранения*. Киев : Наук. думка, 1987.
9. *Проблемы детерминации и предупреждения преступности* / под ред. профессора А. И. Долговой. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2017.
10. В Свердловской области по поручению Председателя СК России возбуждено уголовное дело о возможной халатности медицинских работников // Следственный комитет Российской Федерации : сайт. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1192823/?type=news®ion=76> (дата обращения: 10.05.2018).
11. В Иркутске возбуждено уголовное дело по факту халатности медперсонала одной из больниц города // Следственный комитет Российской Федерации : сайт. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1156492/> (дата обращения: 10.06.2018).

References

1. Akopov V. I. Maslov, E. N. *Pravo v medicine [Pravo in medicine]*. M. : Kniga-servis, 2002.
2. *Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation from 6/13/1996 No. 63-FZ]* // SZ RF. 1996. № 25. St. 2954.
3. V SK Rossii sostoyalos' soveshchanie po voprosam rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s vrachebnymi oshibkami [In SK of Russia the meeting on investigation of the crimes connected with medical errors] // *Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii : sajt*. URL: <http://sledcom.ru/press/events/item/1168957/> (data obrashcheniya: 11.06.2018).
5. Bogoudinova O. E. *Ugolovnaya otvetstvennost' medicinskih rabotnikov [Criminal liability of health workers]*. M. : Medicina, 2002.
6. Florya V. N. *Klassifikaciya vrachebnyh prestuplenij v zakonodatel'stve razlichnyh stran [Classification of medical crimes in the legislation of various countries]* // *Medicinskoe pravo*. 2009. № 4.

7. Tatarkin V. V. *Prestupleniya medicinskih rabotnikov protiv zhizni i zdorov'ya* : dis. ... kand. yurid. nauk [Crimes of health workers against life and health]. Rostov n/D, 2007.

8. Glushkov V. A. *Otvetstvennost' za prestupleniya v oblasti zdravooohraneniya* [Responsibility for crimes in the field of health care]. Kiev : Nauk. dumka, 1987.

9. *Problemy determinacii i preduprezhdeniya prestupnosti* [Problems of determination and prevention of crime] / pod red. professora A. I. Dolgovej. M. : Rossijskaya kriminologicheskaya asociaciya, 2017.

10. *V Sverdlovskoj oblasti po porucheniyu Predsedatelya SK Rossii возбуждено уголовное дело о возможной halatnosti medicinskih rabotnikov* [In Sverdlovsk region at the request of the Chairman of SK of Russia criminal case about possible negligence of health workers] // Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii : sajt. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1192823/?type=news®ion=76> (data obrashcheniya: 10.05.2018).

11. *V Irkutske возбуждено уголовное дело по факту halatnosti medpersonala odnoj iz bol'nic goroda* [In Irkutsk criminal case upon negligence of medical staff of one of city hospitals] // Sledstvennyj komitet Rossijskoj Federacii : sajt. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1156492/> (data obrashcheniya: 10.06.2018).

ВИДЕОНАБЛЮДЕНИЕ В ОРГАНИЗАЦИИ: ВОПРОСЫ ЗАКОННОСТИ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

КОРЕНЮК

Андрей Леонидович
старший научный сотрудник,
Университета прокуратуры
Российской Федерации,
poimuz@yandex.ru.

Актуальность проблемы установки и осуществления видеонаблюдения в организации определяется широким использованием данного средства контроля за поведением работников, значимостью поддержания в этой части правового баланса между интересами работодателя и работника в параметрах конституционных положений и норм действующего законодательства. Предметом статьи выступают проблема внедрения и использования системы видеонаблюдения в российских организациях, действующие в этой части правовые нормы и правоприменительная практика. Цель статьи состоит в изучении проблемы введения в организации системы видеонаблюдения с точки зрения законности и правовой целесообразности. В статье использованы основные методы научного познания: формально-логического анализа, системный и структурно-функциональный. На основе изучения относящихся к обозначенной проблеме конституционных положений, действующего российского законодательства, правовых позиций высших судебных инстанций, примеров правоприменительной практики рассматриваются правовые аспекты установки и использования системы видеонаблюдения в организациях. В этой связи обозначены основные юридические требования к работодателям, ограничения и запреты, а также права и обязанности работника. Сформулированы выводы о повышении роли технических средств, в том числе видеонаблюдения, в профилактике правонарушений, обеспечении безопасности и правопорядка, параметрах правовых норм, устанавливающих порядок установки и использования в российских организациях систем видеонаблюдения, правовых последствиях нарушения работодателем правил установки систем видеонаблюдения и использования его в организации.

**Видеонаблюдение;
законность;
работодатель;
работник**

**Andrey L.
KORENYUK**

senior researcher,
Academy of the R. F. Prosecutor
General's Office,
poimuz@yandex.ru.

CCTV MONITORING AT ENTERPRISES AND INSTITUTIONS: ADMISSABILITY AND SUITABILITY ISSUES

**CCTV;
legality;
employer;
employee**

The relevance of the problem of installation and implementation of CCTV systems at enterprises and institutions is determined by the widespread use of this tool to monitor the behavior of employees in order to maintain the legal balance between the interests of the employer and the employee in the context of the constitutional framework and the relevant legislation. This paper is focused on issues linked to introduction and use of CCTV at Russian enterprises and institutions, applicable legal norms and law enforcement practice. The purpose of this paper is to study the issue of using CCTV at enterprises and institutions from the point of view of legality and legal expediency. We use some basic methods of scientific cognition: technic and logical analysis, system analysis and structural-functional analysis. We consider the use of CCTV at enterprises and institutions based on a study of constitutional provisions related to the issue, the relevant Russian legislation, the legal narrative of the highest judicial authorities, law cases and enforcement practice, other legal aspects and then we outline some basic legal requirements – which means limitations and don'ts - for employers, as well as the rights and the duties of employees. We draw conclusions about the role for technical means including CCTV in crime prevention, in providing security and law enforcement, as well as about the parameters of legal norms that apply to the installing and use of CCTV at enterprises and institutions.

УДК 340.2

В эпоху динамичного развития информационных процессов и технологий, пронизывающих все сферы деятельности в современном обществе, растет роль передовых технических средств и наблюдается их все более широкое использование в целях профилактики правонарушений и поддержания порядка. Важное место в этом плане отводится средствам видеонаблюдения, виды и конкретное предназначение, порядок использования которых отличаются широким спектром и отражаются в целом ряде нормативных правовых актов законодательного и подзаконного уровней. В настоящей статье акцентировано внимание на проблеме внедрения и использования системы видеонаблюдения в российских организациях в контексте поддержания трудовой дисциплины и профилактики правонарушений со стороны работников, с одной стороны, и с учетом соблюдения их прав — с другой.

Результаты проводимых в настоящее время социологических опросов (в частности, Исследовательского центра рекрутингового портала Superjob.ru) свидетельствуют, что камеры видеонаблюдения установлены примерно в половине российских организаций. Отношение работников к этому нововведению неоднозначное. Примерно четверть респондентов считает, что установка видеокамер нарушает их личное пространство и свидетельствует о недоверии руководства к работникам [1]. Аналитики отмечают такие цели установки видеокамер в организациях, как обеспечение безопасности персонала, контроль работы работников, охрану имущества и защиту информации, предотвращение хищений [1].

Изучение действующей в рассматриваемой области нормативно-правовой базы, а также довольно многочисленных публикаций, посвященных обозначенной в настоящей статье проблеме [2, с. 10; 3; 4, с. 60–71], позволяет вести речь о том, что установка систем видеонаблюдения в организациях, в том числе в целях контроля за поведением работников при осуществлении ими трудовой функции, и использование в этой связи результатов видеонаблюдения сопряжены с определенными условиями и ограничениями для работодателя.

Прежде всего, в соответствии с положениями ст. 23, 24 Конституции РФ [5] каждому человеку гарантируется право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени и, соответственно, не допускаются сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица в отсутствие его согласия. Кроме того, каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых и иных сообщений. Применительно к рассматриваемой теме эти конституционные положения предметно обозначают

себя в следующих адресованных к работодателю и иным лицам юридических обязательствах, ограничениях и запретах. Во-первых, как следует из смысла ч. 1 ст. 23 Конституции РФ, запрещена установка видеокамер в ряде мест общего пользования (раздевалки, туалетные комнаты, врачебные кабинеты), поскольку в этом случае нарушается право каждого человека на неприкосновенность частной жизни. Как следует из смысла ч. 6 ст. 209 ТК РФ [6], видеоконтроль за работниками должен ограничиваться рабочими местами, при этом в соответствии с ч. 1 ст. 91 ТК РФ видеонаблюдение за деятельностью работников на рабочих местах должно осуществляться только в рабочее время. Как следует из п. 4 ст. 86 ТК РФ, работодатель не вправе права получать и обрабатывать персональные данные работника о его политических, религиозных и иных убеждениях и частной жизни [1] (в случаях, непосредственно связанных с вопросами трудовых отношений, работодатель вправе получать и обрабатывать данные о частной жизни работника только с его письменного согласия, о чем еще будет сказано). При этом уместно обратиться к правовым позициям высших судебных инстанций. Так, исходя из одного из решений Конституционного Суда РФ, в понятие «частная жизнь» включается та область жизнедеятельности человека, которая относится к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, при условии что она носит не противоправный характер (см. Определение Конституционного Суда РФ от 09.06.2005 № 248-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Захаркина Валерия Алексеевича и Захаркиной Ирины Николаевны на нарушение их конституционных прав пунктом «б» части третьей статьи 125 и частью третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации» [7]). Пленум Верховного Суда РФ, ссылаясь на конституционные положения (ст. 17, 23, 29, 33 Конституции РФ) ориентирует суды на необходимость обеспечения равновесия между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Основным законом правами и свободами — с другой (см. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» [8]).

Во-вторых, в соответствии с положением ст. 24 Конституции РФ работодатель должен уведомить работника об использовании в организации системы видеонаблюдения и получить его согласие на работу в данных условиях (см. заявление о согласии на осуществление видеонаблюдения на рабочем месте (форма) [3]). Согласно ст. 21 ТК РФ работник имеет право на полную и достоверную информацию

об условиях труда и требованиях охраны труда на рабочем месте. Кроме того, как следует из ст. 22 ТК РФ, работник при установке системы видеонаблюдения должен быть ознакомлен под роспись с соответствующими локальными актами. В этой связи в специальной литературе обращается внимание на необходимость включения данного условия в трудовой договор, а также разработки и введения актов локального регулирования, непосредственно относящихся к правилам использования системы видеонаблюдения [4, с. 61–63; 1]. Независимо от наличия или отсутствия в организации видеонаблюдения, в обязательном порядке должно быть разработано и введено в действие локальным нормативным правовым актом положение о порядке обработки персональных данных, где должны быть указаны лица, которые будут обрабатывать персональные данные. Данное требование установлено Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ч. 4 ст. 9) (далее — Закон о персональных данных) [9].

Следует также иметь в виду, что в 2013 г. Роскомнадзором были даны Разъяснения по вопросам отнесения фото- и видеоизображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенностям их обработки (см. Разъяснения Роскомнадзора «О вопросах отнесения фото- и видеоизображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенностям их обработки» [10]), где также указано на необходимость разработки и принятия локального нормативного акта, регламентирующего порядок установки средств видеонаблюдения, непосредственно видеонаблюдения, обработки персональных данных, круга ответственных в этой части лиц. Также указанными Разъяснениями со ссылкой на ст. 74 ТК РФ оговаривается необходимость уведомления работников под роспись об изменении условий трудового договора в связи с введением видеонаблюдения [11].

Непосредственно в положении о видеонаблюдении в организации целесообразно предусмотреть следующие разделы: 1) общие положения (цели установки, кем финансируется, круг лиц, на которых распространяет свое действие, требование ознакомления с ним работника; требование согласования с профильными службами и отделами); 2) основные понятия (категории объектов, подлежащих оборудованию средствами видеонаблюдения, понятие и состав охранной телевизионной системы, понятие криминальной безопасности и противокриминальной защиты); 3) цели и задачи видеонаблюдения и параметры видеоконтроля (что конкретно должны обеспечить установленные в организации средства видеонаблюдения, органы управления системой видеонаблюдения, объекты постоянного монито-

ринга в использовании средств видеонаблюдения); 4) структура и общие требования к системе видеонаблюдения (какие основные группы средств видеонаблюдения данная система включает, их общая характеристика, в том числе, экологическая, запреты и ограничения в части установки видеокамер); 5) режим видеонаблюдения (постоянный характер, формы оповещения о видеонаблюдении, особенности локального правового регулирования отдельных вопросов видеонаблюдения в организации) (см. Положение о видеонаблюдении в организации (форма) [12]).

Кроме того, как следует из Закона о персональных данных, работодатель обязан обеспечить надлежащую охрану полученных данных [13, с. 108]. Отнесение видеонаблюдения за работниками при выполнении ими трудовой функции к обработке персональных данных вытекает из смысла п. 1 ст. 3 одноименного Закона, где под персональными данными понимается любая информация, позволяющая прямо или косвенно идентифицировать конкретное лицо. Следует обратить внимание на то, что согласно ст. 5 Закона о персональных данных срок их хранения связывается с выполнением целей обработки. В этой связи в литературе не без оснований указано на то, что применительно к ситуациям обработки персональных данных работников срок хранения таких данных ограничен периодом действия трудового договора, поскольку по общему правилу с увольнением работника цель обработки его персональных данных прекращает существовать (исключение касается случаев необходимости использования данных в судебном разбирательстве в отношении такого работника) [13, с. 109]. При этом следует учитывать, что факты нарушений обработки персональных данных, в том числе их утечка, могут повлечь для работодателя наступление юридической ответственности, прежде всего административной (ст. 13.11 КоАП РФ [14], предусматривает штрафы для допустивших такого рода нарушения граждан, должностных лиц, юридических лиц по итогам проверки Роскомнадзора), гражданско-правовой (обязанность возмещения причиненного ущерба, в том числе морального вреда лицу, пострадавшему в результате разглашения персональных данных в нарушение закона, по иску потерпевшего вытекает из взаимосвязанного толкования ч. 2 ст. 24 Закона о персональных данных и ст. 151 ГК РФ). Кроме того, незаконный сбор или публичное распространение сведений о работнике (в частности, при помощи видеосъемки работника) может повлечь для виновного лица уголовную ответственность на основании ст. 137 УК РФ [15] (по ч. 1 предусмотрено, в том числе, наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет). При этом квалифицирующим признаком рассматриваемого состава преступления является его совершение

лицом с использованием своего служебного положения (ч. 2 ст. 137 предусмотрено, в том числе, лишение свободы на срок до четырех лет), кроме того, предусмотрена повышенная уголовная ответственность за незаконное публичное распространение (в частности, в СМИ, в сети Интернет) информации, где фигурирует несовершеннолетний потерпевший по уголовному делу (в том числе, данные о причиненных ему в результате преступления страданиях) (ч. 3 ст. 137 предусмотрено, в том числе, наказание в виде лишения свободы до пяти лет).

В-третьих, следует особо отметить, что скрытое видеонаблюдение за поведением лиц, в частности работников организации, осуществляемое с помощью специальных технических средств, запрещено физическим и юридическим лицам и допускается только при осуществлении оперативно-розыскной деятельности и соответственно ведется в этих целях с соблюдением правовых норм, сотрудниками оперативных подразделений государственных органов (ч. 6 ст. 6 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [16]). Работник, подозревающий, что за ним ведется скрытое наблюдение, вправе обратиться с соответствующим заявлением в правоохранительные органы. При этом нужно учитывать, что проведение негласного видеонаблюдения с использованием технических средств во взаимосвязи с нарушением тайны сообщений граждан является уголовно наказуемыми в соответствии с ч. 2 ст. 138 УК РФ, а ст. 138.1 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за оборот и использование устройств, предназначенных для негласного получения информации.

В случае если материалы видеонаблюдения, на которых зафиксирован факт нарушения работником трудовой дисциплины или иное правонарушение, получены в соответствии с требованиями закона, они могут служить доказательством вины работника и использоваться в этом качестве в юрисдикционном процессе (дисциплинарном, при производстве по делам о трудовых спорах, гражданском, уголовном).

Однако по смыслу законодательных предписаний, регулирующих вопросы привлечения к дисциплинарной, гражданско-правовой, уголовной ответственности, нарушение закона при осуществлении видеонаблюдения за работником приводит к недопустимости использования видеоматериалов в качестве доказательства, которое может быть положено в основу решения соответствующего юрисдикционного органа (ст. 192, 193 ТК РФ; ч. 2 ст. 55 ГПК РФ [17]; ч. 1 ст. 75 УПК РФ [18]) [2, с. 10]. В частности, в литературе есть пример, когда суд поддержал уволенного работника кафе, посчитав видеозапись недопустимым доказательством, полученным с нарушением закона, по причине неуве-

домления работника о видеосъемке, проводимой в зале кафе [13, с. 117].

Правда, можно привести пример использования работником средств видеонаблюдения для защиты своих прав и законных интересов. Так, судом кассационной инстанции был признан незаконным акт увольнения гражданина Г. по подп. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (в связи с грубым однократным нарушением трудовых обязанностей, выразившимся в разглашении охраняемой законом коммерческой тайны — информации о размещении в организации системы видеонаблюдения) и отменено решение нижестоящего суда, отказавшего в удовлетворении исковых требований заявителя Г. Как установил суд кассационной инстанции, истец, обвиняемый в хищении, в подтверждение своей невиновности в совершении правонарушения представил схематичное изображение места нахождения камер видеонаблюдения на здании и их фотоснимки, при этом, как посчитал суд, представление данных документов не должно было восприниматься работодателем как разглашение коммерческой тайны, поскольку Г., представляя доказательства, воспользовался своими правами, предусмотренными Конституцией РФ и ст. 25.1 КоАП РФ (см. Кассационное определение Саратовского областного суда от 02.06.2011 по делу № 33-2558/2011 [19]) [20, с. 49–59].

В специальной литературе обращается внимание на то, что в отдельных случаях нормативными правовыми актами прямо предписана установка видеонаблюдения (например, в государственных и муниципальных учреждениях, осуществляющих прием населения). Установка видеокamer не всегда обязательна, но в силу специфики сферы деятельности полезна (банки, торговые организации, склады и т. п.), а иногда отсутствует производственная необходимость осуществления видеонаблюдения (рекламные агентства, турфирмы и т. п.) [4, с. 60].

Вместе с тем следует иметь в виду, что в российском законодательстве запрет на установку видеокamer в любой организации отсутствует. В тех случаях, когда отсутствует и нормативно-правовое предписание о ее обязательной установке, работодатель самостоятельно определяет целесообразность видеонаблюдения за работниками, их поведением в рабочее время. Юридически значимым является соблюдение работодателем правовых предписаний в части законности установки видеосистем и обработки полученных с их помощью данных. В свою очередь у работников имеются в этой части основанные на конституционных положениях и закрепленные трудовым законодательством права и гарантии их обеспечения.

В специальной литературе также обращается внимание на необходимость при введении видеонаблюдения в организации разграничения контроля за имуществом и контроля за работни-

ком: при констатации права работодателя следить за сохранностью своего имущества в том числе с помощью видеонаблюдения, в ситуации одновременного слежения за работником, юридически значимым обстоятельством выступает ознакомление работника о ведущем видеонаблюдении в целях обеспечения контроля за сохранностью имущества работодателя [21]. Как полагают исследователи, в обозначенной ситуации результаты видеонаблюдения не могут быть положены в основу привлечения работника к дисциплинарной ответственности за совершение проступка, не связанного с посягательством на имущество либо его повреждением [21]. Данное суждение выглядит в полной мере обоснованным и соответствующим общеправовому принципу законности.

Обобщая изложенное, можно сделать следующие выводы.

1. В современных условиях динамичного развития информационных технологий, модернизации общества повышается роль технических средств, в том числе видеонаблюдения, в профилактике правонарушений, обеспечении безопасности и правопорядка.

2. Порядок установки и использования в российских организациях систем видеонаблюдения должен соответствовать конституционным по-

ложениям об охране частной жизни человека и конкретизирующим конституционные нормы законодательным предписаниям, коррелировать с предусмотренными трудовым законодательством правами работника.

В этой связи видеоконтроль над работниками должен ограничиваться рабочими местами, при этом видеонаблюдение за деятельностью работников на рабочих местах должно осуществляться только в рабочее время. Работодатель должен уведомить работника об использовании в организации системы видеонаблюдения и получить его согласие работать в данных условиях, обеспечить соответствующее закону локальное регулирование порядка сбора и обработки персональных данных, в частности, при помощи установленного в организации видеонаблюдения. Запрещено скрытое наблюдение с использованием специальных технических средств, за исключением тех случаев, когда оно проводится компетентными государственными органами в целях оперативно-розыскной деятельности.

3. Нарушение правил установки систем видеонаблюдения и использования его в организации влечет юридическую ответственность виновных в этом лиц, кроме того, лишает материалы видеосъемки качества допустимого в юрисдикционном процессе доказательства.

Пристатейный библиографический список

1. Стюфеева И. В. Труд под присмотром // Подготовлен для справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2015.
2. Колинко А. Всевидящее око работодателя // ЭЖ-Юрист. 2016. № 14.
3. Документ подготовлен для справочной правовой системы «КонсультантПлюс», 2017.
4. Пластинина Н. Вводим систему видеонаблюдения на предприятии // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2012. № 8.
5. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 439.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 3.
7. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
8. БВС РФ. 2005. № 4.
9. СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
10. Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 2013. № 36.
11. Чижов Б. А. Вопрос-ответ // Отдел кадров коммерческой организации. 2015. № 1.
12. Документ подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2017.
13. Патракеев С., Дмитриев Д. Видеонаблюдение: юридические аспекты // Трудовое право. 2012. № 6.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.
15. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
16. СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
17. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
19. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Уваева М. Споры вокруг служебной информации // Трудовое право. 2016. № 3.

21. Журавлев М. С. Персональные данные в трудовых отношениях: допустимые пределы вмешательства в частную жизнь работника // Информационное право. 2013. № 4.

References

1. Styufeeva I. V. *Trud pod prismotrom [Work under supervision]* // Podgotovlen dlya spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus», 2015.
2. Kolin'ko A. *Vsevidyashchee oko rabotodatelya [The All-Seeing Eye of the Employer]* // EHZH-YUrist. 2016. № 14.
3. *Dokument podgotovlen dlya spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tant Plyus», 2017.*
4. Plastinina N. *Vvodim sistemu videonablyudeniya na predpriyatii [We introduce a video surveillance system at the enterprise]* // Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya. 2012. № 8.
5. *Konstituciya Rossijskoj Federacii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 [Constitution of the Russian Federation, adopted by popular vote 12.12.1993]* // SZ RF. 2014. № 31. St. 439.
6. *Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ [The Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ]* // SZ RF. 2002. № 1 (CH. 1). St. 3.
7. *Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tant Plyus».*
8. BVS RF. 2005. № 4.
9. SZ RF. 2006. № 31 (ch. 1). St. 3451.
10. *Ehkonomika i zhizn' (Buhgalterskoe prilozhenie). 2013. № 36.*
11. Chizhov B. A. *Vopros-otvet [A question-answer]* // Otdel kadrov kommercheskoj organizacii. 2015. № 1.
12. *Dokument podgotovlen dlya sistemy Konsul'tantPlyus, 2017.*
13. Patrakeev S., Dmitriev D. *Videonablyudenie: yuridicheskie aspekty [Video surveillance: legal aspects]* // *Trudovoe pravo. 2012. № 6.*
14. *Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ]* // SZ RF. 2002. № 1 (CH. 1). St. 1.
15. *Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ]* // SZ RF. 1996. № 25. St. 2954.
16. SZ RF. 1995. № 33. St. 3349.
17. *Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ]* // SZ RF. 2002. № 46. St. 4532.
18. *Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ]* // SZ RF. 2001. № 52 (CH. 1). St. 4921.
19. *Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tant Plyus».*
20. Uvaeva M. *Spory vokrug sluzhebnoj informacii [Disputes about official information]* // *Trudovoe pravo. 2016. № 3.*
21. Zhuravlev M. S. *Personal'nye dannye v trudovyh otnosheniyah: dopustimye predely vmeshatel'stva v chastnyuyu zhizn' rabotnika [Personal data in labor relations: permissible limits of interference in the private life of an employee]* // *Informacionnoe pravo. 2013. № 4.*

ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СМЕНЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

**ВОСКРЕСЕНСКИЙ
Фёдор Александрович**
аспирант кафедры уголовного
процесса, правосудия
и прокурорского надзора
юридического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова (г. Москва),
voskresensky@mail.ru.

Актуальность статьи обусловлена характерным для новейшей истории перманентным реформированием российского уголовного судопроизводства. В 2001 г. был принят новый УПК РФ, ряд институтов которого представляют трудно сочетаемые друг с другом элементы континентальной и англосаксонской моделей уголовного процесса. Указанное предопределяет необходимость научного осмысления действующего УПК РФ с использованием исторического и сравнительно-правового методов исследования, анализ его нормативных положений с точки зрения смены идеологических установок процесса. В статье анализируются идеологические изменения российского уголовного судопроизводства в 90-х гг. XX в., процедура принятия УПК РФ, а также изменения, внесенные в Кодекс за последние 15 лет. Рассмотрение позиций авторов Кодекса показало, что масштабная реформа законодательства имела своей целью смену идеологии уголовно-процессуальной деятельности в Российской Федерации. По мнению автора, произошла замена характерного для континентальной модели понимания уголовного процесса как средства установления материальной (объективной) истины на уголовный процесс как средство разрешения спора. Следовательно, на первое место был выдвинут принцип состязательности, дающий участникам уголовно-правового спора инструменты для его разрешения. Указанное проявляется в акценте на права и свободы подозреваемого и обвиняемого лица, а также в расширении диспозитивности и дискреционного усмотрения участников судопроизводства. Происходит перманентный рост количества институтов, позволяющих разрешить уголовное дело на основе усмотрения сторон вне зависимости от точного установления обстоятельств совершенного деяния. Осознание смены идеологических установок действующего уголовно-процессуального законодательства позволяет оценить направление реформирования его содержания.

**Уголовное судопроизводство;
материальная истина;**

**состязательность;
идеология уголовного процесса;**

**диспозитивное и дискреционное
усмотрение участников процесса**

**Fyodor A.
VOSKRESENSKIY**

the post-graduate student of the
Criminal Procedure, Justice and
Public Prosecutions Chair of the Law
Faculty of the Lomonosov
Moscow State University (Moscow),
voskresensky@mail.ru.

THE PROBLEMS OF TRUTH THROUGH THE PRISM OF THE CHANGE OF IDEOLOGICAL ORIENTATIONS OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

The relevance of the article is due to the permanent reform of the Russian criminal justice system, which is characteristic of modern history. In 2001, the new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation was adopted, a number of institutions of which represent the elements of the continental and Anglo-Saxon models of the criminal process that are difficult to reconcile with each other. This predetermines the need for scientific reflection on the current Code of Criminal Procedure with the use of historical and comparative legal methods of research, and an analysis of its regulatory provisions in terms of changing ideological attitudes of the process. The article analyzes the ideological changes in Russian criminal justice in the 1990s, the procedure for the adoption of the Code of Criminal Procedure, as well as the changes made to the code over the past 15 years. Consideration of the positions of the authors of the Code showed that a large-scale reform of the legislation was aimed at changing the ideology of criminal procedural activity in the Russian Federation. There was a substitution, characteristic of the continental model of understanding the criminal process, as a means of establishing material (objective) truth, the criminal process as a means of resolving the dispute. Consequently, in the first place was put forward the principle of competitiveness, giving participants a criminal law dispute, the tools for its resolution. This is manifested in an emphasis on the rights and freedoms of the suspect and accused person, as well as in expanding the discretionary and discretionary discretion of the participants in the proceedings. There is an increase in the number of institutions that allow to resolve a criminal case on the basis of the discretion of the parties, regardless of the precise establishment of the circumstances of the committed act. Awareness of the change of ideological attitudes of the current criminal procedural legislation makes it possible to assess the direction of reforming its content.

**Criminal justice;
material truth;**

**competitiveness;
ideology of the criminal process;**

**discretionary and dispositive rights
of the participants in the process**

УДК 343.1

Российский уголовный процесс традиционно функционировал и развивался в рамках континентальной (смешанной) модели уголовного судопроизводства, для которой характерен принцип материальной или объективной истины, что предопределяет нормативное закрепление обязанности органов предварительного расследования и суда осуществить полное, всестороннее и объективное предварительное расследование уголовного дела и аналогичное судебное разбирательство. От правоприменителя требуется досконально установить обстоятельства совершенного преступления, дать им объективную правовую оценку и вынести справедливый приговор. Уголовный процесс понимается как познавательная деятельность, состоящая из ряда стадий, каждая из которых имеет свои локальные задачи, которые могут не носить познавательного характера (например, стадии предания суду или исполнения приговора), но их совокупность должна обеспечить уголовно-процессуальное познание, осуществляемое путем доказывания и имеющее своей целью установление фактических обстоятельств совершенного преступления. Таким образом, мы имеем дело с поступательным движением от незнания к знанию; от получения первичной, чаще всего неполной и противоречивой информации о признаках совершенного преступления, к вынесению приговора лицу, виновному в его совершении. В приговоре отражаются итоги процессуального познания, формулируются фактические обстоятельства совершенного преступления, составляющие предмет доказывания, а также доказательства, положенные в основу решения. Итоговым решением по делу может быть и не приговор. Возможны иные варианты окончания уголовного судопроизводства, например постановление о прекращении уголовного дела по различным основаниям. Тем не менее принцип материальной (объективной) истины, или полного, всестороннего и объективного расследования обстоятельств дела, предполагает мотивированное и обоснованное итоговое решение правоприменителя, в котором раскрываются доказательства, из коих следует установление фактических обстоятельств дела. Уголовно-процессуальное законодательство в рамках такой модели призвано реализовать указанные целевые установки. На нормативном уровне это предполагает наличие специального органа (должностного лица) с возложением на него обязанности полно, всесторонне и объективно рассмотреть дело. Понятие «объективная истина», или просто «истина», как было нормативно сформулировано в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., а также уголовно-процессуальных кодификациях советского периода, выбрано в виде терминологического символа, обозначающего соответствие результата уголовно-процессуального познания

фактически имевшим место обстоятельствам преступления. Ряд ученых критикует это понятие за принадлежность к философской терминологии, что заслуживает отдельного разговора. Мы же зафиксируем для себя гораздо более простое уголовно-процессуальное понимание истины, указанное выше, что позволит отойти от неразрешимых философских проблем.

Англо-саксонская модель уголовного судопроизводства традиционно развивалась на других концептуальных основаниях. Она базируется на доктрине разграничения процессуальных функций и теории спора сторон перед судом. Отсюда следует, что более важным является не достоверное установление фактических обстоятельств совершенного преступления, а разрешение правового спора (конфликта) между сторонами обвинения и защиты. Судопроизводство строится в четком состязательности, которая выражается в четком разделении участников на стороны, которые презюмируются равноправными. Каждая из сторон формирует свой комплект доказательств, который представляет перед независимым и объективным судом, призванным оценить их и вынести по делу итоговое решение. Суд играет пассивную роль, самостоятельно не осуществляет поиск доказательств и не занимается установлением фактических обстоятельств дела. Ответы на вопросы — кто, когда, каким образом, при каких обстоятельствах совершил или не совершил преступление — суд получает исходя из данных, представленных сторонами. Поэтому задача суда — создать для сторон условия для представления своих доказательств, отвечающих на указанные вопросы, объективно оценить их и вынести итоговое решение, в котором суд констатирует, доказательства какой стороны признаны более весомыми и могут быть положены в основу принятого решения. Следовательно, именно в пользу указанной стороны принимается итоговое процессуальное решение, обладающее всеми признаками окончательного (*res judicata*). Согласно общемировой тенденции последнего времени понятие *res judicata*, скорее, связывается именно с фактом, который в уголовно-правовом смысле содержит признаки преступления.

Заметим, что в итоговом решении по делу зачастую не отражается анализ доказательств, из которых вытекают те или иные зафиксированные факты. В американских судах даже существует практика изготовления итогового решения по делу только в случае соответствующего ходатайства одной из сторон, не согласной с принятым решением и намеренной обжаловать его в вышестоящую инстанцию. Мотивировка в таком случае приводится, чтобы обосновать решение перед вышестоящей судебной инстанцией. В иных случаях решение просто фиксируется в протоколе и оглашается судьей устно.

Подобная практика, кстати, вводится и в нашей стране, пока правда только в рамках гражданского процесса [1].

Итоговое постановление суда в англо-саксонской модели призвано не обеспечивать понимание оснований принятия того или иного решения, т. е. итог уголовно-процессуального познания, а в первую очередь выступает как резолютирующий документ, призванный зафиксировать исход уголовного дела, обусловленный правоотношениями сторон процесса. При этом доказанность фактических обстоятельств отходит на второй план. Главное — разрешить правовой спор, конфликт, незавершенное наличие которого противоречит общественной пользе и правопорядку. Указанная модель уголовного процесса носит во многом частноправовую, сходную с гражданско-процессуальными отношениями природу. Решение выносится для конкретных сторон в процессе, оно обусловлено их действиями и направлено на удовлетворение их правовых притязаний. Как следствие, публичные интересы постепенно затушевываются и начинают носить второстепенный характер.

Понимание сущности процесса как состязательного взаимоотношения сторон и суда не ново и для России. Представление о том, что возникновение и развитие процессуального производства как по гражданским, так и по уголовным делам, обусловлено наличием материально-правового спора между сторонами, высказывались еще до-революционными учеными. Суд же как в первом, так и во втором случае, призван разрешить материально-правовой спор или притязание. В свое время И. В. Михайловский утверждал, что единственной задачей суда (уголовного) должно быть признано разрешение спора между государством, предъявляющим обвинение и доказывающим существование в каждом данном случае свое карательное право, и личностью [2, с. 89]. Однако в целом с момента принятия в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства российский уголовный процесс развивался в рамках континентальной парадигмы. Начиная с 90-х гг. XX в. на волне серьезного реформирования нашего общества произошла значительная перестройка уголовно-процессуальной сферы. Новый курс на либерализацию, создание механизмов рыночной капиталистической экономики, западной модели развития не могли не сказаться и на правовой материи.

Постановлением Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 была принята Концепция судебной реформы в РСФСР [3], содержащая жесткую критику советской модели и провозглашавшая, что уголовный процесс планируется строить на началах состязательности. В разделе, посвященном назначению суда и его месту в системе правоохранительных органов, прямо указано, что суд в первую очередь

является средством разрешения споров о праве и устранения юридических неопределенностей. Принцип состязательности и равноправия сторон был закреплен в ст. 123 Конституции [4]. Указанные идеи реализуются путем четкого разделения участников уголовного производства на две стороны — защиты и обвинения, которые предполагаются максимально уравненными в своих правах и способах влияния на процесс. Конституционный Суд РФ, действуя в рамках указанной концептуальной парадигмы, принял в 90-х гг. XX в. целый ряд эпохальных решений, закреплявших практические механизмы реализации принципа состязательности и равноправия сторон в уголовно-процессуальной деятельности. Самое главное, Конституционный Суд РФ попытался стереть различия между полностью состязательным уголовным судопроизводством и действием принципа состязательности в смешанной модели процесса [5, с. 9–10]. Акцент был перенесен с публичных интересов на частные, что выразилось в расширении и внедрении институтов защиты прав человека и гражданина.

В первую очередь указанные процессы были направлены на защиту интересов лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Обвиняемому и его защитнику были предоставлены многочисленные права, позволяющие существенным образом влиять на ход уголовного процесса. Идея увеличения возможностей диспозитивного усмотрения обвиняемого, расширения его прав проходит красной нитью сквозь законодательное регулирование уголовного процесса, ведь состязательность невозможна без равенства прав сторон.

Другой тенденцией последнего времени, направленной на скорейшее разрешение уголовно-правового конфликта, является идея расширения принципа целесообразности в действиях должностных лиц в противовес принципу легальности, традиционному для российской правовой доктрины. Напомним, что еще 17 сентября 1987 г. на 410-м заседании Комитета министров Совета Европы была принята Рекомендация № 6 R (87) 18 относительно упрощения уголовного правосудия [6, с. 116–122.]. В соответствии с данными Рекомендациями приоритетами уголовной политики являются активное применение принципа дискреционного судебного преследования и суммарных (упрощенных) судебных процедур. Правительствам государств — членом Совета Европы предложено: принять все необходимые меры для внедрения принципа дискреционного судебного преследования или расширить его применение; применять упрощенное производство, (внесудебные) мировые сделки и упрощенные процедуры; упростить обычные судебные процедуры; закрепить в законе полномочия отказаться от судебного преследования и прекратить его по дискреционным причинам;

выносить решение об отклонении преследования по этому принципу, если у преследующего органа есть адекватное доказательство вины; расширить список дел, возбуждение преследования по которым зависит от условия (в частности, когда интересы общества не преобладают, просьба или согласие пострадавшего может быть условием для преследования); вменить судьям временно откладывать производство или прекращать его по делам и в соответствии с процедурами, подобными тем, что практикуют обвинительные органы по системе дискреционного преследования, закрепить это законодательно; установить, что назначаемые меры наказания в первую очередь должны носить материальный характер; исключить все излишние формальности, а в письменном решении фиксировать только ту информацию, на которой настаивают стороны.

Указанные принципиальные позиции, направленные на реализацию различных способов оптимизации уголовного процесса, в целом более характерны для англо-саксонской правовой системы. Выражаемые различными способами, в том числе через реализацию идей восстановительной юстиции, они указаны и в иных международных актах, определяющих унифицированные стандарты уголовного судопроизводства. Например, в Рекомендациях того же Совета Европы от 15.09.1999 № R (99) 19, от 06.10.2000 № R (2000) 19 или от 28.06.1985 № R 85 (11), в которых государствам-членам предложено изучить возможные преимущества схем примирения и посредничества [6, с. 114–116]. Общемировой тенденцией последнего времени является их все более активное внедрение и расширение (например, постановление Европейского суда по правам человека от 10.01.2012 «Ананьев и другие против России» (жалоба № 42525/07, 60800/08), в котором указано, что Российской Федерацией должны быть предприняты меры для полной имплементации принципов, изложенных в Рекомендации № 6 R (87) 18, об упрощении уголовного правосудия, что предусматривает, что государства-участники, принимая во внимание собственные конституционные принципы и правовые традиции, применяют принцип дискреционного усмотрения преследования (или мер, имеющих ту же цель) и используют упрощенные процедуры и внесудебное урегулирование в качестве альтернативы преследованию в уместных случаях в целях избежания полной уголовной процедуры).

Таким образом, идеология уголовного процесса как способа разрешения уголовно-правового конфликта в настоящее время является доминирующей на мировой арене. Российская Федерация, присоединившаяся 21 февраля 1996 г. к Уставу Совета Европы и ратифицировавшая 5 мая 1998 г. Конвенцию о защите прав человека и основным

свобод (Рим, 04.11.1950) [7, с. 3–44], признавая таким образом юрисдикцию Европейского суда по правам человека, не может строить собственный уголовный процесс в отрыве от общемировых и тем более общеевропейских тенденций. В соответствии с ними состязательность — «это уже не пустая фраза, к которой мы привыкли, это равноудаленность сторон от суда, иное положение суда в новом судопроизводстве, т.е. главное, что должно составлять не только идеологию уголовного процесса, но и суть повседневной процессуальной деятельности» [8, с. 102]. Задача, по нашему мнению, состояла в том, чтобы четко разделить всех участников уголовного судопроизводства на стороны обвинения и защиты, затем максимально уравнивать их правовое положение и, насытив процесс соответствующими институтами, обеспечить им возможность при их желании разрешить уголовно-правовой конфликт путем взаимовыгодных договоренностей.

Этому процессу активно способствовало заимствование новым российским законодательством западных правовых институтов, что обеспечивали многочисленные иностранные эксперты, принимавшие участие в разработке отечественного уголовного-процессуального законодательства в 90-е гг. XX в., в первую очередь в рамках Программы правовых инициатив для стран Центральной и Восточной Европы Американской ассоциации юристов (ABA CEELI).

Проблема заключается в имеющихся различиях между континентальной и англо-саксонской правовыми системами. Североамериканские эксперты, подходящие к процессу как способу разрешения правового конфликта, естественно, будут активно ратовать за развитие идей состязательности, откуда вытекает акцент на правах участников со стороны защиты. Это очевидно, так как на стороне обвинения находится вся мощь государственной машины — органы полиции, следствия, прокуратуры, — противостоящая обвиняемому и его адвокату. Положение не равнозначное, поэтому для развития институтов, позволяющих разрешить правовой спор, необходимо постараться уравнивать стороны в способах влияния на процесс. Кроме того, при подобном подходе априори предполагается, что такие участники уголовного судопроизводства, как следователь, прокурор на досудебных стадиях и государственный обвинитель в суде заинтересованы и действуют против интересов обвиняемого. Отношение к органам предварительного расследования и суду как к карательной машине, деятельность которой направлена на подавление и осуждение обвиняемого, подчеркивалась разработчиками Концепции судебной реформы и УПК РФ [9]. Соответственно, уголовно-процессуальное законодательство в первую очередь понимается как способ реализации и защиты прав и свобод участников судопроизвод-

ства, а механизм установления фактических обстоятельств преступления отходит на второй план. При таком подходе права обвиняемого действительно выдвигаются на первый план, а право на защиту становится фундаментальным.

Но в парадигме континентального мышления и следователь, и прокурор, неважно, выступает ли он в качестве надзирающего за следствием или поддерживающего государственное обвинение, являются должностными лицами, обязанными рассматривать дело объективно, не отдавая предпочтения обвинительным или оправдательным доказательствам. Тем более они, как представители власти, принимающие решения, определяющие дальнейшее движение дела, дают присягу действовать в интересах народа. Следовательно, они обязаны *ex officio* устанавливать истину вне зависимости от набора прав, предоставленных обвиняемому и защитнику.

В связи с этой разницей в понимании самого процесса возникает путаница и в понимании места и роли в нем сторон. При построении уголовного процесса вокруг цели установления объективной истины состязательность расценивается лишь как один из способов, призванных обеспечить желаемый результат. Всего лишь один из многих наряду, например, с презумпцией невиновности, свободой оценки доказательств или публичностью, причем не самый существенный и определяющий. Отрицать необходимость наличия и реализации принципа состязательности в процессе было бы контрпродуктивно. При этом та же публичность имеет гораздо более важное значение, потому что только в перспективе защиты от необоснованного обвинения и реализации публичных интересов, точное установление фактических обстоятельств совершенного преступления играет основополагающую роль. В случае же, если мы считаем, что главной целью является разрешение правового конфликта, состязательность выходит на первый план, так как четко делит участников процесса на два противоположных лагеря, что позволяет им путем взаимодействия определять итоговое решение по делу.

В этом ключе можно расценить изменения, перманентно вносимые в УПК РСФСР [10] с начала 90-х гг. В первую очередь это касается производства в суде присяжных, введенного Законом РФ от 16.07.1993 № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях» [11], осуществляемого только по заявлению обвиняемого. В ст. 429 «Состязательность в суде присяжных» суду предписывалось создать сторонам необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела, но ничего не говорилось об обязанностях по иссле-

дованию доказательств самих профессиональных судей. Позднее был принят Федеральный закон от 21.12.1996 № 160-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации» [12], также существенно расширяющий права участвующих в деле лиц. Так, прекращение уголовного дела, регламентируемое ст. 6–8 УПК РСФСР вследствие изменения обстановки, в связи с деятельным раскаянием и в отношении несовершеннолетнего с применением мер воспитательного воздействия, стало возможным только с согласия обвиняемого. Статья 9 изложена в новой редакции и стала регламентирует прекращение в связи с примирением с потерпевшим только с согласия потерпевшего и обвиняемого. Привлечение к уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных гл. 23 УК РФ [13], стало возможным только по заявлению коммерческой или иной организации (ст. 27.1 УПК РСФСР), а рассмотрение вышестоящим судом уголовного дела, подсудного нижестоящему суду, — только при наличии ходатайства обвиняемого (ст. 40 УПК РСФСР).

На протяжении 80–90-х гг. XX в. активно обсуждались вопросы, касающиеся принятия нового российского УПК, работа над которым особенно активно развернулась во второй половине 90-х гг. Основные обсуждения касались изменения содержания процессуальных норм, регулирующих функционирование основных институтов с учетом выхода на главные позиции принципа состязательности и равноправия сторон. На первых порах принцип объективной истины не ставился под сомнение, хотя тенденция к его ослаблению в той же Концепции судебной реформы прослеживается невооруженным глазом. Какое-либо упоминание об этом до недавнего времени краеугольном принципе уголовного процесса в перечне задач и основных идей, вокруг которых строится Концепция, отсутствует. В противовес объективной истине развитие получает теория так называемой «юридической» или «процессуальной» истины [14, с. 37].

Несмотря на указанную тенденцию, 6 июня 1997 г. Государственной Думой в первом чтении был принят проект УПК РФ, в котором принцип полноты, всесторонности и объективности расследования дела сохранился [15, с. 173]. Законопроект, подготовленный рабочей группой под руководством депутата Государственной Думы В. В. Киселева, представлял собой попытку сбалансировать принципы объективной истины и состязательности. Однако в дальнейшем концептуальный вектор законотворческой работы изменился. 26 октября 2000 г. был утвержден новый список членов временной рабочей группы, осуществлявших подготовку проекта УПК

РФ, ее руководителем была назначена заместитель председателя комитета по законодательству Е. Б. Мизулина. В указанный список вошли сторонники перехода к полностью состязательной модели уголовного процесса [8, с. 324].

Новая рабочая группа очень внимательно изучала зарубежное законодательство, активно использовала его при подготовке, тем более что методическое и экспертное обеспечение деятельности осуществлялось американскими специалистами, принимавшими непосредственное участие в работе над УПК РФ. И это не случайно, так как именно в американском процессе понимание уголовного судопроизводства как средства разрешения уголовно-правового конфликта достигло своего апогея, что выражается в тотальном распространении в США института сделки с правосудием, в рамках которого принимаются решения более чем в 96 % уголовных дел. Суть сделки, прагматично и совместно вырабатываемой сторонами защиты и обвинения, — добиться выгодных для себя результатов процесса. Обвиняемому выгодно договориться с прокурором, получить от него гарантии наиболее благоприятного для себя размера и вида наказания. С другой стороны, прокурору выгодно получить от обвиняемого признание вины, что позволяет не раскрывать маховик судебного судопроизводства, добиться обвинительного приговора и сэкономить государственные средства. В данном случае строгие процессуальные соображения не играют существенной роли — вопросы точной квалификации, правильного выяснения всех обстоятельств преступления, что необходимо для вынесения справедливого решения и очевидно для российской и континентальной моделей. Дискреционное усмотрение правоприменителя возведено в абсолюте. Указанная ситуация является иллюстрацией преимущества процессуального права по отношению к материальному. Ведь вопросы квалификации и наказания традиционно относятся к материальному праву, да и сам уголовный процесс является формой выражения материального права, которое традиционно в российской науке считается первичным. Разрешение вопросов материального права в зависимости от позиций сторон по делу меняет традиционную для континентальной системы связку, в которой право (сущность) определяет процесс (форму). Представляется, что увеличение диспозитивности действий частных лиц и дискреции должностных лиц при принятии процессуальных решений по делу является прямым следствием примата состязательности и равноправия сторон в процессе. Корни системы сделок следует искать в истоках англосаксонской юриспруденции, где судебное следствие осуществляется главным образом для решения общественных конфликтов и установления общественного спокойствия, в то

время как определение истины является лишь второстепенным средством для осуществления этих целей [16, с. 35–37].

В ходе подготовки ко второму чтению и парламентских слушаний по обсуждению отдельных разделов проекта УПК, проходивших в Государственной думе 16 января 2001 г., обсуждались вопросы проведения предварительных слушаний и введения в уголовный процесс сокращенных порядков судебного разбирательства. Новой рабочей группой к этому времени уже был предложен законопроект, в котором предлагалось ввести разд. IX «Особый порядок судебного разбирательства», в котором предусматривались гл. 38.1 «Сокращенное судебное разбирательство», гл. 38.2 «Особый порядок принятия судебного решения при наличии согласия подсудимого с предъявленным ему обвинением»; гл. 38.3 «Срочное судебное разбирательство» и гл. 38.4. «Уголовные приказы» [15, с. 757–774]. Обосновывающие необходимость внедрения указанных правовых институтов эксперты Американской ассоциации юристов (АВА), принимавшие участие в рабочей группе: Стивен Тейман (Доктор юриспруденции, профессор Сент-Луисского университета США) и Уильям Бернхем (Профессор права Университета штата Мичиган), совершенно справедливо указывали российским парламентариям, что расширение объема применения сокращенных процедур является общемировой тенденцией для стран с традиционно инквизиционной (по терминологии ученых Англии и США) моделью построения процесса. Подобные институты были внедрены в УПК Венесуэлы 1998 года, УПК Италии 1988 года, дополненный в этом же направлении поправками 1998 года. В Испании принят закон о присяжных и о сокращенной процедуре. Также и в Германии существует определенного рода сделка с правосудием, заключаемая с согласия обвиняемого. Задача применения сокращенных порядков заключается в достижении большего контакта между прокурором, потерпевшими и обвиняемым с целью максимально упростить процесс [14, с. 467–525]. Примечательно, что ни в Италии, ни в Испании при сокращенных производствах обвиняемый не говорит, что признает себя виновным. Он просто выражает свою позицию, что считает доказательства достаточными для своего осуждения. То же и в США: обвиняемое лицо делает заявление, что «не в состоянии оспаривать обвинение». Это дает основание вынести обвинительный приговор и завершить рассмотрение дела [14, с. 488]. В логике процесса, как средства разрешения спора, волеизъявление обвиняемого в такой форме вполне закономерная практика, вызывающая недоумение лишь при понимании процесса как средства установить истину, т. е. действительную виновность или невиновность обвиняемого лица.

Такое обилие упрощающих уголовный процесс институтов в 2001 г. еще вызвало закономерное противодействие участников слушаний, слишком уж радикальной казалась перестройка, поэтому в окончательной редакции УПК РФ сохранился только институт, предусмотренный гл. 40. Понятно, что задача данного института сугубо утилитарная — разгрузить судебную систему и максимально снизить количество уголовных дел, рассматриваемых в общем порядке. Фактически это наиболее действенный механизм разрешения правового спора. При такой парадигме цель уголовного производства, традиционно понимаемая в обществе как утверждение справедливости, для чего, собственно говоря, и необходимо установление объективной истины, смещается на утверждение уже не социальной, а юридической справедливости, выражающейся в разрешении уголовного дела в соответствии с нормативными предписаниями, зачастую в отрыве от фактически имевших место обстоятельства преступления. Иллюстрацией такого понимания процесса является высказывание Г. М. Резника: «Давайте осознаем, что примирение сторон, консенсус обвинения и защиты значительно социально полезнее, чем трата денег на добывание истины — установление, например, того, что в данном случае была не кража, а грабеж» [17, с. 155].

В результате в проекте УПК РФ, принятом во втором чтении 20 июня 2001 г., принцип объективной (материальной) истины уже был исключен. Учитывая, что именно в нем во многом выражается суть публичности и примата интересов общества, факт строительства российского уголовного процесса на частно-исковой платформе, обеспечивающей формальное равенство сторон, а не установление действительной картины происшедшего, налицо. А задача обеспечения равенства сторон предопределяет технологический характер УПК РФ как механизма недопущения осуждения, нарушения прав и свобод невиновного лица. Но обеспечение формального равенства сторон путем расширения прав стороны защиты, а также создание и внедрение процессуальных механизмов разрешения дела являются не целью, а, пожалуй, главным средством разрешения дела, причем не по существу, а формально, исходя только из процессуальных оснований.

Диспозитивные начала в УПК РФ получили свою реализацию и в рамках досудебного производства, но в большей мере в ходе производства в суде первой инстанции. Помимо реализации положений гл. 40 именно от участников процесса во многом зависят вопросы о проведении предварительных слушаний, прекращении уголовного дела за примирением с потерпевшим, выборе форм уголовного судопроизводства, количество которых постепенно расширяется. Возросший

уровень диспозитивности в области доказательственного права, особенно на стадии судебного разбирательства, проявляется:

1) в признании недопустимыми показаний подозреваемого, обвиняемого, данных на предварительном следствии, простым неподтверждением их этим лицом в суде (п. 1 ч. 2 ст. 75);

2) в отсутствии возражений сторон против заявленного в суде ходатайства об исключении из числа доказательств как достаточного основания для исключения соответствующих доказательств (ч. 5 ст. 234);

3) в возможности обсуждения вопроса о допустимости ранее исключенного доказательства лишь по ходатайству стороны (ч. 7 ст. 235);

4) в праве стороны защиты формировать список свидетелей, экспертов и специалистов, подлежащих вызову в суд для допроса и подтверждения позиции защиты (ч. 4 ст. 217, п. 6 ч. 1 ст. 220);

5) в установлении участвующими в деле лицами (как со стороны защиты, так и со стороны обвинения) порядка исследования доказательств (ст. 274);

6) в обязанности суда удовлетворить ходатайство стороны о допросе свидетеля или специалиста при условии, что явка в суд указанных лиц обеспечена (ч. 4 ст. 271);

7) в обязательности согласия подсудимого в качестве необходимого условия для допроса его первым (ч. 1 ст. 275);

8) в обязательности ходатайства сторон об оглашение показаний подсудимого, данных при производстве предварительного расследования, а также воспроизведения приложенных к нему материалов в предусмотренных ч. 1 ст. 276 случаях;

9) в обязательном согласии стороны на оглашение данных на стадии предварительного расследования показаний потерпевшего и свидетеля при их неявке в суд, за исключением перечисленных в ч. 2 ст. 281 случаев, когда такое согласие не требуется (ч. 1 ст. 281);

10) в праве участников процесса как со стороны защиты, так и со стороны обвинения, по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату представить суду письменные формулировки по вопросам, указанным в п. 1–6 ч. 1 ст. 299 (ч. 7 ст. 292) [18].

Что касается дискреционного усмотрения участников со стороны обвинения, то наиболее выпукло в судебных стадиях она проявляется в обязательном для суда согласии с отказом государственного обвинителя от поддержания обвинения, однозначно влекущим прекращение уголовного дела (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Не будем забывать и о действовавшей до 2009 г. ч. 9 ст. 246 УПК РФ, которая запрещала пересмотр постановления суда о прекращении дела в связи с отказом прокурора от обвинения.

Учитывая системный характер УПК РФ, развившийся в изменении сущности уголовного

судопроизводства, его разработчиками осуществлено незамедлительное введение в действие мониторинга принятого закона в 2002–2003 гг. Данная процедура была направлена на анализ правоприменительной практики и понимания правоприменителями формируемой направленности уголовного процесса. Как пояснили разработчики, главная задача — определение допустимого коридора отклонения от мыслительного концепта; мониторинг законодательной и правоприменительной практики возможен только в случае реализации концептуального закона [19, с. 55]. Данный процесс, по Т. Куну, скорее, напоминает реконструкцию области на новых основаниях, реконструкцию, которая изменяет отдельные наиболее элементарные теоретические обобщения в данной области, а также многие методы и приложения парадигмы [19, с. 56]. Один из участников мониторинга — Л. Н. Масленникова — указывает, что интерес становится главной пружиной, приводящей в действие механизм функционирования уголовного судопроизводства [20, с. 562]. А главный процессуальный интерес, выражающий назначение уголовного судопроизводства, указан в ст. 6 УПК РФ. Об установлении истины там нет ни слова. «Суть диспозитивного начала может быть выражена формулой: защита своего интереса, т. е. интереса принадлежащего конкретной личности, своими средствами (субъективные права их выражают) на основе собственного волеизъявления субъекта. Именно волеизъявление субъекта определяет, составит ли диспозитивное начало содержание публичного или частного начал» [20, с. 566].

По нашему мнению, произошел переход от фактов, дающих истинную информацию, которая затем фиксируется в итоговом процессуальном решении, к информации как результату договоренностей сторон, отраженной в итоговом процессуальном решении, считающейся истинным отражением фактов. Разрешение дела автоматически свидетельствует об истинности содержащихся в итоговом процессуальном решении сведений, в основу которых положены не объективные доказательства, а усмотрение представителей обвинения и защиты. Действительно, расследование любого уголовного дела и обвинение лица в совершении преступления порождают неопределенность, лицо либо виновно, либо нет. Задача суда в данном случае снять эту неопределенность и решить дело. Традиционно в континентальном процессе указанное разрешение связывалось с достоверным установлением фактических обстоятельств дела, что давало возможность, правильно применить нормы материального права, т. е. разрешить вопрос по существу. В этом смысле материальная истина, или, как ее называли в советский период, объективная истина, — это истина существа дела. И истиной она является постольку,

поскольку правильно устанавливает это самое существо, т. е. вопросы преступления и наказания, которые относятся к материальному уголовному праву. По мнению же разработчиков УПК РФ, вступивший в законную силу приговор истинен не потому, что им установлена объективная истина, т. е. решено существо дела, а потому, что он вступил в законную силу [21, с. 83]. Соответственно, инструментарий уголовно-процессуальных институтов развивается в сторону расширения возможностей вынесения итогового решения без установления этой самой истины, достижение которой конечно является возможным, но отнюдь не необходимым элементом для разрешения дела.

В последующие 15 лет развитие новой идеологии осуществлялось путем принятия законов, постепенно расширяющих объем институтов, позволяющих разрешить дело с помощью договоренностей сторон. Изначально в проекте УПК РФ предусматривалась возможность рассмотрения в особом порядке уголовных дел, максимальное наказание за совершение которых не превышает трех лет лишения свободы. В первоначальной редакции УПК РФ этот срок был установлен в пять лет (по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести). В 2003 г. Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [22] особый порядок был распространен на уголовные дела о тяжких преступлениях (максимальное наказание за совершение которых не превышает десяти лет лишения свободы). Интересно отметить, что особый порядок судебного разбирательства после принятия нового УПК РФ применялся судами очень осторожно. Но, после того как правоприменитель осознал выгодность этого института для следствия и суда, количество рассмотренных в таком порядке дел нарастало лавинообразно. Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [23] был введен особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Федеральным законом от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [24] УПК РФ дополнен ст. 28.1, позволяющей в случае возмещения ущерба прекратить уголовное преследование по экономическим преступлениям. Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [25] было введено дознание в сокращенной форме. В 2013 г. Правительством РФ в Государственную Думу внесен законопроект

№ 321865-6, предусматривающий, что обвиняемый может заявить ходатайство об особом порядке судебного разбирательства по делам об особо тяжких преступлениях, за которые предусмотрено наказание до 15 лет лишения свободы. Законопроект принят в первом чтении 20 ноября 2013 г., на него получено положительное заключение Правового управления и Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству.

Хотелось бы обратить внимание на текст предлагаемого законопроекта, согласно которому ч. 1 ст. 314 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «Обвиняемый вправе при наличии согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего заявить о согласии с предъявленным обвинением, в том числе о признании своей вины, характера и размера причиненного вреда, за исключением размера денежной компенсации морального вреда, и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства...». Примечательным, как уже отмечалась, является необязательность для обвиняемого признания своей вины, вполне соответствующая вышеуказанной концептуальной парадигме. Сюда же можно отнести введение в действие в июле 2016 г. возможности прекращения уголовного дела по преступлениям небольшой и средней тяжести при назначении судебного штрафа, а также иные институты, предусматривающие прекращение дела по решению участников процесса (ст. 25–25.1, 28–28.1 УПК РФ).

Конечно, подобные тенденции с самого начала их проявления вызывали настороженность, особенно в научной среде. После принятия УПК РФ это регулярно отмечалось мониторинговой группой, согласно отчетам которой в целом отрицательное отношение традиционной науки (академической, ведомственной и университетской) квалифицировалось как отставание от потребностей практики [19, с. 58]. И ничего удивительного в этом нет. Научная среда традиционно консервативна, она относится с большим недоверием к различным нововведениям. Стоит ли удивляться, что ученые-процессуалисты, воспитанные в рамках незыблемости принципа объективной истины, в большинстве своем не приняли новую уголовно-процессуальную концепцию, активно критикуя ее в научных кругах с момента принятия кодекса [26, с. 12–13; 27, с. 7–14; 28, с. 64–75]. Основания для критики, конечно, существуют, но не стоит забывать, что подобные аргументы базируются только на позиции изначальной имманентности принципа объективной истины правовому сознанию. Если рассматривать уголовное судопроизводство с точки зрения теории уголовного иска, то успешность его реализации определяется фактом разрешенного дела, исчерпанности уго-

ловно-правового конфликта. Да, если мы ставим истину целью процесса, более 80 % уголовных дел, разрешенных судами в Российской Федерации без исследования доказательств, не могут не вызывать озабоченности. Но, если мы ставим целью завершить уголовное дело, быстрее вынести итоговое судебное решение, руководствуясь соображениями процессуальной экономии, все становится на свои места. В сознание судей закладывается мысль, что социальное назначение системы уголовной юстиции заключается в разрешении конфликтов между личностью и государственной властью с наименьшими негативными последствиями для общества [28, с. 14].

Указанное четко осознается практически всеми работниками. Любой следователь, прокурор, судья, адвокат легко ответит на вопрос, что составляет для него цель его работы: чтобы дело как можно быстрее было завершено, а итоговое решение фиксировало результат, в котором заинтересован субъект практики. Необходимо при этом, конечно, чтобы решение не обжаловалось и осталось незыблемым в случае его рассмотрения контролирующей инстанцией. Истинное установление фактических обстоятельств преступления и правильное применение норм материального права носят второстепенный характер. Если проанализировать, какие итоговые процессуальные решения можно вынести по материалам уголовных дел, станет ясно, что полноценное доказывание и на досудебных, и на судебных стадиях осуществляется по сравнительно небольшому их количеству, завершение же большинства из них зависит от волеизъявления сторон. Можно предположить, что именно в этом ключе следует понимать отнесение следователя, руководителя следственного отдела, дознавателя и прокурора к стороне обвинения. Принадлежность стороне, обуславливает наличие интереса, который должен быть удовлетворен. Отнесение лиц, осуществляющих предварительное расследование преступлений (именно эти субъекты в основном занимаются установлением фактических обстоятельств совершенного преступления и того, какими эти обстоятельства будут выглядеть на судебных стадиях), к стороне обвинения неизбежно приведет их заинтересованности именно в обвинительном исходе расследования, позволит объективировать этот интерес. Следовательно, достижение обвинительного приговора или прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям — наиболее желательный результат для данных субъектов, вопросы же достижения материальной (объективной) истины уходят на второй план. Такова, собственно говоря, картина предварительного расследования в настоящее время. Соответственно, общей системной целью является разрешение уголовно-правового спора

силами процессуальных механизмов, что свидетельствует о переориентации приоритетов от материального к процессуальному праву.

Изложенное подтверждается данными судебной статистики. Если взять за 100 % количество уголовных дел, поступивших в суды, и вычесть из их количества прекращенные, возвращенные из суда дела, а также приговоры, вынесенные в так называемых «сокращенных порядках», то общее число дел, рассмотренных судами в обычном ординарном судебном разбирательстве с вынесением приговора, в котором зафиксированы доказательства, положенные в основу решения, составляет примерно 6–8 % [27]. Собственно говоря, это и есть дела, разрешенные на основании собранных по делу доказательств, а не на основании в той или иной форме выраженного усмотрения участников процесса.

По статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2016 г. судами

РФ окончено производство по 963 939 уголовным делам, из которых передано по подсудности — 16 739, прекращено — 211 391 (из которых в связи с примирением с потерпевшим — 160 765, деятельное раскаяние — 14 451, амнистия, изменение закона, отсутствие жалобы потерпевшего, принудительные меры воспитательного воздействия и иные основания — 43 563), рассмотрено по существу — 712 508 (из которых 629 656 — в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ, и 4 121 — в порядке гл. 40.1 УПК РФ). Таким образом, в ординарном судебном разбирательстве, со всеми принципами и гарантиями, где виновность лица определяется на основе имеющихся доказательств, принимаются решения по 61 992 уголовным делам, что составляет 6,4 % от дел, оконченных производством. За шесть месяцев 2017 г. эта цифра составляет порядка 8,2 %. В данном случае мы не говорим о делах, в той или иной форме разрешенных на стадии предварительного расследования.

Пристатейный список

1. ВС внес в ГД законопроект об отказе от мотивировочной части решений по ряду дел // РАПСИ : сайт. URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20180207/281878066.html (дата обращения: 01.08.2018).
2. Михайловский И. В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905.
3. ВСНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.
4. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 439.
5. Божьев В. П. «Тихая революция» Конституционного суда в уголовном процессе Российской Федерации // Российская юстиция. 2000. № 10.
6. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М. : СПАРК, 1998.
7. Бюлетень международных договоров. 2001. № 3.
8. Вицин С. Е. Из выступления на научно-практической конференции «Идеология и практика реформирования уголовного правосудия» (Красноярск, 23 июня 2003 года) // Уроки реформы уголовного правосудия в России : сб. ст. и материалов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. М. : Юристъ, 2006.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.
10. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, принятый Законом РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
11. Рос. вести. 1993. 17 авг.
12. Рос. газ. 1996. 25 дек.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
14. Никитаев В. В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление // Состязательное правосудие. Труды научно-практических лабораторий / отв. ред. Л. М. Карнозова, С. А. Пашин. М., 1996.
15. Выступление Стивена Теймана на парламентских слушаниях в ГД РФ 16 января 2001 года // Уроки реформы уголовного правосудия в России : сб. ст. и материалов. М., 2007.
16. Тейман С. Сделки о признании вины или сокращенные формы судопроизводства: по какому пути пойдет Россия? // Российская юстиция. 1998. № 10.
17. Резник Г. М. Задача УПК обеспечить юридическую справедливость в обществе // Уроки реформы уголовного правосудия в России : сб. ст. и материалов. М., 2007.
18. Белоковыльский М. С. Конфликт и консенсус: некоторые проблемы реализации диспозитивных начал в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2014. № 7.

19. Мизулин М. Ю. Понятие и общие принципы мониторинга как способа контроля за исполнением закона // Уроки реформы уголовного правосудия в России : сб. ст. и материалов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. М. : Юрист, 2006.
20. Масленникова Л. Н. УПК РФ и перспективы развития уголовного судопроизводства в России // Lex Russica (Научные труды Московской государственной юридической академии). 2010. № 3.
21. Мизулина Е. Б. О технологической теории уголовного // Уроки реформы уголовного правосудия в России : сб. ст. и материалов / под ред. Е. Б. Мизулиной и В. Н. Плигина. М. : Юрист, 2006.
22. Рос. газ. 2003. 11 июля.
23. Рос. газ. 2009. 3 июля.
24. Рос. газ. 2011. 9 дек.
25. Рос. газ. 2013. 6 марта.
26. Азаров В. А., Ревенко Н. И., Кузембаева М. М. Функции предварительного расследования в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск, 2006.
27. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009.
28. Зажицкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ: теоретико-правовой анализ. СПб. : Юридический центр Пресс, 2015.

References

1. VS vnes v GD zakonoproekt ob otkaze ot motivirovochnoj chasti reshenij po ryadu del [The Supreme Court introduced a bill in the State Duma to reject the reasoning part of the decisions on a number of cases] // RAPSI : sajt. URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20180207/281878066.html (data obrashcheniya: 01.08.2018).
2. Mihajlovskij I. V. Osnovnye principy organizacii ugolovnogo suda [The basic principles of organization of criminal court]. Tomsk, 1905.
3. VSND i VS RSFSR. 1991. № 44. St. 1435.
4. Konstituciya Rossijskoj Federacii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 // SZ RF. 2014. № 31. St. 439.
5. Bozh'ev V. P. «Tihaya revolyuciya» Konstitucionnogo suda v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii ["Quiet revolution" of the Constitutional Court in the criminal proceeding of the Russian Federation] // Rossijskaya yusticiya. 2000. № 10.
6. Sbornik dokumentov Soveta Evropy v oblasti zashchity prav cheloveka i bor'by s prestupnost'yu. M. : SPARK, 1998.
7. Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2001. № 3.
8. Vicin S. E. Iz vystupleniya na nauchno-prakticheskoj konferencii «Ideologiya i praktika reformirovaniya ugolovnogo pravosudiya» (Krasnoyarsk, 23 iyunya 2003 goda) [Speech at the scientific-practical conference "Ideology and Practice of Criminal Justice reforms"] // Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya v Rossii : sb. st. i materialov / pod red. E. B. Mizulinoj i V. N. Pligina. M. : Yurist, 2006.
9. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ // SZ RF. 2001. № 52 (Ch. 1). St. 4921.
10. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR, prinyatyj Zakonom RSFSR ot 27.10.1960 «Ob utverzhdenii Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR» // Vedomosti VS RSFSR. 1960. № 40. St. 592.
11. Ros. vesti. 1993. 17 avg.
12. Ros. gaz. 1996. 25 dek.
13. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ // SZ RF. 1996. № 25. St. 2954.
14. Nikitaev V. V. Problemnye situacii ugolovnogo processa i yuridicheskoe myshlenie [Problem situations of the criminal process and legal thinking] // Sostyazatel'noe pravosudie. Trudy nauchno-prakticheskikh laboratorij / otv. red. L. M. Karnozova, S. A. Pashin. M., 1996.
15. Vystuplenie Stivena Tejmana na parlamentskih slushaniyah v GD RF 16 yanvarya 2001 goda // Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya v Rossii : sb. st. i materialov. M., 2007.
16. Tejman S. Sdelki o priznanii viny ili sokrashchennye formy sudoproizvodstva: po kakomu puti pojdet Rossiya? [Plea bargain or abridged forms trial: which way is Russia?] // Rossijskaya yusticiya. 1998. № 10.
17. Reznik G. M. Zadacha UPK obespechit' yuridicheskuyu spravedlivost' v obshchestve [Speech at the parliamentary hearing: The task of Code of Criminal Procedure to ensure legal in society] // Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya v Rossii : sb. st. i materialov. M., 2007.
18. Belokovyl'skij M. S. Konflikt i konsensus: nekotorye problemy realizacii dispozitivnyh nachal v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve [Conflict and Consensus: Some Problems of Implementing Dispositive Principles in Russian Criminal Justice] // Rossijskij sud'ya. 2014. № 7.
19. Mizulin M. Y. Ponyatie i obshchie principy monitoringa kak sposoba kontrolya za ispolneniem zakona [Concept and general principles of monitoring as a way to monitor the implementation of the law] // Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya v Rossii : sb. st. i materialov / pod red. E. B. Mizulinoj i V. N. Pligina. M. : Yurist, 2006.

20. Maslennikova L. N. *UPK RF i perspektivy razvitiya ugovnogo sudoproizvodstva v Rossii [The Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Prospects for the Development of Criminal Proceedings in Russia]* // *Lex Russica (Nauchnye trudy Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii)*. 2010. № 3.

21. Mizulina E. B. *O tekhnologicheskoy teorii ugovnogo [About technological theory of Criminal procedure]* // *Uroki reformy ugovnogo pravosudiya v Rossii : sb. st. i materialov / pod red. E. B. Mizulinoj i V. N. Pligina. M. : Yurist, 2006.*

22. *Ros. gaz.* 2003. 11 iyulya.

23. *Ros. gaz.* 2009. 3 iyulya.

24. *Ros. gaz.* 2011. 9 dek.

25. *Ros. gaz.* 2013. 6 marta.

26. Azarov V. A., Revenko N. I., Kuzembaeva M. M. *Funkcii predvaritel'nogo rassledovaniya v istorii, teorii i praktike ugovnogo processa Rossii [The functions of preliminary investigation in the history, theory and practice of the criminal process in Russia]*. Omsk, 2006.

27. Orlov Y. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugovnom processe [Problems of the theory of evidence in the criminal process]*. M., 2009.

28. Zazhickij V. I. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po UPK RF: teoretiko-pravovoj analiz [Evidence and proof of the Code of Criminal Procedure: theoretical and legal analysis]*. SPb. : Yuridicheskij centr Press, 2015.

ОСОБЕННОСТИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ПО ДЕЛАМ ОБ ОСПАРИВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОЦЕНКИ КАДАСТРОВОЙ СТОИМОСТИ НЕДВИЖИМОСТИ

КУЗНЕЦОВА

Екатерина Хенаровна
аспирант кафедры гражданского
процесса и организации службы
судебных приставов ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва),
e.h.kuznetsova@gmail.com.

Настоящая статья посвящена проблеме распределения судебных расходов по делам об оспаривании кадастровой стоимости объектов недвижимости. Проведенное исследование имеет высокую степень актуальности в связи с признанием Конституционным Судом РФ положений ст. 111, ч. 5 ст. 247 и п. 2 ч. 1 ст. 248 КАС РФ, ч. 1 и 2 ст. 110 АПК РФ не соответствующими Конституции РФ. Предметом исследования являются общественные отношения, возникающие при распределении расходов, понесенных в рамках производства по делу об оспаривании результатов кадастровой стоимости недвижимости. Целью работы является обоснование нового подхода к распределению судебных расходов по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости недвижимости. Автором использован диалектический метод исследования, метод анализа и сравнения. Сделан вывод о правомерности требований истцов о возмещении судебных расходов, понесенных по делу, в том числе в случае, когда ответчик не имеет противоположной процессуальной позиции по делу. Автором проводится исследование природы публичных правоотношений и публичного интереса как важнейшей категории публичных правоотношений. С позиции органов государственной власти соблюдение в полном объеме установленных законом процедур определения кадастровой стоимости недвижимости в размере ее рыночной стоимости, является необходимостью, в том числе в части несения расходов на исправление ошибок такого определения и судебных расходов. Автором сделан вывод о появлении нового критерия взыскания судебных расходов: взыскание судебных расходов возможно даже в случае отсутствия возражений ответчика относительно удовлетворения заявлений об оспаривании кадастровой стоимости недвижимости. Результаты исследования могут быть использованы практическими работниками, а также включены в теоретический курс изучения цивилистического процесса.

**Судопроизводство;
распределение судебных расходов;**

**оспаривание результатов
определения кадастровой
стоимости недвижимости;**

судебные издержки

**Ekaterina H.
KUZNETSOVA**

the post-graduate of the Civil Process
and Officers of Justice Service
Organization Chair of the All-Russian
State University of Justice (Moscow),
e.h.kuznetsova@gmail.com.

PECULIARITIES OF DISTRIBUTION OF LEGAL COSTS IN CASES OF DISPUTING THE ESTIMATION OF CADASTRAL VALUE OF REAL ESTATE

This article is devoted to the issue of distribution of legal costs in cases of disputing the estimation of cadastral value of real estate. The conducted research has a high degree of relevance in connection with the recognition by the Constitutional Court of the Russian Federation unconstitutionality of the provisions of Art. 111, part 5 of Art. 247 and p. 2 part 1 of Art. 248 of the Code of Administrative Proceedings of the Russian Federation, Part 1 and 2, Art. 110 of the agrarian and industrial complex of the Russian Federation. The subject of the study is the public relations arising in the distribution of costs incurred in the proceedings in the case of disputing the estimation of cadastral value of real estate. The aim of the work is to substantiate a new approach to the distribution of legal costs in cases of disputing the results the estimation of cadastral value of real estate. The author used the dialectical method of investigation, the method of analysis and comparison. The conclusion is made about the legality of the plaintiffs' claims for legal costs incurred in the case, including in cases where the defendant does not have the opposite procedural position in the case. The author studies the nature of public legal relations and public interest as the most important category of public relations. From the standpoint of public authorities, the full extent of the procedure for estimation the cadastral value of real estate in the amount of its market value, which is established by law, is a necessity, including with regard to the costs of correcting the errors of such an estimation and incurring legal costs. The author made a conclusion about the appearance of a new criterion for the recovery of legal costs, namely the collection of legal costs is possible even in the absence of the defendant's objections regarding the satisfaction of applications for contesting the cadastral value of real estate. Results of the study can be used by practitioners as well as included in the theoretical course of studying of the civil law process.

**Legal proceedings;
distribution of legal costs;**

**disputing the results of estimation
of the cadastral value of real estate;**

legal costs

УДК 347.9

Распределение судебных расходов по делам, возникающим из публичных правоотношений, имеет свои специфику и особенности, которые обусловлены прежде всего правовой природой самих публичных правоотношений. Эти отношения рождаются и развиваются в рамках публичного права. Теория знает немало дискуссий относительно проблем детерминации публичного права, в основе которых лежат вопросы о том, что же мы можем называть публичным правом и можем ли мы определить круг правоотношений, входящих в предмет публичного права.

Используя исторический и диалектический методы исследования, мы выявили индивидуальные черты, присущие публичному праву и публично-правовым отношениям, путем дифференциации черт, свойственных публичному и частному праву.

Разделение права на частное и публичное известно со времен Древней Греции. Впоследствии обособленные и несистематизированные идеи греческих философов объединились римскими исследователями права Ульпианом, Гаем и Цицероном в единую концепцию отношений, одной из сторон которых является государство. Именно эти известные римляне, изучающие право, увидели особенности действия законов в той или иной социальной среде, а также то, что закон не способен реально уравнивать в правах одного человека, группу людей и государство.

Положения, нормы и теория римского права стали основой для дальнейшего развития законодательства в странах с континентальной системой права. Однако не все известные нам теоретики права поддерживают концепцию деления права на публичное и частное.

Например, согласно теории Л. И. Петражицкого право не может делиться на категории в зависимости от характера правоотношения, поскольку характер этого правоотношения не стабилен, он определяется субъектами самостоятельно в каждом конкретном случае, в соответствии с их психологическим отношением к существу правоотношения.

Обозначенная теория весьма специфична и не признает многие хорошо известные нам постулаты, признаваемые ныне многими системами права.

Обратимся к исследователям, придерживающимся идей о необходимости определения специфики публичных правоотношений через позиционирование интереса как первоисточника и ядра правоотношения.

Профессор Л. В. Туманова пишет, что для характеристики публично-правовых отношений, особое значение имеет определение публичного интереса [1, с. 23]. Действительно, интерес, являющийся выражением воли государства, направленным на защиту определенных правоотношений, представляет из себя сложную междисциплинарную категорию.

Прежде всего, категория интереса входит в предмет исследования таких наук, как психология, социология, экономика и право.

В психологии категория интереса описывается следующим образом: «интерес — это реакция, позволяющая индивиду приспособиться к постоянно меняющимся условиям окружающей среды» [2, с. 368]. Интерес здесь предстает перед нами неотъемлемой частью личности, своеобразным защитным механизмом, используя который индивид поддерживает свое существование.

Психологическая теория представляет нам интерес как нечто глубоко субъективное, общество же не является причиной изменения интереса, оно меняется хаотично и вызывает необходимость подстраиваться под появившуюся социальную реальность.

Как одна из основных в социологии категория интереса раскрывает связь между объективными закономерностями и действиями людей. Именно интересы направляют деятельность субъекта, формируют мотивы его поступков и социального поведения [3, с. 155].

Социология как наука об обществе, делает акцент именно на социальном поведении, причем социум в данном случае является неотъемлемым компонентом категории интереса.

Оба подхода обусловлены спецификой предмета и метода исследования каждой из областей науки.

Анализируя концепции, раскрывающие понятие «интерес», Д. В. Александров отметил, что «если социология первой половины XX в. раскрывала содержание человеческих интересов через призму материального положения, рефлексии, ценностных ориентаций субъекта, его статусных нормативов, то в начале XXI в. социальные теоретики оперируют этим понятием для обозначения своего рода «чистой связи» актуального и потенциального бытия, единства культурной позиции, жизненной истории, разницы в характере потребления, владения информацией» [4, с. 57].

Действительно, особое внимание следует уделить современным концепциям, соответствующим духу времени. Обратимся к исследованию профессора Е. И. Суименко, который обозначил основные тенденции развития этой категории и черты интереса в современном понимании.

Е. И. Суименко считает, что смещение социальных интересов людей с классово-групповых на общечеловеческие происходит вследствие интенсивного характера интеграционных процессов в обществе [3, с. 379]. Эти процессы обуславливают меняющийся характер общественного интереса, который зависит от множества факторов: политического режима, наличия официально установленной религии, экономического уровня развития общества, уровня образованности населения и других факторов.

Таким образом, общечеловеческие интересы присущи как индивидуумам, социальным группам, так и обществу в целом.

Перейдя к категории общественного интереса, нельзя обойти работы К. Маркса, определявшего общественный интерес как «разросшийся личный интерес».

Основатель марксизма полагал, что в первобытном обществе существовали лишь личные потребности, которые являлись, по сути, интересом индивида, лишь позднее потребности стали носить общественный характер и привели в том числе к разделению труда [5, с. 100].

Французский классик социологической науки Э. Дюркгейм в работе «О разделении общественного интереса», напрямую не изучая категорию общественного интереса, все же пишет, что «индивид не находится один на свете, а окружен соперниками, оспаривающими у него средства к существованию, то прямой интерес для него установить такие отношения между собой и себе подобными, чтобы эти последние не препятствовали, а служили ему; так возникает общество, и весь социальный прогресс состоит в улучшении этих отношений таким образом, чтобы заставить их полнее производить результат, для достижения которого они были установлены» [6, с. 20].

Таким образом, общественный интерес возникает и развивается вместе с обществом, члены которого равным образом желают достичь положительного результата своей деятельности, который представляется возможным достичь только при условии непротиворечия интересов большинства членов общества.

Еще один немаловажный вопрос, касающийся природы общественного интереса, звучит так: представляет ли собой общественный интерес простую совокупность интересов членов этого общества или же является вновь образовавшейся категорией?

Рассматривая в качестве правильного первый вариант, согласно которому общественный интерес равен сумме интересов членов общества, обратимся к теории общественного выбора (*Public choice theory*) американского экономиста Дж. Бьюкенена, которая анализирует с помощью экономики общественные блага, критикует существующие методы управления, а также предлагает пути устранения существующих политических проблем. Конечно, Бьюкенен рассматривал общественные интересы в разрезе экономической теории и политической науки, однако мы нашли его исследование актуальным и для юридической науки.

Согласно теории Дж. Бьюкенена, «человек имеет собственные интересы, он сам способен отстаивать их в активной автономной деятельности, причем наиболее эффективным образом. Общество при таком подходе рассматривается как совокуп-

ность индивидов; «общественные интересы» — как производные от личных; лучшим считается то общество, которое в наибольшей степени позволяет индивидам свободно реализовать их частные интересы» [7, с. 453]. В целом теория констатирует невозможность преодоления верховенства личных интересов над общественными у людей, обладающих политической властью. Поскольку индивид не может ущемлять свои интересы ради общественных, общественные интересы — это совокупность интересов членов этого общества.

Так, Дж. Бьюкенен изучал общественные интересы и делал акцент на верховенстве личных интересов над общественными. Нам представляется, что в таком контексте интересы существуют и при отсутствии какой-либо поддержки общественно значимых отношений государством.

Второй подход к определению общественно-го интереса заключается в появлении абсолютно новой категории, представляющей перед нами как нечто большее, нежели сумма интересов членов общества.

Например, в советский период у авторов не возникало сомнений в существовании отдельного общенародного интереса, который выражался в стремлении всех членов общества к умножению национального богатства и благосостояния страны [8, с. 39].

В современной юридической литературе мы можем констатировать тот факт, что в ней не выработано единого подхода к определению понятия общественного интереса.

Налицо плюрализм в подходах к определению природы общественных интересов и их состава, но мы не сомневаемся в том, что защита общественных интересов является одной из основных задач государства, которую оно выполняет при помощи института судебной власти. Не только суд компетентен в области разрешения конфликтов в сфере общественных интересов, но только суд способен поставить точку при невозможности разрешения вопроса иным путем.

В настоящее время существует несколько различных точек зрения по поводу определения правового интереса, которые мы проанализируем ниже.

Исследователи процессуального права В. М. Гордон и Т. М. Яблочкова полагали, что интерес — эта правовая выгода, которую получит истец при вынесении решения суда в его пользу [9, с. 4; 10, с. 59]. Думается, что здесь же имеется в виду и выгода, на которую истец может рассчитывать при исполнении решения суда.

Немецкий правовед и представитель реалистической школы права Р. Иеринг, исследуя в работе «Интерес и право» проблему интересов в рамках железнодорожного права, исходит из цели как основы для определения, частным или публичным

является оспариваемый интерес [11, с. 33]. В случае если требование является денежным или основано на договоре, такой интерес является частным.

О. С. Иоффе не противопоставлял частные интересы общественным. Он писал: «...Совершая высоко-нравственные, патриотические действия, советский человек не преследует и по самой природе этих действий не может преследовать своекорыстных целей. Им руководит только общественный долг, и лишь общественный интерес. К этому выводу приводит и оценка сущности обязательства, всецело предопределяемого правильным сочетанием личных и общественных интересов» [7, с. 852].

А. И. Экимов при изучении интересов в праве пришел к выводу о том, что содержание интереса выражает объективно сложившееся отношение субъекта к условиям его существования [12, с. 6]. Таким образом, мы возвращаемся к определению интереса, рассматриваемому сквозь призму потребности личности и общества, что позволяет нам вывести интересующее нас понятие правового интереса.

Под правовым интересом понимается польза, на которую рассчитывает субъект при осуществлении им своих прав и обязанностей в рамках правоотношения. Здесь немаловажным аспектом является установление цели субъекта, поскольку ее достижение и есть выгода, которую стремится получить субъект правоотношения, и она же — потребность, которую необходимо удовлетворить.

В основе публичных правоотношений лежат в первую очередь интересы государства и общества. Они включают в себя лишь те потребности, от которых зависит существование и развитие общества [13, с. 160].

В судебном процессе, стороной которого является государственный орган, интересом обеих сторон, по сути, является одно и то же — реализация прав законным способом с соблюдением установленной процедуры. Почему же при едином интересе у сторон в делах, вытекающих из публичных правоотношений, возникает спор, который может разрешить только суд?

Н. Н. Косаренко считает, что при возникновении каких-либо противоречий между интересами различных субъектов во многих случаях речь идет не о проявлениях выраженных незаконных интересов, а о ложном понимании объективных интересов одним из субъектов в силу объективных либо субъективных причин [13, с. 161]. Иными словами, интерес обеих сторон является законным, однако выражение данного интереса в определенном действии или бездействии трактуется сторонами по-разному, появляются разночтения в понимании порядка регулирования рассматриваемой сферы общественной жизни. Такая специфика характеризует публично-правовые споры. Кроме того, особенностью таких споров является фактическое

неравенство субъектов отношений. Изначально они начали взаимодействовать друг с другом по принципу власть и подчинение, но в какой-то момент более слабая сторона оказалась в ситуации, когда все пути решения вопроса были исчерпаны, а разрешение спора посильно лишь суду.

В КАС РФ [14] определен предмет его регулирования, им являются порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции, мировыми судьями административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, а также других административных дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений и связанных с осуществлением судебного контроля за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий [7, с. 14].

В ст. 1 КАС РФ, посвященной предмету правового регулирования, раскрывается, какие именно дела о защите нарушенных или оспариваемых прав являются административными, какие другие дела вытекают из административных и публичных правоотношений, однако список категорий дел является открытым.

В связи с возросшим количеством рассматриваемых судами административных исковых заявлений стали возникать вопросы при распределении судебных расходов, понесенных сторонами административного спора.

Для целей исследования особенностей распределения судебных расходов в административном судопроизводстве наиболее интересна относительно новая категория дел, которая в последнее время является весьма распространенной ввиду изменения налоговой политики государства в части оценки кадастровой стоимости недвижимого имущества.

В настоящее время процессы оспаривания результатов кадастровой оценки недвижимости приобретают массовый характер, поскольку кадастровое оценивание, основанное на принципах массовой оценки, не может обеспечить учет особенностей конкретных объектов [15, с. 62].

Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [16] вступил в силу с 1 января 2017 г. и консолидировал нормы права, регулирующие вопросы проведения кадастровой оценки, раскрыл ее принципы, требования к оценщикам, а также порядок оспаривания кадастровой стоимости. Кадастровая стоимость объекта недвижимости может быть оспорена в комиссии, создаваемой на территории соответствующего субъекта РФ уполномоченным органом, или в суде. При этом обращение в комиссию перед обращением в суд не является обязательным, т. е. заинтересованное лицо вправе сразу обратиться в суд.

Исследование распределения судебных расходов именно в рамках этой категории дел административных споров нам особенно интересно в связи с тем, что в июле 2017 г. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 11.07.2017 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н. Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения “Российский сельскохозяйственный центр”» [17] признал неконституционными положения ст. 111, ч. 5 ст. 247, п. 2 ч. 1 ст. 248 КАС РФ в той мере, в какой этими положениями — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, — при отсутствии возражений ответчика, административного ответчика на требования истца, административного истца фактически исключается возможность присуждения судебных расходов лицу, чье исковое заявление, административное исковое заявление об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости удовлетворено судом.

Данное постановление стало поистине революционным в практике распределения судебных расходов по административным делам об оспаривании результатов оценки кадастровой стоимости объектов недвижимости. По сути, Конституционный Суд РФ высказался относительно сложившейся в судах практики, когда суды отказывают заявителям в удовлетворении заявлений о взыскании судебных расходов с государственных органов или органов государственной власти, которые являются административными ответчиками по делам об оспаривании кадастровой стоимости.

Изучив решения судов разных регионов России, вынесенных по делам об оспаривании кадастровой стоимости недвижимого имущества, мы пришли к выводу о том, что подобная практика действительно сложилась. Доводы, приводимые судами в решениях, сводились к тому, что административные ответчики не имеют противоположной с административным истцом позиции по делу, в связи с чем судебные расходы в пользу административного истца возмещению не подлежат.

Это неизбежно привело к появлению обращений заинтересованных лиц в Конституционный Суд РФ и рассмотрению ст. 111 КАС РФ на предмет соответствия Конституции РФ. Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ в указанном Постановлении стали также положения ч. 5 ст. 247, п. 2 ч. 1 ст. 248 КАС РФ, ч. 1 и 2 ст. 110 АПК РФ [18].

Интересно отметить, что в данном Постановлении объединены два заявления о признании не соответствующими Конституции РФ [19] положений

двух различных кодексов, при этом было установлено, что правила распределения судебных расходов в кодексах являются одинаковыми по содержанию, в связи с чем суд объединил две жалобы в одно производство.

Основанием для признания данных норм неконституционными в контексте сложившейся правоприменительной практики послужил вывод Конституционного Суда РФ о том, что при распределении судебных расходов по делу об оспаривании определения кадастровой стоимости недвижимости нарушен баланс реализации частных и публичных интересов.

Получается, что публичный характер правоотношений и установленные процедуры распределения судебных расходов не могут ограничивать конституционное право лица, заинтересованного в восстановлении своих нарушенных или оспариваемых прав и свобод на возмещение понесенным по делу судебных расходов.

Примечателен также факт обнаружения Конституционным Судом РФ корреляции разъяснений Верховного Суда РФ, содержащихся в постановлении Пленума от 30.06.2015 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости» [20] и положения п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [21], которая заключается в том, что в первом случае судебные расходы могут быть распределены даже при отсутствии противоположных процессуальных позиций, а во втором случае это невозможно именно из-за отсутствия спора как такового.

В целом же следует указать на то, что критерий наличия спора о праве при распределении судебных расходов в настоящее время нельзя назвать универсальным, так как в некоторых случаях он не применим, как и при распределении судебных расходов по делам об оспаривании результатов оценки кадастровой стоимости объектов недвижимости.

В резолютивной части названного постановления содержится указание на необходимость уточнения правил распределения судебных расходов в делах об установлении кадастровой стоимости объектов недвижимости в размене их рыночной стоимости. По настоящее время данные изменения не были внесены в ни в КАС РФ, ни в АПК РФ.

Нужно отметить, что итоговым результатом признания норм, регулирующих распределение судебных расходов по делам об оспаривании кадастровой стоимости, по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, внесло немало важный вклад в становление института судебных расходов.

В целом можно констатировать, что Конституционный Суд РФ назвал новый, ранее неизвестный критерий правомерности взыскания судебных расходов в публично-правовом споре с органами государственной власти даже в случае отсутствия процессуально-противоположных позиций по делу.

Таким образом, исходя из принципов публичного права, особенностей публично-правовых отношений мы сделали вывод о том, что в спорах с государственными органами, даже в случае отсутствия противоположной процессуальной позиции,

сторона, в чью пользу состоялось решение суда, имеет право на возмещение судебных расходов.

В российской системе права судебная практика неофициально признана источником права, однако суды руководствуются при вынесении решения в том числе постановлениями Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ, указывая об этом в тексте своих решений. Поэтому вопросы, имеющие как практическое, так и теоретическое значение для правовой науки, обязательно должны находить отражение и становиться предметом рассмотрения в постановлениях высших судебных инстанций.

Пристатейный библиографический список

1. Туманова Л. В. Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.
2. Федорова Ю. В. Соотношение индивидуального и общественного интереса при производстве общественных благ // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2011. № 3.
3. Суименко Е. И. Интерес как социальное явление и его дальнейшие модификации // Социологический альманах. 2014. № 6.
4. Александров Д. В. Понятие «интерес» в современной западной социологии // Социологические исследования. 2014. № 8.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1.
6. Дюркгейм Д. Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1991.
7. Иоффе О. С. Обязательственное право. М. : Юрид. лит., 1975.
8. Бьюкенен Дж. М. Сочинения. Конституция экономической политики. Расчета согласия. Границы свободы // Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1. Фонд экономической инициативы. М. : Таурус Альфа, 1997.
9. Гордон В. М. Отсутствие права на иск. М. : Тип. «Печатник», 1912.
10. Яблочков Т. М. Практический комментарий на Устав гражданского судопроизводства. Т. 1. Ярославль, 1913.
11. Иеринг Р. Интерес и право. Учредительство и железные дороги: Очерк железнодорожного права. Ярославль : Тип. Губ. зем. управы, 1880.
12. Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1984.
13. Косаренко Н. Н. Категория «интерес» в системе публичного и частного права // Государство и гражданское общество. 2007. № 3.
14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
15. Барамзин К. Н. К вопросу оспаривания кадастровой стоимости // Оценка инвестиций. 2016. № 1.
16. Рос. газ. 2016. 6 июля.
17. Рос. газ. 2017. 31 июля.
18. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
19. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 439.
20. Рос. газ. 2015. 10 июля.
21. Рос. газ. 2016. 1 марта.

References

1. Tumanova L. V. Zashchita publichno-pravovyh interesov v grazhdanskom sudoproizvodstve [Protection of public interest in civil proceedings] : dis. ... d-ra yurid. nauk. SPb., 2002.
2. Fedorova Y. V. Sootnoshenie individual'nogo i obshchestvennogo interesa pri proizvodstve obshchestvennyh blag [Correlation of individual and public interest in the production of public goods] // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ehkonomicheskogo universiteta. 2011. № 3.
3. Suimenko E. I. Interes kak social'noe yavlenie i ego dal'nejshie modifikacii [Interest as a social phenomenon and its further modifications] // Sociologicheskij al'manah. 2014. № 6.

4. Aleksandrov D. V. Ponyatie «interes» v sovremennoj zapadnoj sociologii [The concept of “interest” in modern Western sociology] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2014. № 8.
5. Marks K., Ehngel's F. Sochineniya [Collected Works]. 2-e izd. T. 46. Ch. 1.
6. Dyurkgejm D. E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii [On the division of social labor. Method of sociology]. M. : Nauka, 1991.
7. Ioffe O. S. Obyazatel'stvennoe parvo [Liability]. M. : Yurid. lit., 1975.
8. B'yukenen Dzh. M. Sochineniya. Konstituciya ehkonomicheskoy politiki. Rascheta soglasiya. Granicy svobody [Compositions. Economic policy constitution. Consent calculation. The limits of freedom] // *Nobelevskie laureaty po ehkonomie*. T. 1. Fond ehkonomicheskoy iniciativy. M. : Taurus Al'fa, 1997.
9. Gordon V. M. Otsutstvie prava na isk [Lack of right to claim]. M. : Tip. «Pechatnik», 1912.
10. Yablochkov T. M. Prakticheskij kommentarij na Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva [Practical comments on the Charter of civil proceedings]. T. 1. Yaroslavl', 1913.
11. Iering R. Interes i pravo. Uchreditel'stvo i zheleznye dorogi: Ocherk zheleznodorozhnogo prava [Interest and right. Foundation and Railways: Essay on Railway Law]. Yaroslavl' : Tip. Gub. zem. upravly, 1880.
12. Ekimov A. I. Interesy i pravo v socialisticheskom obshchestve [Interests and law in a socialist society]. Leningrad : Izd-vo Leningrad. un-ta, 1984.
13. Kosarenko N. N. Kategoriya «interes» v sisteme publichnogo i chastnogo prava // *Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo*. 2007. № 3.
14. Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 № 21-FZ // *SZ RF*. 2015. № 10. St. 1391.
15. Baramzin K. N. K voprosu osparivaniya kadaastrovoj stoimosti [On the issue of contesting the cadastral value] // *Ocenka investicij*. 2016. № 1.
16. *Ros. gaz.* 2016. 6 iyulya.
17. *Ros. gaz.* 2017. 31 iyulya.
18. Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 № 95-FZ // *SZ RF*. 2002. № 30. St. 3012.
19. Konstituciya Rossijskoj Federacii, prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 // *SZ RF*. 2014. № 31. St. 439.
20. *Ros. gaz.* 2015. 10 iyulya.
21. *Ros. gaz.* 2016. 1 marta.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

в. — век (-а)

ВСНД и ВС — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета

ВЦИК — Всесоюзный центральный исполнительный комитет

г. — год (-а)

Государственная Дума — Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

ЕС — Европейский Союз

МВД России — Министерство внутренних дел Российской Федерации

Минобрнауки России — Министерство образования и науки Российской Федерации

Минюст России — Министерство юстиции Российской Федерации

млн — миллион (-ы)

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НКЮ — Народный комиссариат юстиции

п. — пункт (-ы)

Рос. газ. — «Российская газета»

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ — Российская Федерация

СЗ — Собрание законодательства

СМИ — средства массовой информации

СНК — Совет Народных Комиссаров

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

ст. — статья (-и)

СУ — Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства

США — Соединенные Штаты Америки

тыс. — тысяча (-и)

ФНС России — Федеральная налоговая служба Российской Федерации

ч — час (-ы)

ч. — часть (-и)

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим **техническим требованиям**:

- объем — не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт — Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал — 1,5;
- поля — по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ — 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного пристатейного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянецовать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах *Photoshop* (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или *InDesign* — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в **обязательном порядке** должен представить на **русском и английском языках** следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1 000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: <http://journal.rpa-mu.ru>.